

Ральф ПИТЕРС

ДОМИНО

Ральф
ПИТЕРС

ВОЙНА
2020 ГОДА

ВОЙНА 2020 ГОДА

2

**Ralph
PETERS**

**THE WAR
IN
2020**

Ральф
ПІТЕРС

ВОЙНА 2020 ГОДА

В 2-х книгах

КНИГА
ВТОРАЯ

Москва

ВАГРИУС

Минск
БелВагриус
1994

ББК 84(7США)

ПЗ5

УДК 820(73) 3

Серия основана в 1994 году

Перевод с английского

Питерс Р.

ПЗ5 Война 2020 года: В 2-х кн. Кн. 2: Пер. с англ. — М.: Вагриус; Мн.: БелВагриус, 1994. — 447 с. — (Домино).

ISBN 5-7027-0041-4 (Вагриус).

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

П 8200000000

**ISBN 5-7027-0041-4
(Вагриус)**

Copyright © 1991 by Ralph Peters
© Издание на русском языке. Издательство «Вагриус», 1994
© Перевод. С. Луговой, Т. Сиднева, 1994
© Обложка. А. Сальников, 1994

ЧАС ИСПЫТАНИЙ

Ноябрь 2020 года
2—3 часа ночи

У подножия холма, на котором стоял загородный дом, где Джордж Тейлор провел свое детство, был заброшенный сад. Этот сад так и остался неосуществившейся мечтой какого-то умершего фермера и невоплощенным в жизнь плодом воображения нового владельца. Заброшенные деревья одичали. По мере того как дорога вела от аккуратных соседних участков, на которых стояли как будто только что сошедшие с телевизионного экрана дома, мимо уже расчищенных, но еще не застроенных участков ничейной земли, она из вымощенной камнем становилась гравиевой, а затем и просто грязной глиной. Последние канализационные колодцы на краю дороги, подобно карликовым огневым дзотам из железа и бетона, охраняли границы цивилизации. Прямо из-под ног вспархивали птицы, а летом неповоротливые змеи лежали в пыли и грелись на солнце. Заросший сад располагался вокруг оврага, очень удобного для их ребячьих игр.

Этот небольшой заброшенный уголок дикой природы был страшно неряшлив, как бывают

неряшливы дети и старики. Деревья в саду были очень старыми, а бегающие между ними с дикими воплями войны — очень юными. Джордж Тейлор был самым младшим в этой шайке и самым необузданным, поскольку он очень боялся, что более взрослые ребята догадуются о том страхе, который в нем жил. Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, он лишь качал головой, вспоминая то внушающее ужас безрассудство, выдаваемое им за храбрость, которой у него никогда не было.

Во времена его детства самым старшим в их ватаге, вместе с которой он познавал мир, был сильный, шумный парень по имени Чарли Уинтерс. Одним из первых четких воспоминаний детства Тейлора было то, как вместе с другими мальчиками он отправился под руководством Чарли в специальную экспедицию на дно оврага. Вооружившись палками, ватага мальчишек двинулась в то яркое солнечное утро в сад, где царил желто-зеленый полумрак. Чарли шел впереди, стараясь отыскать путь, по которому он прошел здесь вчера днем. Среди кривых веток, усыпанных сморщенными несъедобными плодами, Чарли обнаружил одно отличное яблоко, но достать его было трудно: сокровище висело на очень высокой ветке и, что еще хуже, слишком близко от серого шара осинога гнезда.

У каждого из мальчишек дома в красивых корзинах лежало множество отборных яблок, однако все члены банды предпочитали конфеты. Но это яблоко из заброшенного сада было

драгоценностью в немалой степени и потому, что так утверждал Чарли. Командир сказал свое слово, и дикий плод приобрел какую-то тайну. Он висел в этом заброшенном саду, полном опасностей, способных вызвать трепет в сердцах мальчишек.

У Чарли созрел план. По его команде все мальчишки должны были одновременно начать кидать камни в яблоко. Это был хороший план, за исключением одного-единственного недостатка: один из мальчишек должен был встать прямо под веткой, для того чтобы схватить плод и пуститься бежать, прежде чем встревоженные осы набросятся на него.

Главарь посмотрел вокруг в поисках добровольцев.

Ни один из храбрецов его команды не вышел вперед.

— Ну же, — сказал Чарли. — Это же легко, мы справимся...

Все взоры устремились на высокую ветку и на висящее на ней сокровище. Осиное гнездо стало еще больше и еще ужаснее, а ленивая деятельность его стражников начала казаться мальчишкам гораздо более устрашающей, чем раньше.

— Джорджи, — сказал Чарли, — ты самый маленький. Осам будет труднее тебя обнаружить, чем других. И ты умеешь быстро бегать.

Последнее утверждение было явной ложью. Тейлор всегда прибегал последним, когда бежал вместе с другими, более взрослыми и более длинноногими мальчиками наперегонки.

Тейлор не ответил. Он просто смотрел вверх на отвратительный мешок осиногo гнезда. Ему было страшно.

— Ты ведь не боишься, правда? — требовательно спросил Чарли.

— Нет, — ответил Тейлор. Ему очень хотелось убежать отсюда домой и начать играть в какую-нибудь другую игру. Но он боялся, что его обзовут малышом или трусом.

— Ну, так докажи это. Я вот думаю, что ты трус.

— У-у, — раздался другой голос. — Джорджи Тейлор — трус. — Это выкрикнул какой-то невзрачный мальчишка с незапоминающимся лицом, имя которого позднее стерлось в памяти Тейлора.

— Я не трус! Это ты — трус, а не я. — И он с трудом начал пробираться сквозь заросли шиповника и колючий кустарник.

Он встал точно под веткой, на которой висело яблоко, насколько это можно было определить, глядя вверх. Это было очень трудно. Солнце, проникающее сквозь листву, слепило глаза, сучья казались черными, и голова у него начала кружиться.

— Эй, ты готов? — выкрикнул Чарли.

— Вроде да, — сказал Тейлор. Но он не был готов. Он не мог быть готов. Невозможно даже описать, как ему было страшно.

— Приготовься, — скомандовал Чарли. — Все вместе на счет три.

Мальчишки схватили камни. Тейлор нервно подвинулся, стараясь разглядеть яблоко в этом переплетении яркого света и черных веток.

— Раз — два — три!

Все произошло с невероятной быстротой: крики, свист летящих камней, непонятная сумятица прямо у него над головой. Один камень сильно ударил его в плечо, а яблоко падало так, что он не мог его поймать. Рядом с ним с глухим треском упала сухая оболочка осинового гнезда.

Он протянул руку, пытаясь достать яблоко, но осы уже налетели на него. Он побежал. Весь мир перевернулся. Он вскинул руки вверх, крича от ужасных жгучих укусов. Одна оса ужалила его в губу.

Все остальные мальчишки убежали. Он бежал один сквозь дикие заросли, стараясь вырваться из этого безжалостного мрака, который никак не переставал мучить его. Он бежал сквозь колючки и заросли, отбиваясь руками от ос. Плача и пронзительно крича, он на карачках взобрался по грязному откосу оврага, вырвался из отвратительного мрака, думая, что осы должны отстать от него сейчас, когда он выбрался из их владений и опять оказался на свободе, в царстве ясного дня и голубого неба.

Но ужасные мучения не прекращались. Эти страшные существа жужжали вокруг, набрасывались на него. Далеко впереди, совсем рядом с границей мощеных улиц и прекрасных домов, он увидел своих отступающих друзей.

Чарли побежал медленнее и крикнул:

— Эй, быстрее, Джорджи. — Он смеялся.

Сейчас, когда он сидел в кабине своей боевой машины и вел уже взрослых солдат в бой, Тейлор задумался, много ли в нем еще оста-

лось от того мальчишки, который стоял под осиным гнездом, в то время как другие, стоя в отдалении, кидали камни.

Все пошло не так, как ожидалось. Планировалось, что ВВС США будут осуществлять стратегическое радиопротиводействие вдоль старой советско-иранской границы, выводя из строя линии связи противника на площади в десятки тысяч квадратных километров. Однако сверхсложный и безумно дорогой самолет „Уайт лайт“ из-за плохой погоды остался в ангаре на основной базе в штате Монтана. Конечно, полк Тейлора и подразделения электронной боевой поддержки Десятого полка смогут изолировать поле боя с помощью имеющихся в их распоряжении постановщиков помех, но у противника останутся вынесенные стратегические и тактические линии связи. Таким образом, важное, а может быть, и абсолютно необходимое условие внезапного нападения не будет выполнено.

Один из лейтенантов Третьей эскадрильи нарушил приказ о взлете с помощью автоматической системы. Во время попытки совершить взлет вручную его М-100 в темноте врезался в линию электропередач, которая, к счастью, оказалась обесточенной. Только благодаря этому весь экипаж остался в живых и отделался лишь сильными ушибами, выбитыми зубами и одной сломанной рукой. В результате аварии полк потерял одну боевую машину еще до начала боя. Сдерживая раздражение по поводу случившегося и не желая поплатиться репутацией спокойного человека за удовольствие от-

крыто высказать свой гнев, Тейлор тем не менее поклялся самому себе, что лейтенант в скором времени получит возможность поискать для себя другой вид деятельности, если, конечно, они оба останутся в живых после войны.

Да, все начинало выходить из-под контроля. Но ситуация была еще не настолько пиковой, чтобы Тейлор начал волноваться. Одна из очень немногих истин, которую он усвоил за долгие годы службы в армии, состояла в том, что в боевых действиях по самой их природе не могло быть порядка. Карты сражений и решительные стрелки, благодаря которым все казалось столь очевидным и простым в уставах и книгах по военной истории, на самом деле были результатом радикальных косметических операций. За этими безупречными графиками скрывались случаи невообразимой неразберихи, непонимания, разные происшествия (как трагические, так и счастливые), неиспользованные возможности, провалы, страх и героизм огромного числа людей. Боевые действия всегда хаотичны, и главная задача командира состоит в том, чтобы навести в своих войсках чуть-чуть больше порядка, чем в войсках противника. Причина абсолютной необходимости военной дисциплины состоит не только в том, чтобы огромное число мужчин в военной форме шло в бой, когда им прикажут, — это лишь часть дела. Дисциплина необходима, потому что каждое воинское подразделение постоянно находится в зависимости от непредвиденных ситуаций, начиная от сломанных пальцев

во время ремонта мотора в мирное время и кончая ужасными катастрофами в военное время.

Тейлор не получил обещанного подкрепления от командования военно-воздушных сил, он потерял одну из своих боевых машин из-за лихачества мальчишки в военной форме. Но большая часть его полка была готова к бою — сорок шесть машин М-100 взлетело благодаря выполненной в последний момент титанической работе Мэнни Мартинеса и инженеров-механиков полка и эскадрилий. Боевые машины Десятого полка тоже находились на рубеже атаки, и признаков того, что противник обнаружил присутствие американцев, пока не было. Меньше чем через десять минут поднимется в воздух Первая эскадрилья, за ней быстро последует Вторая, а за ней — Третья. Еще не испытанные в боях, машины до сих пор работали просто отлично, их электронное оборудование могло сгущать темноту, сквозь которую самолеты должны были пролететь незамеченными и атаковать противника. Приказа от слабонервных начальников из Вашингтона об отмене атаки пока не поступало, и скоро Седьмой полк поднимет в воздух последний вертолет. Где-то там, позади потока новых врагов, притаился его старый противник.

В целом полковник Джордж Тейлор считал себя очень удачливым человеком.

— Садись за руль, Утенок, — сказал Тейлор второму пилоту, старшему уорент-офицеру Элвису Кребсу по кличке Утенок. Еще со времен Заира Тейлор всегда сам отбирал себе

в команду самых старых, самых выносливых и самых угрюмых офицеров. — Я иду в командный отсек.

— Отлично, — произнес Кребс своим резким, с южным акцентом голосом, давая понять, что присутствие Тейлора было совершенно ненужным. Как и Тейлор, Кребс служил в армии достаточно давно и помнил те старые времена, когда на вооружении армии США еще были вертолеты „Кобра“. Сами-то они оба выросли на вертолетах типа „Апач“, но помнили, как угрожающе выглядел фюзеляж „Кобры“ во время полета. Они были свидетелями огромных изменений в военной технологии и в ближайшие часы должны были либо стать свидетелями нового прорыва в военной технике, либо смертельно опозорить свой народ.

— Прислать тебе чашку кофе, Эл? — предложил Тейлор, отстегиваясь от мягкого сиденья, расположенного перед пультом с огромным числом электронных приборов.

— Не надо, — сказал Кребс, — я, кажется, загрузился до отказа. — Каждый раз, когда Тейлор слышал напускную небрежность тона Кребса, он с трудом сдерживал смех. Кребс уже давно должен был выйти в отставку, но ему продлили срок службы, чтобы он оказал помощь в формировании первого полка М-100, так как он в течение долгого времени занимался летными испытаниями нового вертолета. Тейлор считал его одним из последних представителей ныне вымершего племени сварливых, бранчливых, но великодушных уорент-офицеров, благодаря которым и летали само-

леты ВВС США. Совместно пережитые трудности установили между Тейлором и Кребсом такие отношения, на которые отраживались очень немногие в полку. У них бывали плохие времена, но они лишь выгодно оттеняли хорошо прожитую жизнь.

В декабре 1989 года еще совсем молодым уорент-офицером, Кребс принял свой первый бой в Панаме. Рассказывали, что он пролетел над бараками осажденного американского подразделения и сбросил самодельные листовки, на которых было написано: „Счастливого, черт вас дерит, Рождества“. Вскоре после этого его послали в Саудовскую Аравию во время великого наступления 1990 года. Старина Утенок прошел все это с честью.

Тейлор просунул плечи в узкую дверь, ведущую на командный пункт. Там, где в обычном М-100 имелся отсек для небольшой группы десантников, вооруженных для ведения наземного боя, командный вариант вертолета был до отказа набит самыми современными микроэлектронными средствами связи и обработки информации. В отсеке имелись устройства для контроля условий окружающей среды. Перед человеком, входящим в отсек, открывалось зрелище разноцветных, светящихся экранов разной величины девяти мониторов, на которых отображалось все — от хода боевых действий, передаваемых в реальном масштабе времени по космическим разведывательным системам, до графических картин боя в электромагнитном спектре, высвечиваемых яркими светящимися красками. Это напоминало Тейлору волшеб-

ную пещеру, в которой невидимый мир становился осязаемым. Здесь можно было встретить жестоких демонов, прячущихся в воздухе и невидимых для невооруженного взгляда, или увидеть на экранах далекие удивительные земли. Даже простейшие секреты жизни и смерти раскрывались здесь: на дисплеях были видны объекты поражения противника, выведенные из строя собственные системы, наличие боеприпасов и смертоносных источников энергии. Командиры с минимальным боевым расчетом, используя свои радиолокаторы, могли видеть в темноте, в облаках и в тумане. Это было своего рода Божье око, проникающее в шаша ведьм на поле боя. Командиру было легче увидеть на экране монитора район боя, в котором сражались его подчиненные, чем для обычных людей посмотреть телевизор. Изменение угла зрения, контрастности и уровня увеличения, а также визуальное изображение энергетических волн — все это таилось здесь, за кнопками и выключателями. Отсюда можно было услышать голос Господа. Лазерные системы обеспечивали мгновенную связь с такими же станциями в любом конце земного шара, а огромные массивы информации могли поступать или передаваться с обычных компьютеров, установленных на борту М-100, в ходе боя.

Это была великолепная машина. Как бортовые, так и системы захвата цели на внешней подвеске были настолько эффективными и универсальными, что во время учебных полетов летчики экипажей развлекались тем, что выслеживали в прерии мелкую дичь с расстояния де-

сятков километров. Электронный искусственный мозг хранил такой огромный объем информации как военного, так и общего характера, что ему можно было дать команду собрать и обработать информацию от всех разведывательных систем для поиска цели по любым ее параметрам. Например, определить точные координаты всех голубых „фордов“ модели 2015 на шоссе на дорогах Северной Америки, в которых едут два взрослых пассажира и бак которых заполнен только наполовину. Возможности сбора данных, осуществляемого в микросекунды, были настолько велики, что еще никому из экспертов полка не удавалось поставить перед системой задачу, с которой она бы не справилась. Можно было поручить системе обнаружения целей найти отдаленные плантации желтых роз или все боевые машины противника с поврежденным правым крылом. Система работала настолько быстро, что без автоматизации человек просто был бы не в состоянии обрабатывать такой поток информации о целях. Система оружия М-100 была полностью автоматизирована, а на человека возлагалось решение сложных задач: выбор и пересмотр приоритетов и определение оперативных характеристик. Управление каждой бортовой системой могло в случае необходимости производиться вручную, но такое снижение эффективности системы разрешалось только в исключительных обстоятельствах. Эта технически самая мощная воздушно-наземная боевая машина из всех, когда либо существовавших, способна была вести бой бесконечно, даже пос-

ле смерти всех членов экипажа. Однажды Тейлор подслушал шутку одного молодого летчика, который сказал, что М-100 делает любого летчика генералом. Он имел в виду, что возможности М-100 позволяли любому человеку, садящемуся за рычаги управления этой машины, почувствовать себя всемогущим и при этом не запачкать руки в крови.

Тейлор был готов признаться, что даже он сам не полностью представлял себе все последствия, которые эта неиспытанная система могла иметь для исхода боевых действий. Но он был уверен в одном: несмотря на все технические чудеса в руках современного воина, его руки будут испачканы кровью, и притом очень сильно.

Мерри Мередит как раз закончил молиться, когда Тейлор протиснулся в командный пункт. Ни капитан, заместитель Мередита, ни оба сержанта, находившиеся вместе с Мередитом в тесной кабине, не понимали, что он молится. Мередит не складывал молитвенно руки, не опускался на колени и не закрывал глаза. Для Мередита молитвой были просто те мгновения, когда он обращался к Богу с несколькими мысленными просьбами. „Боже, дай мне возможность пережить это все. Позволь мне опять увидеть Морин. Позволь мне обнять ее. О Боже, дай мне силы пережить все это. Пожалуйста“. Это и были все его молитвы.

Мередит не был религиозным человеком, но, пройдя сквозь одни и те же испытания в Лос-Анджелесе и Мексике, он признал в себе эту особую форму трусости. В мирное время ему

бы и в голову не пришло тратить воскресное утро на то, чтобы пойти в церковь. Но накануне сражения Бог всегда казался более могущественным.

— Что там происходит? — спросил Тейлор, держась одной рукой за верхний поручень. Кобура выступала под военной формой, и в красноватом свете экранов мониторов и блоков управления казалось, что его испещренное шрамами лицо было охвачено пламенем.

— Судя по мониторам, все — прекрасно, — сказал Мередит. — Эти чертовы тупицы все еще сидят там, жирные, глупые и самодовольные. — Он нажал на кнопку. — Посмотрите. Это комплекс целей на объекте „Рубин“. Если М-100 сработают только на пятьдесят процентов своих возможностей...

— Все еще никаких признаков того, что противник нас засек? — спросил Тейлор.

Мередит понимал причину тревоги в голосе Тейлора. Очень трудно было поверить, что полк сумел так далеко продвинуться — из Канзаса до самого края света. Хорошо бы удача не покидала их еще совсем немного.

— Никаких признаков, сэр. Поток информации не увеличился. Средства ПВО не приведены в повышенную боевую готовность, ни одного истребителя-перехватчика в воздухе, никаких следов рассредоточения наземных войск. Уж слишком хорошо, чтобы этому можно было поверить.

Тейлор провел рукой по подбородку и губам.

— Я очень беспокоюсь за Мэнни. Японцы должны были засечь нас, когда мы выходили из индустриального района. Ему надо сломя голову убираться оттуда.

Мерedit улыбнулся:

— Мэнни — уже большой мальчик. Он выберется оттуда вовремя. Во всяком случае, нет никаких признаков того, что противник заподозрил что-нибудь. Наше положение лучше, чем можно было бы надеяться, сэр.

Пытаясь подбодрить своего шефа, Мерedit вспомнил тревожный разговор, состоявшийся всего несколько часов назад. Было временное затишье в работе на одной из сверхсекретных многофункциональных линий связи, и один его приятель из Вашингтона воспользовался этим и вызвал его на связь.

— Мерри, дружище, — сказал его друг явно приглушенным голосом, как будто кто-то мог осудить его за этот звонок, — будь начеку.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Мерedit, не понимая, хочет ли его друг просто предупредить, чтобы он позаботился о себе, или же здесь нечто большее.

— Просто смотри в оба. Там у вас происходит что-то странное. Для разведки нам не хватает данных.

— Каких именно?

— Я точно не знаю. Просто следи очень внимательно за тем, что происходит. У заправил здесь есть какой-то секрет. У нас теперь новый объект, он появился неизвестно откуда и сразу же стал номером один. Что-то связанное со „Скрэмблером“.

Мерedit на минутку задумался.

— Мне ни черта не ясно. Что такое „Скрэмблер“?

— Возможно, какой-то шифр. Я не знаю. Они там тоже не знают, но ребята, сидящие на две головы выше меня, вертятся бобиками, стараясь разобраться в чем дело.

— И это все? — спросил Мерedit. — Никаких других подробностей? — Его не очень заботило появление загадок сейчас, когда пули вот-вот начнут свистеть вокруг.

— Мерри, мне надо идти. Я не имею права пользоваться этой линией. Ты там поосторожнее. Конец связи.

Его больше не было слышно.

Поверх загадочного свечения электронных приборов Мерedit посмотрел в сторону Тейлора. Он думал, надо ли беспокоить Старика столь расплывчатой информацией. Инстинктивно он решил не делать этого. Сейчас Тейлору не нужны были лишние тревоги. Мерedit мысленно занес эту информацию о „Скрэмблерах“ в существовавший у него в голове список загадок.

Но ему было тревожно. Тейлор пристально смотрел на него, и этот взгляд всегда заставлял Мерeditа чувствовать себя так, как будто Тейлор видит его насквозь. Это чувство было у него с той самой ночи в Лос-Анджелесе, когда он чуть было не подал в отставку. И сейчас под взглядом Тейлора он чувствовал себя неуютно, и даже неуверенно.

Мерedit нажал на кнопку пульта управления. Ближайший к нему экран засветился ярки-

ми разноцветными линиями, удивительными переплетениями загадочной паутины.

— Посмотрите сюда, сэр, — сказал он Тейлору. — Это система командных линий связи противника в районе наших действий. Только подождите, пока заработают бортовые станции подавления Седьмого полка. Они там и ахнуть не успеют.

Тейлор улыбнулся, на его дьявольском лице на мгновение блеснула полоска белых зубов. Постороннему человеку его лицо со шрамами, похожее на маску, показалось бы ужасающим, но Мередит видел, что Тейлор находится в отличном расположении духа. Он был уверен в себе, готов к действиям. Мередит никогда раньше не встречал человека, который был бы так же спокоен перед столкновением с противником. Тейлор быстро взглянул на двух сержантов, работающих за вспомогательными пультами. Они обменивались шутками и ругали мерзкий кофе, чтобы избавиться от страха и не думать о смерти. Затем он повернулся к капитану Паркеру, который замещал Хейфеца. Сам Хейфец в это время был в Первой эскадрилье. Паркер был сравнительно новым человеком в полку. И Тейлор его совсем не знал.

— Как у нас дела? — спросил Тейлор.

Капитан встал, как полагалось по уставу.

— Время и место дислокации точно соблюдены, сэр.

— Садитесь, садитесь, — сказал Тейлор, испытывая некоторое смущение от этой официальности. — Первая эскадрилья готова пересечь исходный рубеж?

Не успел Тейлор договорить, как включилась полковая линия командной связи.

— Я Уиски пять-пять. „Возлюбленная“. Повторяю, „Возлюбленная“. Прием.

Вот оно. Первая эскадрилья вышла на тропу войны. Соединенные Штаты начали боевые действия.

Тейлор надел наушники:

— Я Сьерра пять-пять. Лайма Чарли, твоя передача, Уиски. Прием.

— Я Уиски. Красный-1 идет на „Изумруд“. Прием.

Час испытаний настал. Мередит знал, что всех тревожило одно и то же, сработает ли обманный маневр. Удастся ли им пройти незамеченными весь путь до целей первой очереди без нежелательных столкновений с противником?

Внезапность удара — это главное.

— Я Сьерра, — сказал Тейлор. — Включаем шум. Удачи. Отбой. — Он повернулся к Мередиту: — Скажи Десятому начинать радиопротиводействие.

Мередит нажал ряд кнопок, затем начал размеренным голосом говорить в головной телефон. Он все еще продолжал слушать Тейлора и следить за ним краем глаза. Всегда, когда Тейлор находился рядом, Мередит чувствовал, что они непобедимы. В этом человеке была какая-то волшебная, не имеющая названия сила, которой нельзя овладеть, только читая наставления по руководству войсками.

Командная линия связи снова ожила.

— Я Браво пять-пять. „Возлюбленная“. Прием.

Старик улыбнулся, и его улыбка как бы означала: „Попались гады“.

— Я Сьерра пять-пять.

— Отель девять Лайма семь-четыре, — сказал Мередит в радиотелефон, вызывая командира подразделения электронной поддержки Десятого полка. — Я Чарли шесть Сьерра дваноль.

— Вас понял. Последняя передача, — сказал Тейлор в свой микрофон.

— „Водопад“. Я повторяю, „Водопад“, — Мередит произнес эти слова четко и спокойно, хотя ему хотелось кричать. — Подтвердите прием, конец связи.

Включилась третья линия. Один из сержантов ответил:

— Белый на Бриллиант.

— Вас понял, Сьерра, теперь Водопад.

— Я Танго пять-пять. „Возлюбленная“, „Возлюбленная“. Отбой.

— Вас понял, Танго. Отбой. Браво, докладывай.

Мередит был страшно возбужден и в то же время совершенно спокоен. Слушая шум голосов по многочисленным линиям связи и наблюдая за сверканием мониторов и бегущими цифрами на приборах, он чувствовал себя здесь, как дома, в этом великолепном хаосе тактического штаба боевых действий.

— Сэр, — сказал Мередит во время первого же затишья в работе связи. — Взгляните сюда на секунду.

Тейлор нагнулся над дисплеем. Бесконечное количество красных и желтых световых точек было сосредоточено на карте советской части Средней Азии.

— Десятый полк уже ведет бой, — сказал Мередит. — Красные точки означают станции связи, обнаруженные и выведенные из строя постановками помех. Если они захотят с кем-нибудь связаться, им придется дожидаться утра и начать передавать дымовые сигналы. — Мередит показал рукой на экран. — Желтые точки — это хорошо экранированные командные пункты или пункты, расположенные вне зоны действия наших средств. Мы не можем их уничтожить, но они не смогут работать до тех пор, пока Десятый полк находится в воздухе.

— Хорошо, — сказал Тейлор спокойно. Пусть эти сволочи почувствуют, что это такое, когда на тебя нападают.

Каким-то необъяснимым образом Мередит вдруг увидел экран дисплея глазами Тейлора. Он знал, что старый офицер смотрит за расположением иранских, арабских и повстанческих войск, вдруг оказавшихся не в состоянии обмениваться друг с другом информацией, ища японцев. Где-то там, пока еще неизвестно где.

Тейлор взглянул на экран, установленный в верхнем ряду. На нем можно было видеть продвижение отдельных эскадрилий полка, маршруты их движения к первым объектам поражения, то, как они ведут огонь и как дисциплинированно движутся вперед. Более короткая линия, идущая вслед за линией движения Второй эскадрильи, показывала полет М-100, на

котором работали они, и двух вертолетов сопровождения, являющихся одновременно резервными командными пунктами.

Командная линия связи опять включилась, и Тейлор отвернулся от экрана.

— Я Уиски пять-пять. Прием.

— Я Сьерра пять-пять. Прием.

— Вы даже представить себе не можете, какое у меня расположение целей. Я прохожу прямо над ними. Должно быть, их радиолокаторы не работают. Вы уверены, что нам не следует ударить по ним?

— Нет, — сказал Тейлор. — Действуйте по плану, не тратьте боеприпасы на мелочь. Ведение огня запрещено, пока мы не достигнем объекта „Рубин“. Конец связи.

Мерedit тоже понимал, как трудно лететь над расположением противника и не наносить удары по его объектам. Особенно теперь, когда все стремились открыть огонь, нанести первый удар, убедиться, действительно ли машины, на которые затрачены миллиарды, хорошо работают.

Неожиданно Нобуру проснулся. Вся его постель была влажной от пота. Он чувствовал, что виной этому были необычные сны, но когда он открыл глаза, неясные очертания событий стерлись из памяти и он не мог вспомнить ни одной детали сновидения, прервавшего его ночной отдых. И хотя он и не помнил содержания своих снов, он абсолютно четко понимал, что именно беспокоило его. Он знал, что его ночные видения не были связаны с реальностью и

касались вещей, давно ушедших, он понимал, что этот сон был вызван реальным событием — беспокоящим его необычным движением в промышленном районе Омска. Он пока не знал, что там происходит, но его солдатское чутьё подсказывало опасность. Как будто во сне дух какого-то призрачного воина пришел к нему для того, чтобы указать путь решения проблемы. Нобуру верил в существование духа так же, как он верил в сверхскоростные компьютеры. Он знал, что теперь дух воина не даст ему заснуть, пока он не решит эту проблему.

Нобуру повел рукой в сторону светильника, расположенного у кровати, и вся комната озарилась холодным светом. Он дотянулся до внутреннего штабного телефона и набрал номер.

— Слушаю, господин генерал, — ответил резкий, почти лающий голос из центра управления, расположенного под землей.

— Кто там есть из старших офицеров?

— Полковник Такахара, господин генерал.

— Я хочу с ним поговорить.

Через минуту в трубке послышался голос Такахары, он говорил так, как будто докладывал начальству, и тон его голоса был лишь чуть-чуть менее резким, чем голос дежурного офицера.

Нобуру чувствовал неловкость от того, что звонил ему по такому пустяковому поводу, как будто он собирался обсуждать что-то личное.

— Все спокойно? — начал он.

— Согласно последним донесениям, полученным нами, — ответил Такахара, — иранские

и повстанческие войска, осуществившие прорыв в районе Кокчетава, встречают лишь незначительное сопротивление. В ситуации на Кубани изменений нет. У нас возникли трудности со связью с передовыми станциями в Казахстане, но я уже отправил посыльного, чтобы разбудить начальника связи. Я полагаю, что в ближайшее время положение будет исправлено.

— Как давно нет связи? — спросил Нобуру с раздражением.

— Около получаса, господин генерал.

Полчаса. Ничего необычного, но Нобуру был страшно обеспокоен. И все это после неприятного ночного сна.

— Какая погода в Средней Азии?

Наступила пауза. Нобуру представил себе, как Такахара пытается взглянуть на карту погоды или же в страшной спешке запрашивает ближайшую метеостанцию.

— Фронт снежной бури движется, — раздался его голос. — В Караганде уже идет сильный снег.

— А, знаменитая русская зима, — сказал Нобуру задумчиво. — Ну, что ж, возможно, перебои в связи объясняются погодными условиями.

— Да, господин генерал. Возможно так же, что некоторые штабы используют темноту для того, чтобы передислоцироваться и не отставать от войск прорыва.

Объяснение было абсолютно убедительным, но что-то терзало Нобуру, что-то неясное.

— Такахара, — сказал он, — если начальник связи не сможет решить эту проблему, разбудите меня.

— Слушаюсь.

— Современная армия... без связи...

— Я понял, господин генерал. Все будет в порядке.

— Что-нибудь еще?

На минуту Такахара задумался.

— Ничего важного, господин генерал. Полковник Ногучи звонил, чтобы получить окончательное разрешение на проведение проверки готовности.

Полковник военно-воздушных сил Ногучи командовал истребителями-перехватчиками, вооруженными „Скрэмблерами“. Он всем страшно надоел, проводя бесконечные проверки готовности и учебные вылеты. Он сгорал от страшного желания бросить в бой те жуткие игрушки, которые ему доверил Токио. Нобуру прекрасно понимал, что нельзя дать военному человеку оружие и не вызвать у него желания использовать его, хотя бы для того, чтобы увидеть, что из этого выйдет.

Нобуру был уверен, что они справятся со своей задачей, не прибегая к помощи Ногучи и его чудовищных машин. Пусть полковник летает сколько ему вздумается над расположениями своих войск. Нобуру не собирался представлять этому человеку возможность творить историю.

„Я слишком стар для всего этого“, — подумал Нобуру. Ему всегда говорили, что с возрастом человек становится более жестоким, но

если это было действительно так, то он был ошибкой природы. Когда он был молодым, ему были чужды понятия милосердия, сострадания и даже просто элементарная порядочность. Ему нравилась как сама идея войны, так и ее реалии. Но сейчас его юношеское безрассудство не давало ему покоя. Раньше он был очень хорошим офицером. Он оставался им и сейчас, только ему было гораздо труднее. Он знал, что он отвечает за любую выпущенную пулю, разорвавшую человеческое тело на далеких полях сражений. Даже то, за кого воевал убитый, не имело для него сейчас такого значения, как раньше. Сейчас он, страдая, осознал, что все люди на самом деле братья и что ему нет прощения за то, как он растратил свою жизнь.

Сейчас уже слишком поздно. Единственное, что оставалось, — попытаться облечь все в более или менее приличную форму.

Полковник Ногучи был превосходным офицером. Токио продвигал по службе именно таких людей: бессердечных, технически грамотных, знатоков своего дела, мечтавших о подвигах, о славе. Нобуру пришел к выводу, что таких людей надо спасать от них же самих. Но и весь мир надо спасать от них.

Нобуру на минуту подумал о своих врагах. Конечно, они ненавидели его. Они его ненавидели, хотя и не знали его имени, не видели его лица. Они ненавидели его. И поделом ему. В то же время они никогда не узнают, от скольких бед он их уберег.

„Моя судьба предрешена, — думал Нобуру, — даже если я и не знаю ее. И я все равно

выполню свою задачу. Я до сих пор обладаю властью, а Ногучи может проводить свои учебные полеты и мечтать всласть“.

— Вы слушаете, Такахара?

— Да, господин генерал.

— Проверьте план полетов полковника Ногучи. Я не хочу, чтобы его машины находились где-нибудь около зоны боевых действий.

— Слушаюсь. Отдать приказ отложить учебные вылеты?

— Нет, во всяком случае, до тех пор, пока не возникнет такой необходимости. Просто проверьте план полетов. Учебные вылеты можно продолжать.

— Я понял, господин генерал.

— Я просто хотел удостовериться, что нанесение удара в районе Омска готовится по плану.

На другом конце провода замолчали. Такахара не считал удар по промышленному комплексу основной задачей. Это был лишь один из маловажных объектов при нанесении главного удара. Нобуру представил себе, как его подчиненный быстро просматривает автоматический каталог целей, сердясь на себя самого и на ночных дежурных с темными от усталости кругами вокруг глаз. Такахара был очень выносливым человеком, и именно его выбрали для ночных дежурств, потому что он благодаря своему темпераменту мог заставить бодрствовать своих подчиненных. Теперь Такахара наверняка будет бросаться как зверь на своих подчиненных всю ночь, чувствуя смущение из-за своей, хотя и вполне объяснимой, оплошно-

сти. Нобуру стало очень жаль дежуривших в эту ночь младших офицеров, но он ничего не мог поделать.

— Господин генерал, — раздался голос Такахары, — задача три-четыре-один находится в стадии последних приготовлений. Вылет запланирован на... дайте я посмотрю... извините меня, вылет уже осуществлен.

Смушение по поводу совершенной ошибки сменилось удивлением, и это обещало новое тяжелое испытание для ночной смены.

— Кто командует выполнением задачи?

Такахара был готов к этому вопросу:

— Капитан Андреас Зидерберг из южноафриканских ВВС.

— Вольнонаемный Андреас Зидерберг, — поправил Такахару Нобуру совершенно машинально и тут же пожалел об этом. Теперь Такахара примет все слишком близко к сердцу и запомнит надолго этот телефонный разговор, хотя Нобуру и не желал Такахаре зла. Он вспомнил совет, который ему дал отец много лет назад. Он сказал, что командир должен обращаться со словами так, как будто это острые ножи, потому что неосторожно брошенное слово может нанести очень глубокую рану.

— Господин генерал, — сказал Такахара, и в его покорном голосе слышалась едва сдерживаемая ярость, — самолет будет...

— Достаточно. Я лишь хотел удостовериться, что задание будет выполнено по плану. Я хотел убедиться, что цель будет поражена до рассвета. Это все. Спокойной ночи. — Нобуру повесил трубку.

Возможно, тепловое излучение в районе Омска ничего не означало, а может быть, горстка русских старалась согреться в развалинах своего завода. Он просто становился мнительным стариком. Но Нобуру готов был биться об заклад, что инстинкт его не обманывал. В любом случае новый день даст ответ на этот вопрос. Он откинул голову на подушку, пытаясь хоть чуть-чуть согреться в мокрой от пота постели. Он подумал, не позвать ли дневального и попросить его принести чистое белье, затем решил никого не беспокоить. Что-то внутри не позволяло заснуть, какой-то страх, что кошмары могут прийти снова. Самым неприятным был сон об американцах в Африке. Он чувствовал, что сейчас он его не вынесет.

Мэнни Мартинес любил работать с техникой, хотя в последнее время он все больше и больше сидел за столом, что ему тоже в общем-то нравилось. Но когда он сидел за бумагами слишком долго, ему слышались насмешливые голоса, которые он так часто слышал в юности на улицах Сан-Антонио: „Эй, приятель, и это называется работой? Ну нет, это вовсе не работа, твою мать“. Поэтому подобно тому, как он получал удовольствие, обдирая косяшки пальцев о свой старинный „Корвет“, ремонтируя его в те давние времена у себя дома, он с радостью использовал редкие возможности самому отремонтировать военную технику. Он получал удовольствие от настоящей работы, даже когда ситуация была такой скверной, как сейчас.

— Подержи ее здесь еще чуть-чуть, — сказал уорент-офицер. — Я почти все сделал.

Мартинес поднял вверх сведенные судорогой руки и почувствовал острый, обжигающий холод в пальцах рук и неподвижных ног. Он лежал в неудобной позе в узком проходе, в задней части машинного отделения М-100, сдвинувшись в сторону для того, чтобы могли поместиться уорент-офицер и его помощник.

— Нет проблем, — сказал Мартинес. — Я могу держать сколько нужно. — Он старался, чтобы его голос звучал мужественно и жизнерадостно. Но, ощущая тупую боль в предплечье, он в душе мечтал, чтобы уорент-офицер поскорее закончил ремонт. Было очень холодно.

— Дай мне вон ту втулку, — сказал уорент-офицер механику, указывая рукой позади Мартинеса. Механик протиснулся назад и начал копаться в ящике с инструментами. Было плохо видно, так как горели только маломощные лампы. — Вон ту, черт тебя дери.

В полутьме опять что-то завозилось и заползало.

— Может быть, позвать Неллиса сменить вас, сэр? — спросил уорент-офицер Мартинеса.

— Делай, что тебе нужно. Со мной все в порядке, — солгал Мартинес.

Боль была сильной, но это была приятная боль усталости. Ему хотелось сказать: „Да, я тоже вношу свой вклад в общее дело. Смотрите, я работаю вместе со всеми“.

Громкий голос в задней части отсека выкрикнул:

— Эй, ребята, майор Мартинес у вас?

— Да, он здесь, — прорычал уорент-офицер, прежде чем Мартинес успел ответить сам. — Зачем он вам?

— Полковник Тейлор на командной линии связи. Он хочет поговорить с майором Мартинесом.

— Шеф, — сказал Мартинес, — мне надо идти. — Он сразу почувствовал облегчение от того, что ему уже больше не нужно будет поддерживать тяжелую панель, и в то же время ему было стыдно за это чувство.

— Да, я думаю, вам лучше идти, сэр. Эй, Неллис, иди сюда и ложись на место майора.

Костяное колено впилося в бок майора.

— Извините, сэр, — произнес молодой механик, после чего локтем заехал Мартинесу в челюсть около уха.

Мартинес был готов обругать механика, но он знал, что удар был случайным. Люди устали, работая в холодном, тесном помещении.

— Подводи руки под нее, — сказал Мартинес, ожидая, пока пальцы парня коснутся его рук. — Ну что, держишь?

— Да, сэр.

— Ну, хорошо, я отпускаю. Она тяжелая.

— Я держу, сэр.

Мартинес осторожно убрал руки. Панель немного опустилась, но парень поддержал ее и толчком поднял вверх.

— О Боже, — сказал он. — Какая тяжелая.

— Заткнись и держи, — рявкнул уорент-офицер. Когда Мартинес выбирался из отсека, он сказал ему вслед довольно кислым тоном: — Спасибо за помощь, сэр.

Мартинес знал, что, как только он отойдет, тот начнет жаловаться молодому механику на так называемых „настоящих“ офицеров. Но это не имело для него никакого значения.

Когда Мартинес вылез из М-100, в мастерской было темно, как в могиле. Он включил прикрытый колпаком фонарь и, освещая путь красным лучом, пошел по железобетонному настилу. Даже сквозь подошвы ботинок он чувствовал обжигающий холод. Это было ужасное место, и ему очень хотелось поскорее убраться отсюда.

На улице шел сильный снег и было так светло, что он выключил фонарь. Снег скрипел под ногами, а мокрые снежинки били в глаза и щеки, кружились, медленно опускались и падали на опустошенную землю. Мартинес направился в сторону темного корпуса неисправного вертолета. Все остальные машины уже вылетели и сейчас двигались к району сбора, и эта последняя тоже взлетит в воздух, как только они закончат ремонт. Им осталось отремонтировать только один М-100, тот самый, над которым Мартинес проработал полночи.

На часах стоял один из членов экипажа. Он и открыл переднюю дверь при приближении Мартинеса. За его спиной голубоватый свет помещения манил своим теплом, и Мартинесу ужасно захотелось оказаться в тепле. „До Техаса чертовски далеко“, — сказал он сам себе.

Отряхивая снег, он полез в вертолет. Не теряя времени, часовой захлопнул за ним дверь, и тут же автоматически включился свет, ослепивший Мартинеса.

— Сюда, сэр, — сказал сержант, протягивая ему головной телефон. — Может, хотите чашку кофе?

Кофе... Как начальник службы тыла полка, он должен был обеспечить наличие трех основных, совершенно необходимых для ведения боевых действий вещей: боеприпасов, топлива и кофе. Наличие всего остального: продовольствия, перевязочных средств, запасных частей — волновало всех, особенно сержантский состав, значительно меньше. Кофе — это основное уязвимое место армии, о котором никогда бы не смогли догадаться враги Соединенных Штатов: лишите армию кофе, и ее моральный дух упадет, и закаленные в боях сержанты с остолбеневшими глазами начнут совершать самоубийства.

— Это было бы отлично. Дай мне только поговорить со Стариком. — Он стянул фуражку и одел головной телефон. — Какой, черт возьми, у меня позывной? — спросил он сам себя вслух, просматривая список позывных, прикрепленный сержантами к внутренней стене фюзеляжа. Он нашел код, неодобрительно покачивая головой из-за того, что так легко его забыл.

— Сьерра пять-пять, я Сьерра семь-три. Прием.

Он уже собирался повторить сообщение, когда отдаленный голос Тейлора произнес:

— Подожди, Семь-три.

Старик разговаривал по другой линии. Мартинес представил себе, что, должно быть, в настоящее время испытывали Тейлор и Мередит — страшное волнение за работу командно-контрольной системы, по мере того как приближался бой. Мартинес завидовал волнению своих товарищей и одновременно испытывал чувство стыда, так как на них ложилась большая часть ответственности и большая часть риска. Он знал, как необходима хорошо работающая система обеспечения до, во время и особенно сразу после боя. Но он не мог избавиться от чувства, что настоящее дело делали другие.

На заднем плане он слышал, как Четвертая эскадрилья докладывает о положении с топливом по телефону. Отчет мог быть сделан гораздо более эффективно по цифровой линии связи, но Мартинес понимал, что тот человек на линии испытывал то же чувство неполноценности, какое испытывал и он сам. Это было желание что-то сделать, внести свой личный вклад. Сейчас очень трудно было не находиться там, где гремели выстрелы орудий.

— Сьерра семь-три, я Сьерра пять-пять. Прием.

Голос Тейлора, неожиданно раздавшийся в головном телефоне, испугал Мартинеса. Как раз в этот момент сержант протянул ему кружку горячего кофе. Мартинес обхватил обжигающую поверхность кружки обеими ладонями, затем сказал в телефон:

— Я Сьерра семь-три. Прием.

— Доложите обстановку. Прием.

— Операция осуществляется по плану, — сказал Мартинес. — Все самолеты-заправщики и транспортные самолеты находятся в пути. У меня остался только один транспорт поддержки и один М-100. Прием.

Наступила короткая пауза, причина которой Мартинесу была не понятна, затем Тейлор ответил. Мартинес почувствовал раздражение, скрывающееся за его нарочито спокойным тоном.

— Ты хочешь сказать, что мы все еще на исходной позиции? Прием.

— У меня осталась только неполная команда механиков. Мы все еще ремонтируем „три-восемь“. Старшина Мэллой думает, что мы сможем ее отремонтировать.

Опять наступила пауза. Затем Тейлор сказал:

— Когда ты планируешь вылететь?

— Как только мы отремонтируем „три-восемь“. Все остальное готово. У меня на транспорте поддержки есть оперативное калибровочное устройство, я буду следить за его передвижением. С нами все в порядке. Когда эскадрильи приземлятся на месте сбора, мы будем их там ждать. Прием.

— Мэнни, — серьезно сказал Тейлор, — не копайся ты там, черт тебя подери. Я знаю, что ты пытаешься сделать что нужно, но если ты не сможешь отремонтировать „три-восемь“, взорви его на месте. Я хочу, чтобы к рассвету там не осталось ни единого следа нашего присутствия. Пусть эти сволочи гадают в чем дело.

Я не хочу, чтобы был поставлен под угрозу план защиты русских, они хорошо поработали. Кроме того, какая-нибудь чертова японская космическая система, возможно, засекла наше движение. Ты должен убираться оттуда. Прием.

— Вас понял. Все почти сделано. — Мартинес в глубине души был уверен, что они смогут привести „три-восемь“ в достаточно хорошую форму, чтобы он смог лететь своим ходом за транспортом поддержки. Мартинес хотел привести М-100 в качестве подарка Тейлору и показать, что служба обеспечения тоже вкладывает свою лепту в общее дело. — Увидимся в районе „Платина“. Прием.

— Не задерживайся слишком долго, — еще раз предупредил Тейлор. Его наставительный тон стал мягче, почти отеческим. — Взорви эту птичку, если не сможешь заставить ее взлететь. И удачи тебе. Конец связи.

Мартинес стянул головной телефон и поднес чашку с горячим кофе к пересохшим губам. Как все это странно: он должен выполнять свой долг перед страной, перед армией, но он не мог избавиться от мысли, что для него главным было выполнить свой долг перед Тейлором. Он не хотел подводить его.

Он пил кофе, собираясь с силами, чтобы выйти в холод и темноту, и думал о чудесном весеннем дне в Мексике. Они были там со специальным заданием, и все шло отлично, ни капли крови не было пролито. Повстанцы выкинули грязно-белый флаг и сдали оружие. После того как они собрали все трофеи, Тейлор

повернулся к Мартинесу и Мередиту и сказал: „Черт подери, ребята, давайте покатаемся на лошадях“. И они поскакали мимо молодой зелени лугов к тому месту, где начинались горы. Мартинес изо всех сил старался удержаться на лошади. Они поехали по старой, едва заметной тропе вверх к глубокому каньону, на краю которого стояла разрушенная хижина, а рядом с ней — колодец. Они привязали лошадей в тени и взобрались на ближайшую вершину. И тут произошла странная вещь. Никто не говорил ни слова. Они просто сидели на пронизывающем ветру и пристально вглядывались в темные очертания, на фоне которых, как драгоценные камни, поблескивали островки зеленой растительности, а чистое голубое небо действовало так же успокаивающе, как материнская рука. Казалось, Тейлор забыл о своих спутниках, и его сатанинский взгляд был устремлен вдаль.

Создавалось впечатление, что он нарочно приказал двум своим молодым товарищам успокоиться и воспринимать мир таким, как он есть. И у Мартинеса раскрылись глаза. Он больше никогда не видел ничего красивее, чем этот голый, выжженный пейзаж. Мир становился невыразимо прекрасным, когда ты наконец перестал говорить и просто смотрел вокруг себя. Время казалось таким же переменчивым, как порывистый ветер, который уносился за вершины гор и там исчезал. Когда Мартинес взглянул на Тейлора, он увидел, что тот сидит с закрытыми глазами: он показался Мартинесу необыкновенно спокойным. Даже шрамы на его лице выделялись не так сильно, будто они раз-

гладились. Тейлор казался частью вершины. Мартинес спокойно смотрел, как белый скорпион пробирается между камнями, и знал, что он не станет нападать на них. В этот день не было причин нападать на человека или животное. Все вокруг было на своих местах. Сильный прохладный ветер унес последние остатки запаха пота, от которого рубашка казалась такой тяжелой.

Пора было ехать. Нужно было засветло вернуться в деревню. Не говоря ни слова, Тейлор поднялся, и они, спотыкаясь, пошли вниз к лошадям, иногда останавливаясь, чтобы выпить из фляги противной кисловатой воды. Тогда Мартинес надеялся, что в его жизни будут и другие такие же дни. Но неделей позже они все были вовлечены в грязную, кровавую бойню, а потом появилось много других проблем, которые требовали своего разрешения.

3 ноября 2020 года
Раннее утро

А о района „Рубин“ осталось десять минут, — сказал второй пилот.
— Вас понял, — ответил Хейфец. — Проверка боевых систем. — Он взглянул на пульт управления. — Оружие?

— В норме.

— Аппаратура обнаружения и захвата цели?

— В норме.

— Средства подавления помех?

— В норме.

— Провести проверку внешних условий.

— Вас понял, — сказал второй пилот.

Хейфец знал, что все боевые подразделения полка сейчас проводили такую же боевую проверку. Последнюю.

Проверка давала им возможность увидеть весь диапазон условий ведения предстоящих боевых действий. Лобовые стекла являлись одновременно и мониторами. На первом этапе проверки экипаж просто смотрел сквозь прозрачный композиционный материал, словно через оконное стекло. За бортом вертолета шел сильный снег, крупные снежинки проносились мимо него с головокружительной скоростью.

— Шторм крепчает, — сказал второй пилот. Это означало, что наземным системам противника будет труднее обнаруживать атакующих.

— Включи радиолокатор, — сказал Хейфец.

Второй пилот дотронулся до кнопки на пульте управления, и тут же и ночь, и проносящийся мимо снег исчезли. На огромных лобовых стеклах появилось четкое изображение местности, над которой они пролетали, как будто был абсолютно ясный день.

— До района „Рубин“ осталось восемь минут, — сказал второй пилот.

Хейфец на мгновение поразился совершенству радиолокационного изображения. Оно было безупречным, как очень хорошая фотография, но двигалось вместе с вертолетом, показывая пустынные равнины, покрытые снегом, огромные ямы и терриконы пустой породы рядом с открытыми шахтами, обезображивающими местность. Затем он сказал:

— Включи датчики обнаружения теплового излучения целей.

Второй пилот выполнил его приказ. На лобовых стеклах появились теперь источники тепла, ярко светящиеся на фоне радиолокационного изображения.

— Выбор цели, — скомандовал Хейфец.

Мгновенно все источники тепла, которые бортовой компьютер идентифицировал как боевые цели загорелись красным светом. Сотни целей, далеких и близких, показались на экране, как сыпь на теле больного корью. Под каждой целью были разноцветные цифры, выбранные компьютером, с тем чтобы они выделялись

на радиолокационной карте местности. Эти цифры показывали рассчитанный компьютером порядок поражения целей. По мере продвижения М-100 вперед цифры передвигались, так как появлялись новые цели, а старые оставались позади.

— Господи, — сказал второй пилот, — только посмотрите на это.

Хейфец прочистил горло. Большого он не мог себе позволить, чтобы показать, как он потрясен.

— Так и хочется открыть огонь. Вышибить из них дух, — сказал второй пилот.

— Когда подойдем к „Рубину“, не раньше.

— До „Рубина“ осталось семь минут, — доложил второй пилот.

— Дай комбинированное изображение, — сказал Хейфец.

Компьютер построил это изображение с помощью информации от всех бортовых систем, собственной базы данных, а также от космических систем слежения. В условиях, когда обстановка была перенасыщена электронными помехами, а одиночные радиолокаторы не могли обнаруживать цели из-за сильного радиопротиводействия, компьютеру удавалось все это преодолеть и восполнить любые пробелы в информации, передаваемой в реальном масштабе времени от других источников. В результате всегда получалось четкое, яркое световое изображение поля боя. Более того, если какая-то определенная цель представляла для экипажа особый интерес, то необходимо было просто показать на нее „летней перчаткой“, и тогда

увеличенное изображение вместе со всей необходимой информацией появлялось на экране радиолокатора, расположенного прямо под лобовым стеклом.

— До „Рубина“ осталось шесть минут, — сказал второй пилот. — Радиолокатор обнаружил первые цели.

— Вас понял, — сказал Хейфец. Затем он включил линию командной связи и вызвал подполковника Теркуса, командира Первой эскадрильи, за которой он следовал.

— Уиски пять-пять, я Сьерра один-три. Прием.

— Уиски пять-пять. Прием, — ответил Теркус. Он красовался и важничал, даже когда разговаривал по линии командной связи. Теркус считал возможным нарушить устав, когда речь шла о его внешности: он носил огромные, как у кавалериста, усы, что не разрешено было ни одному другому офицеру. Теркус был одним из тех, редко встречающихся в армии людей, которые умудрялись диктовать свои собственные правила с непостижимой легкостью. Теркус был кавалеристом по натуре всю жизнь, он всегда был готов к бою. Раньше присущая ему доблесть всегда превосходила его редкие глупые выходки, но сегодня Тейлор не мог рисковать, поэтому он послал Хейфеца присмотреть за тем, чтобы Теркус не вышел из-под контроля.

— Отличный офицер, — бросил Тейлор Хейфецу. — Но кому-то всегда нужно его осаживать.

— Я, Сьерра один-три. Был вне радиуса действия связи. Доложите обстановку. Прием.

— Вас понял, — ответил Теркус. — Все в порядке. До „Рубина“ осталось пять минут. Готовь включить постановщики активных помех. Боже, Дейв, ты видел схему целей? Невероятно.

— Вас понял. Включайте помехи за три минуты до „Рубина“.

— Сегодня великий день для охоты на краснокотиков. Прием.

— Отбой, — сказал Хейфец. Затем он повернулся ко второму пилоту: — Оставь комбинированное изображение.

— Комбинированное изображение зафиксировано. Рота „Альфа“ отделяется от основного отряда.

— Понял. Следуй за ними. — В задачу роты „Альфа“ входило нанесение удара по японско-иранским ремонтным мастерским и пунктам сосредоточения техники в районе Караганды, в то время как остальная часть эскадрильи должна была нанести удар по штабу и району сосредоточения Третьего Иранского корпуса. Хейфец решил маневрировать вместе с ротой „Альфа“, так как командир эскадрильи останется с основной частью его подразделения. Таким образом, Хейфец имел возможность контролировать выполнение операции и увеличить огневую мощь роты „Альфа“ при выполнении стоящей перед ней важной боевой задачи.

— До „Рубина“ осталось три минуты.

— Включите постановщики помех. — Несмотря на все свое самообладание, Хейфец по-

высил голос. Он чувствовал, как им овладевало старое, давно знакомое возбуждение.

— Постановщики помех включены, — доложил второй пилот. — Все постановщики активных помех на автоконтроле.

В четком изображении на лобовом стекле М-100 никаких изменений не произошло, но Хейфецу казалось, что он видит, как электронный поток пульсирует над местностью. Простые хитроумные приспособления и радиолокационные ловушки для отвлечения средств радиоэлектронного подавления скрывали системы при их приближении к району цели. Теперь атакующая электроника заблокирует все имеющиеся радары и системы обнаружения целей. Ни один оператор противника не сможет увидеть на экране монитора ничего, кроме тумана или каких-либо других имитационных изображений, за которыми будут спрятаны самолеты Первой эскадрильи. Глушители могли также создать перегрузку и даже физически уничтожить определенные типы вражеских приборов сбора и накопления разведывательной информации. Новейшие технологии позволяли очень мощным сигналам глушения обхватить всю систему коммуникаций противника и, скрывшись за их прикрытием, достигнуть и уничтожить приемные электронные устройства противника. Это была война невидимого огня, исход которой решался в микросекунды.

— До „Рубина“ осталось две минуты, — сказал второй пилот. — На горизонте вижу Кареганду.

— Сьерра пять-пять. Я Сьерра один-три. Прием, — Хейфец вызвал Тейлора.

Раньше полковник, бывало, отлучался от радиоприемника на несколько минут, сейчас же его голос раздался сразу:

— Я пять-пять. Докладывай один-три. Прием.

— Район поражения виден. Все системы в норме. Постановщики помех включены. Добрались без потерь.

— Отличная работа, Один-три. Задай им жару.

Хейфец чуть было не прервал связь. В голосе Тейлора была торопливость, и казалось, что он закончил связь и не хочет тратить время на разговоры. Тейлор очень волновался, так как, растянувшись на ширину почти двух тысяч километров, полк двигался к полю боя, отрываясь от базы обеспечения и двигаясь навстречу неизвестности. На душе у Тейлора было тревожно.

Но полковник еще не закончил свой разговор с Хейфецем. И, прежде чем начальник оперативного отдела подтвердил окончание передачи, голос Тейлора раздался снова:

— Удачи тебе, Дейв.

Интонация тихого голоса в наушниках каким-то странным образом передавала глубину нескрываемого и искреннего чувства, на которое сам Хейфец никогда бы не был способен. Эти три простых слова тронули Хейфеца и установили между ним и Тейлором невидимую связь. Они свидетельствовали о том, что он

кому-то дорог, что у него должно быть будущее, а не только прошлое. Они означали, что по крайней мере один человек на этом свете волнуется за него, что он имеет какую-то человеческую ценность.

„Черт его возьми“, — подумал про себя Хейфец, подавляя душевное волнение, хотя имел в виду совсем противоположное.

— И вам удачи, — сказал Хейфец. Его собственный голос показался ему неестественным и недостаточно искренним. Вдруг он пожалел, что ни разу не попытался сесть рядом с Тейлором, честно поговорить с ним и объяснить ему все, что касалось Миры, его сына, рассказать ему об утрате чувства красоты, об исчезновении лучшего в нем вместе с потерей семьи и родины. Хотя бы раз они должны были поговорить об этом. Тейлор бы понял его. И почему только он был таким гордецом? Почему люди не могут общаться друг с другом?

— До „Рубина“ осталась одна минута, — доложил второй пилот.

— Разблокируй комплект средств поражения.

Едва только второй пилот дотронулся до передних рычагов управления, как Хейфец почувствовал легкую вибрацию М-100. Система наведения огня уже обнаружила первоочередные цели. У Хейфеца было такое чувство, что где-то под ним из артерии бьет кровь. На М-100 была отличная система стабилизации, но оружие было настолько мощным, что она не могла полностью амортизировать отдачу. По-

степенно, после сотен выстрелов ее точность ухудшится и потребуется провести дополнительную калибровку.

Но это произойдет потом. Сейчас пушка автоматически поражала удаленные цели, расположенные вне пределов видимости человеческого глаза.

То там, то здесь на экране появлялись вспышки, указывая пораженные цели. Это были десятки точных попаданий роты, которую сопровождал Хейфец.

— Мы над „Рубином“, мы над „Рубином“, — закричал второй пилот. — Эта сволочная штука отлично работает!

Хейфец взглянул на экран, на котором было видно точное количество объектов, пораженных эскадрилей. Бой не продолжался и минуты, а число пораженных целей постоянно росло и приближалось уже к двумстам. Его собственный вертолет поразил уже четырнадцать, нет — пятнадцать... шестнадцать целей!

В этот момент по командной линии связи раздался приказ подполковника Теркуса всем экипажам эскадрильи:

— Работайте, ребята, работайте! — Этот призыв словно пришел из дали веков. Один из подчиненных ответил ему воинственным индейским кличем.

Все испытывали чувство подъема и практически не могли себя контролировать. Даже Хейфецу хотелось вскочить со своего места. Ему вспомнились слова, сказанные когда-то много лет назад, когда он еще был молодым и

непокорным, одним израильским генералом: „Только солдат, испытавший поражение, по-настоящему понимает радость победы“.

Счетчик показывал, что великолепная машина, на которой Хейфец летел, уничтожила тридцать семь первоочередных объектов поражения противника. Нет, уже тридцать восемь.

Впервые за последние годы Давид Хейфец почувствовал, что широко улыбается, как ребенок.

Старший сержант-техник Али Турани был очень недоволен машиной, которую ему дали японцы. Они обманули его, и одна лишь мысль о собственной доверчивости приводила его в ярость. В училище в пригороде Тегерана японцы были либо фальшиво вежливы, либо непростительно высокомерны, они обещали предоставить правоверным надежное оружие, гораздо более совершенное, чем то, которым владели эти дьяволы на севере и западе. Он им поверил и изо всех сил старался учиться, но японцы все равно были им недовольны.

Он гордился своим знанием радиолокационных систем и верил в свои возможности и возможности машины. Он научился считывать данные, понимать, что показывают дисплеи. Он научился очень многому. Он даже пытался выполнять ремонт, когда японцы требовали этого, хотя это и не входило в обязанности старшего техника-сержанта. Обычно он занимался ремонтом, когда вокруг никого не было. И это срабатывало. Даже когда другие машины ломались, его машина продолжала работать. С по-

мощью своей машины, оснащенной радаром, он совершил чудеса в этой войне.

Но, в конце концов, эти чертовы японцы обманули его, как и всех других до него. Даже если ты унижался до того, что работал как простой чернорабочий, ухаживая за машиной, она подводила тебя.

Али взглянул на экран. Он почувствовал, как в нем растет чувство отчаяния и гнева. Ночь была тихой. На небе не было ни русских самолетов, ни вертолетов. В последние несколько недель их было все меньше и меньше, а сейчас небо принадлежало только своим.

Вдруг без всякого предупреждения экран индикатора начал светиться. По утверждению японских инструкторов, такого произойти не могло. Сейчас же этот предательский экран светился тысячами движущихся изображений, каждое из которых должно было быть каким-то вражеским самолетом. Это было невозможно, у русских осталось совсем немного. Машина просто лгала.

Почувствовав отвращение, Али встал и отвернулся от этой бесполезной чертовой штуки. По проходу он прошел в следующий отсек, где в той же вечерней смене работали его друзья Хассан и Нафик.

— Аллах велик, — сказал Али, приветствуя друзей. — Моя машина сегодня не работает.

— Велик Аллах, — ответил Хассан. — Ты видишь, наши машины тоже не работают как надо. В наушниках слышен лишь причиняющий боль шум.

— Японцы — сволочи, — пробурчал Нафик.

Весь предыдущий день был длинным и утомительным для капитана Муравы, а ночной сон — глубоким и тяжелым. До сего времени жизнь не давала ему повода сомневаться в мудрости своих начальников. Быть японцем означало ощущать себя частью самой мощной политической и экономической силы на земле, а быть японским офицером означало быть частью военной машины, чья боеспособность, даже не действующие боевые части, а технологическая мощь посрамили великие державы прошлого столетия. Сначала они проучили в Африке Соединенные Штаты, этот слабохарактерный, потворствующий всем своим прихотям гигант. Тогда Япония, используя новейшие технологии, нанесла жестокий удар по ничему не подозревающим американцам. А сейчас наступила очередь русских, которые, возможно, окажут хоть какое-то сопротивление. Во всяком случае, быть японским офицером, особенно принадлежать к новой элите военных инженеров-специалистов в области электроники — было великолепно. Весь мир уважал тебя.

Но порой Мурава чувствовал неуверенность в себе, и это его пугало.

Он ненавидел иранцев. Он ненавидел их ложь и неряшливость, их неспособность увидеть реальность его глазами, их убеждение, что все вокруг принадлежит им по праву. Их преступная халатность в обращении с дорогим военным оборудованием сама по себе была ужасна. Но она сочеталась с полным нежеланием проводить текущий ремонт, с нежеланием этих детей пустыни выполнять даже такие неслож-

ные обязанности, как смена фильтров, улавливающих песок и пыль, и проверка уровня жидкости. Но еще хуже было их поведение. Мурава считал иранцев испорченными кровожадными детьми. Когда их дорогие игрушки ломались — почти всегда по их собственной вине, — они начинали капризничать и винить изготовителей игрушек в обмане и в надувательстве или в отсутствии мастерства. Это обвинение Мурава находил наиболее несправедливым и оскорбительным. Японская техника, предоставленная иранцам, была лучшей в мире — самой эффективной и надежной. Ею было легко управлять, ремонтировать, и нужно было нарочно плохо с ней обращаться, чтобы вывести ее из строя. Управлять же большинством боевых систем было так просто, что даже иранцы могли эффективно использовать их в бою.

Огромные затраты на ремонт уже давно превзошли первоначально предполагаемую цифру. Из-за того, что машины не смазывали и просто не чистили, большая часть механических и электронных узлов вышла из строя. Навероятно дорогостоящие блоки приходилось заменять, вместо того чтобы вовремя осуществлять профилактический ремонт. А иранцы лишь презрительно усмехались: „Вы продали нам товар плохого качества. Вы не выполнили своих обещаний. Вы нарушили свое слово“. Мураве надоело это слушать, и он не знал, сколько еще времени он сможет сдерживаться. Все его ремонтные команды, состоящие из во-

енных и вольнонаемных, были измучены. А когда они видели, что чем упорнее они работают, тем пренебрежительнее иранцы относятся к оборудованию, что все большее число прекрасных японских систем появлялось в разрушенном состоянии в ремонтных мастерских в Караганде, некоторые по второму или третьему разу, то это приводило к падению их боевого духа. Их труд не вознаграждался, они чувствовали, что их считают дураками.

Сегодня команда этих варваров-иранцев сдала в ремонт танк, отличный двигатель которого был безнадежно забит грязью. Машины такого отличного качества встречались одна на тысячу, но эти дикари сыграли с ними плохую шутку. С трудом сдерживая смех, они лениво бродили по приемно-диагностическому мотоотделению. Никто не обратил на них внимания, полагая, что это были обычные недисциплинированные солдаты-иранцы, не желающие возвращаться в часть. Но когда механик-японец начал залезать в их танк, они перестали смеяться и наблюдали за ним с восторженным вниманием. Когда техник в ярости выскочил из машины, неистово крича, иранцы опять начали смеяться. Они веселились, как дети, довольные своей шалостью.

Иранцы пустили ядовитую змею в отсек экипажа, и сейчас один из так необходимых ему членов его команды лежал в лазарете без сознания и, возможно, умирал. И единственное, что иранцы сказали, уходя, было: „Аллах всемогущ“.

Мурава хотел закричать им: „Если ваш Аллах так всемогущ, то пусть он и чинит ваш чертов танк“. Но это было невозможно, это было бы не по-японски.

Этот случай всколыхнул в нем целый поток сомнений, которые он раньше старался в себе подавить. Он сомневался в том, что мудрые начальники, командовавшие японскими войсками, по-настоящему понимали все это. Он сомневался в том, что иранцы когда-нибудь будут верными союзниками. Разве американцы не получили тяжелый урок полстолетия назад? Иранцы также были слишком уверены в своем превосходстве. Они считали, что все в мире им чем-то обязаны. Они не понимали, ни что такое договорные отношения, ни что такое цивилизованная дружба. В основе их представления о чести лежало тщеславие, замешанное на крови. Они не говорили правду, даже когда речь заходила о простых вещах, как будто бы честность была для них биологически неприемлема. И почему только Токио их поддерживает. Что произойдет, когда иранцы и остальной исламский мир войдет в полную силу? Мурава не мог поверить, что он был единственным человеком, знающим правду.

Ему очень хотелось быть сейчас дома в Киото, хотя бы на одну ночь. Он был счастлив, что родился в этом самом совершенном, самом японском из всех японских городов, столь отличном от Токио, с его компромиссами, присутствиями западной цивилизации. Не было ничего красивее, чем сады Киото осенью, разве что девушки, с их удивительным обезоруживающим

сочетанием хрупкости и молодой силы. Конечно, они были совсем не похожи на отвратительных женщин Средней Азии, одетых в грязные, омерзительные одежды, с лающей речью. Те же, у кого были шрамы от болезни Расинмана, очевидно, нелеченной в этих первобытных условиях, выглядели еще более отвратительно, чем остальные. Ничего романтического в Средней Азии Мурава не находил. Только ужасные пустыни, перерезанные шрамами вырытых котлованов, с городами, возникающими, словно миражи, посреди пустыни, задыхающейся от полумертвых промышленных предприятий, которые, казалось, ничего, кроме вредного для здоровья воздуха, не производили. Это было похоже на малоприятное путешествие во времени на несколько столетий назад, целью которого было увидеть все самое худшее. Во время пребывания в Средней Азии у него все время болела душа, и он был рад каждому дню, который не приносил еще и болезни тела.

Очевидно, проблема была не только в иранцах. На совещании ремонтников, еще в ставке, Мурава разговаривал со знакомыми офицерами, которые служили советниками в войсках арабо-исламского союза. И их рассказы ничем не отличались от впечатлений Муравы.

Несмотря на удивительно успешное наступление, действия на линии фронта начали замедляться без видимых причин. Не вызывало сомнений, что русские были разбиты, но поддерживать и осуществлять материально-техническое снабжение войск в каждом прорыве становилось все труднее. Иранцы и арабы испортили

такое количество боевых систем, что у них осталось слишком мало техники для последнего удара. Их командование кричало, что Япония должна возместить вышедшее из строя оборудование. Но даже Мурава, простой капитан, знал, что дополнительной техники не было. Обеспечивая техникой уже действующие военные силы, японская промышленность была истощена. И даже если бы эти дополнительные системы были, то невозможно было бы за одну ночь транспортировать их из Японии в Среднюю Азию. На подготовку к войне ушли годы.

Иранцы отказывались понимать это. Мурава заставлял свою команду работать до тех пор, пока они буквально не засыпали на ходу. Они отчаянно старались выполнить свой долг и вернуть в строй достаточное число боевых машин, чтобы укомплектовать подразделения, действующие на северном направлении. Но в ответ он слышал только жалобы, которые все больше и больше звучали как угрозы.

Сейчас же ему хотелось только спать. Прошедший день был очень трудным, очень неудачным. Сон был для него единственным вознаграждением.

Его разбудили взрывы.

Мурава видел во сне красные листья и слышал звон колоколов старых храмов. Но вдруг колокола начали звонить так яростно, что он тут же проснулся. Он долго сидел, закрыв руками уши, в состоянии полной протрации.

Звон колоколов был похож на раскаты грома, громче раскатов грома. Стены и пол шата-

лись, как будто земля была сильно пьяна. Затем ударной волной выбило остатки оконного стекла, и розово-оранжевый свет озарил его скромно обставленную комнату.

„Боже мой, — вдруг осознал он. — Нас атакуют!“

Он лихорадочно схватил брюки. Ему приходилось видеть разруху после боя, но сам он никогда в бою не был. Однажды он видел, как старый реактивный самолет русских упал с неба недалеко от него. Но ничего подобного этому ужасу он раньше не испытывал.

Жуткий перезвон колоколов никак не прекращался. От этого звона у него заболели уши, и кровь начала стучать в висках. Грохот был настолько мощным, что обладал физической силой. Он понимал, что означали раскаты взрывов, но откуда раздавался звон колоколов, он понять не мог.

Крики людей были очень тихими, едва различимыми на фоне сумасшедшей какофонии колоколов.

Он натянул ботинки на босу ногу и, выскочив из комнаты, побежал, спотыкаясь, по темному коридору к выходу из барака. Дежуривший иранец из военной полиции, причитая, забился в угол холла.

— Что происходит? — требовательно спросил Мурава по-японски, хотя на самом деле он обращался не к съезжившемуся от страха иранцу, а к самому себе. Он быстро прошел сквозь выбитую взрывом дверь, шагая по битому стеклу и гравию.

На улице крупные снежинки медленно падали с темного неба. Белый ковер покрывал землю и совсем не сочетался с множеством пожарищ, полыхающих совсем рядом, на горизонте.

Автопарк! Его ремонтные мастерские!

В оцепенении он следил за тем, как тяжелый танк вспыхнул серебристо-белым светом, как будто был наэлектризован, затем откатился назад, как собака, которую пнули ногой. А рядом другая машина припала к земле, как побитое животное, потом взлетела на воздух.

С каждой новой вспышкой раздавался чудовищный звон колоколов.

Колокола. Это его танки! Его бесценные машины! Его сокровища!

Что же, ради всего святого, происходит? Что за оружие используют русские? Откуда они появились?

Его мозг вновь содрогнулся от чудовищного звона, и он на мгновение подумал, что, возможно, это иранцы повернули орудия против них. Но это было невозможно. Пока еще не пришло для этого время. И, кроме того, иранцам никогда не удалось бы совершить ничего подобного.

Неуверенно ступая по снегу, он направился к центру связи. На пути он наткнулся на солдата-иранца, глаза которого сверкали безумным страхом, и вдруг вспомнил, что не взял с собой оружия. Поняв это, он почувствовал себя еще более беспомощным, хотя личное оружие вряд ли было бы эффективно против тех, кто там, в темном небе, разыгрывал из себя всемогущего Бога.

Он побежал по знакомому пути — кратчайшему, — не думая о необходимости укрываться. В воздухе гудело. Где-то очень далеко двигались темные фигуры, и их силуэты на мгновение выделялись на фоне этого ада. Он был еще слишком взволнован, чтобы серьезно оценить ситуацию. Прежде всего ему хотелось добраться до центра связи. Возможно, кто-нибудь там сможет ему сказать, что происходит. Кроме того, там были средства связи, японские офицеры и сержанты. Центр связи притягивал его как место, где нужно выполнить свой долг и можно найти убежище.

Он почти добежал до места. Он преодолевал последние препятствия, скользя по открытой местности, расположенной между разрушенными автостоянками и административной территорией, когда какая-то неведомая сила подняла его с земли и отбросила назад. Это произошло с невероятной скоростью, тем не менее у него было время осознать, что он полностью потерял ориентацию, так как ударной волной его перевернуло в воздухе подобно тому, как кувыркается ребенок, которого неожиданно ударило морской волной. На мгновение сила притяжения исчезла, и это мгновение показалось ему настолько долгим, что он успел этому удивиться, затем его потянуло вниз, и он упал, стукнувшись о землю. В последний миг перед падением он неудачно выставил вперед руку, чтобы защитить свое тело. Рука коснулась земли раньше тела под неудачным углом и с треском сломалась, как сухое печенье.

Он лежал на земле, стараясь вдохнуть побольше свежего воздуха. Под лопатками он почувствовал что-то мокрое. Он поднял голову, как раненая лошадь, пытающаяся встать, но почувствовал необычайную тяжесть своего тела.

Он попытался выпрямиться, но из этого ничего не получилось. Он даже смог перевернуться и опереться на одно колено, но правая рука не работала. Когда он понял, что болтающийся предмет, которым заканчивалась его рука, — это его кисть, приступ рвоты, как конвульсия, прошел по всему его телу. Вся его форма и все тело были испачканы кровью. Он не мог понять, откуда текла кровь. Все вокруг казалось очень четким и одновременно неясным.

Он откинул сломанную руку, стараясь не смотреть на нее. Снег превратился в дождь.

Он упал прямо на спину. Холодный дождь бил ему в лицо. Он видел, что там, высоко в небе, все еще шел снег. Белый, крутящийся вихрем снегопад. Снежные звездочки падали прямо с неба. Он чувствовал, как холодная влага просачивалась сквозь одежду и холодила позвоночник и ноги, несмотря на то что спереди его тело стало согреваться от горящего вокруг пламени. Он лежал не то в полузабытии, не то в полудреме, любуясь снежной бурей над ним и щурясь от дождя, в который, падая с неба, постепенно превращался снег.

Он ожидал наступления боли и очень удивлялся, почему ее не было. „Со мной все в порядке, — сказал он сам себе. — Со мной все в порядке“. Звон колоколов прекратился. И кругом было абсолютно тихо, но вспышки огня

продолжались. Розовая стена огня поднялась так высоко в небо, что была похожа на арку, возвышавшуюся над тем местом, где лежал Мурава.

Что случилось? Почему он не может встать? Почему вдруг так тихо?

„Все небо горит“, — подумал он.

Что происходит?

Склад горючего, решил он наконец. Они попали в склад с горючим. Иранцам разрешили самим следить за складом, но они, не ожидая больше нападения русских, небрежно обращались со складом и даже не побеспокоились о том, чтобы построить земляное укрытие или хотя бы рассредоточить запасы.

Сейчас это все горит, подумал он покорно. Но почему же он не может встать? Ему казалось, что в первый раз ему даже удалось встать на ноги. Но сейчас его мускулы не слушались его.

В голове у него мелькнула мысль, что теперь его должны будут отправить домой. Обратно в Киото.

Почему нет боли?

Собрав всю свою волю и физические силы, Мурава приподнялся, облокотившись на здоровую руку.

Все вокруг горело. Это напоминало конец света. Вокруг должен был быть снег или грязь, но откуда-то везде была пыль. Целые облака и клубы пыли, очень яркие и красивые. Горящий вокруг мир казался мягче и совсем другого цвета сквозь эти шелковистые облака.

Он начал задышаться.

Мир будто замедлил свое движение, как бы давая ему время наверстать упущенное. Он наблюдал, как гусеничный бронетранспортер недалеко от ремонтных мастерских поднялся в небо и разлетелся на части. Он почувствовал, как под ним задрожала земля.

Медленно-медленно темные куски металла упали на землю, затем их снова чуть подбросило.

Он задышался, кашлял, но не слышал своего кашля, и это испугало его, и все же все вокруг в этой тишине было красиво. Вся вселенная в огне.

Почему нет боли?

Он увидел какую-то темную фигуру, убегающую от огня. Человек бежал и в то же время исступленно танцевал, вращая руками, крутясь вокруг себя и припадая на колени. Приглядевшись, Мурава увидел, что человек вовсе не танцует, а горит.

Мурава опять упал в грязь, состоящую из остатков его собственного тела. Он пожалел, что забыл пистолет, так как ему хотелось умереть до того, как огонь доберется до него.

Эскадрилья подполковника Джона Рено уже почти закончила свой стремительный облет района боевых действий „Изумруд“. Рота „Чарли“ заканчивала поражение целей около Атбасара, а роты „Альфа“ и „Браво“ образовали в воздухе стреляющую цепь длиной примерно шестьдесят километров. Только его эскадрилья, по последним данным, подбила две тысячи че-

тыреста пятьдесят шесть вражеских боевых машин тылового обеспечения и не потеряла ни одного М-100. Рено неплохо знал военную историю, поэтому он понимал, что сегодня его эскадрилья одержала самую бескровную победу из всех известных и все потери были на стороне противника. Возможно, его отец дослужился до четырехзвездного генерала, но старик никогда не одерживал такой победы. Это был знаменательный день.

По мнению Рено, существовали только две по-настоящему серьезные проблемы. Первая состояла в том, что две другие эскадрильи полка добились почти таких же результатов. Количество пораженных целей в Первой эскадрилье было даже выше, хотя было бы несправедливо сравнивать их результаты. У Первой эскадрильи были такие высокие результаты, поскольку она добивала машины, ожидающие ремонта в цехах Караганды. Однако всегда можно было представить свои успехи таким образом, чтобы средствам массовой информации стало ясно, кто лучше поработал. Вторая проблема была значительно более серьезной.

Тейлор. Рено презирал этого сукиного сына. Тейлор тоже не старался скрывать свою неприязнь к Джону Энтони Рено.

Рено, конечно, понимал почему. Не вызывало сомнения, что Тейлор был невеждой, который выдвинулся в силу ряда счастливых случайностей. Невежда, который окружил себя другими невеждами. Этот никчемный Хейфец, такой высокомерный... И это после того, как евреям дали пинка под задницу и загнали в

море. О Боже! И было что-то явно нездоровое в том, что Хейфец жил совершенно один, в пустой квартире, и не проявлял никакого заметного интереса к женщинам. И еще этот дерьмовый черномазый, все время выставяющий напоказ свою рыжеволосую жену. Впрочем, они всегда вели себя так. Всегда старались жениться на белых женщинах, доказать свое превосходство. Рено ухмыльнулся, вспомнив объятия этой парочки. Жена Мередита была удивительно красивой женщиной, и было непостижимо, почему она бросилась в объятия этой черномазой обезьяны. И что только она в нем нашла? Конечно, хуже их всех был этот Мартинес. Этот мелкий никчемный слащавый мексикашка с университетским дипломом. Он тоже воображал себя плейбоем. Совершенно никчемный как офицер снабжения, никакого представления о приоритетах. Ни за что бы не пришел на помощь товарищу офицеру, если бы у того возникли маленькие трудности с отчетными документами. Конечно, они всегда предпочитали такую работенку, не любили ввязываться в бойню. Мартинес, возможно, сейчас крепко спит где-нибудь в теплом безопасном местечке, а настоящие, более достойные люди дерутся здесь вместо него. Да, Тейлор был жалким и самовлюбленным дураком, он и окружил себя придурками. Штаб Тейлора — это позор для всей армии. Боже, даже русские подсмеивались над этим, но они прекрасно ладили с такими людьми, как Джон Рено. Правда, мнение русских — это не то, чем стоит хвастаться в письмах домой.

И что Тейлор собирается делать? Рено был уверен, что жалкий старый дурак не оценит его успеха должным образом. А в случае провала он накажет Джона Рено только за то, что ему выпала удача родиться сыном генерала, за то, что у него добропорядочная жена из хорошей семьи из Филадельфии и что он сам такой, каким Тейлор никогда стать не сможет. Его предки со стороны матери даже служили в пограничной милиции, защищая переселенцев от набегов индейцев.

В этом и было все дело. Тейлор не понимал таких вещей, как традиции, честь. В другое время, в другой менее бестолковой армии Тейлор был бы счастлив дослужиться до сержанта.

А его лицо? Тейлора неприлично было даже представить кому-нибудь. И, кроме того, эти слухи о маленькой шлюхе из округа Колумбия.

Да, Рено был своим человеком в армии, и он знал, что Тейлор достиг своего предела. Правда, если операция и дальше будет идти успешно, он может стать бригадным генералом. Да, Тейлор вовсе не был похож на старшего офицера. И, конечно, не вел себя, как старший офицер. И Тейлор нажил себе слишком много врагов за годы службы.

На самом деле армия не нуждалась в таких людях, как Тейлор. И Рено все время удивлялся, как он дослужился до такого высокого звания.

Он неоднократно слышал, что Джордж Тейлор был офицером, всегда готовым взяться за грязную работу. И это вовсе не удивляло Рено,

так как, с его точки зрения, Тейлор был грязным человеком.

На мгновение он позволил разыгаться своему воображению. Самое лучшее, что могло бы произойти, это если бы Тейлора ранило, не обязательно смертельно, иначе он мог бы стать национальным героем. Это бы означало, что Рено, как старший по званию командир эскадрильи, стал бы командиром полка на поле сражения. Вот это было бы здорово.

— Драгун-шесть, я — Улан, — раздался голос по внутреннему телефону и прервал размышления Рено. У Рено выработалась привычка присваивать необычные названия станциям на своей внутренней линии связи, хотя по уставу это было запрещено. Но для того чтобы соперничать с такими показушниками, как Теркус из Первой эскадрильи, приходилось крутиться.

— Я Драгун-шесть. Прием.

— Видим объект, — ответили на том конце. — Видимость что надо. Рядом боевых резервов нет. Он наш. Прием.

— Вас понял. Доложите приблизительные размеры объекта.

— Похоже, что там восемь грузовиков для перевозки людей, стоящих рядом. И несколько десятков разбросанных рядом машин общего назначения. Огнестрельных орудий поблизости нет.

Рено на мгновение задумался. Судя по описанию, задача была безопасной и реально выполнимой. Они смогут быстро расправиться с ними. Тейлор даже не узнает об этом до тех

пор, когда уже будет слишком поздно что-нибудь изменить.

— Я Драгун-шесть, — сказал Рено. — Передай сетку на мой навигационный прибор. Выведи машины сопровождения на всякий случай. Пусть десантники нас подстрахуют. Я уже иду. Отбой. Драгун-два, я — Драгун-шесть. Возьми командование эскадрильей на себя. Я буду помогать Улану захватывать штаб противника. Конец связи.

„Тейлор дурак“, — думал Рено, медленно продвигаясь среди живописных, хорошо освещенных прожекторами руин вражеского полевого штаба. Это было очень небольшое сооружение, но на фотографиях этого видно не будет.

— Сэр, вы не могли бы немного подвинуться влево? Вот сюда, иначе очень сильно освечивает сзади, — сказал фотограф из штаба Рено и прицелился фотоаппаратом.

— Эй, отодвинь свои проклятые прожекторы, — раздраженно сказал Рено. Тейлор разрешил приземляться только в случае крайней необходимости. Но сейчас надо было перехватить инициативу, воспользоваться возможностью захватить вражеский штаб. Никто не мог осудить его за это. А прессе это понравится.

Рено перешагнул через тело какого-то убитого иранца. Он махнул рукой фотографу.

— Нет, слишком много крови. Подожди, мы выйдем отсюда и сделаем несколько снимков с пленными.

Газеты и журналы будут гоняться за этими фотографиями. Пентагон попытается выдать их за изображение „стратегического“ объекта, хотя обычному человеку на это наплевать. Пресса же будет очень рада получить интересные фотографии вместе с историей об отважном налете на вражеский штаб.

Рено спустился по лестнице разрушенного фургона и вышел на улицу, где было совершенно темно.

— Где, черт возьми, пленные?

— Здесь, сэр. — Раздался щелчок выключателя и включился прожектор, освещая темное пространство.

Рено повернулся к фотографу:

— Ты уверен, что зарядил ту пленку, какую надо?

— Да, сэр. Фотографии будут отличные.

Рено наступил ботинком на что-то тяжелое и слегка податливое и чуть было не упал лицом в снег и грязь. Он придавил ногой это нечто, чтобы встать более устойчиво.

— Что это, черт побери? — спросил он сердито.

— Сэр, — раздался голос из темноты, — это один из наших раненых. Когда мы сиделись, иранцы...

— Убери его отсюда к чертовой матери, — резко прервал его Рено. — А ты, — сказал он фотографу, — не снимай больше, пока не убьют всех раненых и убитых. Понял?

— Да, сэр.

Летчики из эскадрильи Рено срочно убирали тела своих погибших товарищей, чтобы рас-

чистить место, а в это время фотограф налаживал работающую на батареях вспышку. Через несколько минут можно было опять начать съемку.

Рено гордо стоял в центре освещенного пространства, самодовольно направив автомат на группу иранских солдат и офицеров, поднявших руки вверх, словно пытаясь поймать ладонями падающий снег.

Рено подумал, что в такой день отлично быть американцем.

Капитан южноафриканских ВВС Андреас Зидерберг был в плохом настроении. Его эскадрилья глубокого прорыва принимала участие только в наступательных операциях, а сейчас, хотя ему и обещали выполнение сверхсложного задания, он вел свой самолет против груды ржавого металла.

— У старика Нобуру зуд, — сказал ему начальник, — а мы должны чесать ему спину.

В омском промышленном районе не было даже секретных военных объектов. Но раз японцам так хочется, он это сделает. Зидерберг любил летать и любил воевать, но ему уже начал надоедать деспотизм японцев. Сейчас на базе вспыхнула новая эпидемия болезни Рансимана, и возможности эскадрильи могли быть гораздо эффективнее использованы для передислокации сил на другую, незараженную территорию. Вместо этого они теряли время и бомбили большие груды утиля, разбивая их на более мелкие куски.

Зидерберг невольно улыбнулся. Он представил себе какого-нибудь старого педика на ночной вахте на базе в Омске в момент начала сильных взрывов. Проснись, Иван — казак на дворе.

Зидерберг жалел русских, хотя они и испохабили свою страну. Он чувствовал бы себя лучше, если бы воевал на их стороне, против этих желтокожих иранцев. Тем не менее, когда тебе платят, ты делаешь то, что тебе говорят.

У японцев слабые нервы. Все идет хорошо, а они хотят сравнить Омск с землей, разрушить его до основания. Зачем такая спешка? Глядя на фотографии, сделанные сверху, Зидерберг думал, что если бы они проявили терпение, все бы развалилось само по себе.

Вдруг самолет сильно тряхнуло, и от этого к горлу подступила тошнота.

— Извините, сэр, — сказал второй пилот. — Мы входим в район пересеченной местности. Мерзкая пустыня. Я могу взять вверх, если хотите. На двести метров выше будет лучше.

— Нет, следуй рельефу местности. Будем считать, что это тренировочный полет.

Зидерберг быстро взглянул на четкое изображение на экране монитора, желая проанализировать компьютерное изображение местности. Бесплодная, совершенно никчемная земля.

Второй пилот посмотрел на него.

— По сравнению с этим зрелищем пустыня Калахари выглядит как сады Эдема, — сказал он.

Зидерберг вдруг подумал, что солдатам все равно, на какой земле воевать.

— На севере что-то похожее на южноафриканский вельд, сэр, — сказал второй пилот.

В наушниках неожиданно послышался взволнованный и энергичный голос штурмана:

— Я потерял связь со Старшей Сестрой. Думаю, нам ставят помехи.

— О чем ты говоришь? — требовательно спросил Зидерберг. Он быстро проверил линию связи. Сплошной треск.

— Есть ли какие-нибудь самолеты противника по курсу нашего полета?

— Ничего, — ответил стрелок. — Похоже, что путь свободен.

„Это, наверное, эти чертовы иранцы“, — решил Зидерберг. Беспорядочные помехи продолжались.

— Будьте начеку, — приказал он командирам восьми других самолетов эскадрильи. — Сократите число передач. Двигайтесь прямо к району цели. В случае потери связи каждый самолет отвечает за выполнение своего плана атаки.

Все самолеты подтвердили получение приказа. Слышимость была очень плохой, хотя в их распоряжении было лучшее из имевшегося у японцев оборудования связи и они летели очень близко друг к другу. Сигнал едва проходил. О связи же со штабом не могло быть и речи. Постановщики помех, кому бы они ни принадлежали, были достаточно мощными.

Зидерберг совершенно проснулся, несмотря на тяжесть предрассветных часов. Помехи заставили его сосредоточиться. Бортовая система квалифицировала помехи как широкополосные,

а не направленные только на их самолеты. Но лучше было перестраховаться.

Задание становилось более интересным, чем он предполагал.

— Давай предпримем все возможные меры радиопротиводействия, — сказал он второму пилоту. — Я хочу изолировать район цели, как только мы войдем в зону действия постановщиков помех, а затем произведем другой расчет дальности цели. Проверь, есть ли помехи на цифровой линии спутниковой связи.

Второй пилот предпочел визуальную проверку результатов определения координат района цели вблизи горизонта, полученных путем триангуляции засечек с японских разведывательных спутников. Частотные каналы по-прежнему превосходно действовали, ясно показывая, что вражеские передатчики помех в первую очередь были нацелены на радиоэлектронные средства наземных войск.

На первый взгляд изображение промышленного объекта казалось таким же скучным и неинтересным, как вчера вечером, когда Зидерберг составлял план операции: склады, подходы к ним, заводы, брошенные пустые цистерны из-под горючего.

— Подожди, — сказал Зидерберг. Он нажал на кнопку, чтобы остановить движущееся изображение. Он сидел, подняв голову вверх, как будто бы увидел отличную пернатую дичь.

— Что за чертовщина?

Он пристально смотрел на изображение транспортного вертолета, возникшего на экране, стараясь определить его тип. Было очевид-

но, что самолет был не советского производства. Он был уверен, что раньше видел такой тип машины в каком-то журнале или на лекции по новой технике, но он не мог вспомнить ее названия.

— Видел ты когда-нибудь их раньше? — спросил он второго пилота.

— Нет, сэр. Мне кажется, я таких раньше не видел.

— Она одна?

— Я вижу только одну.

— Черт возьми, в чем дело? — Он чуть было не пропустил эту машину. Она была тщательно закрыта маскировочной сеткой, напоминающей паутину, которая автоматически выдвигалась из скрытых отсеков в верхней части фюзеляжа. Такая сетка впервые была использована американцами.

— Боже всемогущий, — сказал тихо Зидерберг. — Это американцы, чтоб им пусто было.

На минуту в кабине наступило молчание. Затем штурман высказал свое мнение по линии внутренней связи:

— Может быть, русские решили купить американскую систему?

Зидерберг быстро рассчитал время и расстояние между самолетом и точкой сбрасывания бомб.

— Ну что же, — сказал он, как бы продолжая размышлять, — они убедятся, что это было чертовски неудачное вложение капитала.

3 ноября 2020 года

Дейзи устало всматривалась в свое отражение в зеркале туалета. Она была рада, что Тейлор не мог видеть ее сейчас. Грязные волосы были собраны в пучок, и от этого кожа на лице выглядела еще хуже. После больших нагрузок или сильного переутомления она всегда выглядела ужасно. Дейзи умылась, к ней вернулась бодрость, но выглядеть лучше она не стала. Быстрым движением она нанесла грим, хотя никогда не умела это делать хорошо.

Все присутствующие в комнате ликовали. Президент, в предвыборной программе которого почти никакого внимания армии не уделялось, был сейчас похож на ребенка, только что нашедшего новую великолепную игрушку. Он задавал множество вопросов, и собравшиеся члены Комитета начальников штабов старались оттеснить друг друга и ответить на них. Боукветт был на вершине славы. Новых сообщений от разведки, очевидно, не поступало, а первые отчеты о ходе боя и изображения района боевых действий свидетельствовали о том, что операция проходила очень успешно, хотя силы

США все еще вели военные действия на территории Средней Азии. Ни одного сообщения о боевых потерях американцев до сего времени не поступило, и председатель Комитета начальников штабов запрашивал разведывательные станции каждые несколько минут, стараясь проверить полученные сообщения, так как был не в состоянии поверить в масштабы успеха своих войск. Председатель несколько раз пожимал руку Боукветту, поздравляя его с успешным проведением разведывательных, подготовительных операций.

— Вот так должна работать разведка, — сказал председатель, улыбнувшись своей обычной улыбкой деревенского паренька.

Боукветт отозвал Дейзи в сторону. Он недавно принял душ, поел и одел чистую рубашку из великолепного белоснежного хлопка. Забыв о том, как ужасно она выглядит, Дейзи решила, что Боукветт собирается предложить ей что-то вроде небольшой неофициальной вечеринки по поводу одержанной победы. Но он только сказал:

— Только ради Бога, Дейз, ни единого слова об этих „Скрэмблерах“. Они счастливы, как дети в кондитерском магазине. Они совершенно забыли об этом, и нет необходимости навлекать лишние неприятности на наше управление.

Несмотря на все старания, разведка США не смогла получить никакой дополнительной информации о „Скрэмблерах“.

— Может быть, это очень важно, — сказала Дейзи. — Мы все еще о них ничего не знаем.

Боукветт повысил голос. Однако совсем чуть-чуть, стараясь не привлекать ненужного внимания к их разговору.

— Никому ни единого слова, Дейз. Считай, что это приказ. — Он покачал головой. — Боже, и не становись похожей на старую деву. Все будет в порядке.

Он опять повернулся к одной из штатных сотрудниц Совета национальной безопасности, офицеру военно-морского флота, одетую в плотно облегающую военную форму, не скрывающую достоинств ее фигуры. „Возможно, — подумала Дейзи с обидой, — они собираются вместе поразвлечься“.

Президент решил, что ему совершенно необходимо поговорить с Тейлором во время боевых действий и поздравить его. Тейлор всем своим тоном давал ему понять, что у него есть куда более важные дела, однако президент не обратил внимания на звучащее в голосе Тейлора нетерпение. Признательность благодарной нации...

Дейзи пришлось выйти из комнаты. Она быстро пошла по коридору, прошла мимо часового и направилась в туалет. Она готова была вот-вот расплакаться. Толкнув с силой дверь, она вошла в туалет, заперлась в кабинке и рыдалась.

Что-то ужасное творилось у нее внутри, какой-то злобный зверь скрывался в ее сердце и упорно повторял, что все эти празднования в зале были непростительно преждевременными.

Нобуру пристально смотрел на изображение на большом центральном экране и старался изо всех сил сохранить спокойное выражение лица. Вокруг него офицеры штаба кричали что-то в микрофоны, обмениваясь последними новостями из одного конца комнаты в другой, или сердито требовали, чтобы все замолчали, так как они ничего не слышат. Нобуру еще никогда не видел, чтобы в его штабе творилось что-нибудь подобное. И никогда раньше он не видел такого изображения, которое сейчас как бы поддразнивало его с экрана главного монитора.

Это была катастрофа. Он смотрел на изображение складов в районе Караганды, полученное от ретрансляторов космической системы. Разрушений такого масштаба он никогда не видел, и, пока он смотрел на экран, яркие огни взрывов продолжали вспыхивать и слепить глаза. Он уже видел изображение местности от Целинограда до Архалыка и от Кокчетава до Атбасара. И везде картина была одна и та же. Никто точно не знал, что произошло. Противника нигде не было видно.

Первое сообщение о нападении пришло окольным путем. Какой-то предприимчивый лейтенант в Караганде не смог связаться со штабом вышестоящего подразделения с помощью обычных средств связи и позвонил в свой бывший офис в Токио, сообщив о нападении. И удивительно, что в то время, как все новейшие средства связи отказали, устаревшая телефонная связь сработала нормально. И тут же

Нобуру разбудил звонок из Генерального штаба. Они хотели знать, что, черт возьми, происходит на его фронте.

Это была катастрофа, масштабы которой еще не все осознавали. Особенно русские. Их внезапное нападение все-таки оказалось успешным. Они захватили своих мучителей врасплох, когда те в буквальном смысле спали. Русские оказали сопротивление. Но они, эти несчастные глупцы, не представляли, что их ожидает.

Он знал, что из Токио будет еще один звонок. И он знал, что именно скажет голос на другом конце провода.

— Я этого не хотел, — сказал Нобуру самому себе, — Бог свидетель, я этого не хотел.

Если бы только он мог это предвидеть, предотвратить все это. Он закрыл глаза. Воин, которого он видел во сне, знал об этом, старался предупредить его. Но он слишком отдалился от природы, чтобы придавать значение таким предзнаменованиям.

Дух знал обо всем, но Нобуру не прислушался к нему. А сейчас было уже слишком поздно. Поздно для всех.

— Такахара, — прорычал он, уязвленный настолько, что не мог говорить вежливо.

— Да, господин генерал?

— Все еще ничего?

Такахара был жестоким человеком. И, как у всех жестоких людей, в состоянии замешательства в присутствии старших по званию на его лице появлялось выражение, какое бывает у испуганного мальчишки.

— Мы все еще не можем обнаружить противника. Мы стараемся... делаем все возможное.

— Недостаточно. Найдите их, Такахара, чего бы это ни стоило.

Настало время быть жестоким. У него еще была надежда, что он сможет предотвратить те ужасные события, которые, он чувствовал, должны произойти.

— Слушаюсь, господин генерал. — Такахара выглядел испуганным.

— Я хочу поговорить с командиром, ответственным за бомбардировку района Омска.

Такахара вздрогнул.

— Мы временно потеряли связь с командиром боевой задачей три-четыре-один.

— Когда? Вы хотите сказать, что они были сбиты? Почему мне не доложили?

— У нас нет свидетельств того, что боевое подразделение... исчезло. У нас просто нет с ними связи вот уже некоторое время. Помехи в электромагнитном спектре достигли невиданного уровня...

Нобуру отвернулся. Он был так зол, что не мог даже смотреть в сторону Такахары. Это была даже не злость, а ярость.

Омск... Почему он не доверился своей интуиции? Он ведь знал, что что-то там не так с той самой минуты, когда Акиро показал ему отклонение в показаниях теплового излучения в заброшенных складах. Почему он не нанес удар сразу?

Никто не подозревал, что русские обладали силами для нанесения ответного удара. Япон-

ская разведка ничего не обнаружила. Но почему русские так долго ждали, прежде чем использовать эти новые средства поражения? Почему они не использовали это сверхмощное оружие — каким бы оно ни было — сразу?

Сейчас было уже слишком поздно. Сейчас русские только навлекли на себя месть, и это единственное, что запомнят историки будущего об этой войне. Единственное, с чем его имя будут связывать в учебниках по истории.

Для русских было бы лучше, если бы японская разведка обнаружила проводимые ими приготовления. Усилия русских скрыть их увенчались успехом, но этот успех будет их крахом.

Воин из сновидения знал об этом с самого начала. И теперь он смеялся над тем, что происходит.

— Такахара.

Однако никакой необходимости кричать не было, так как, повернувшись, Нобуру увидел, что полковник никуда не отходил.

— Слушаю, господин генерал.

— Предположим, что эти самолеты не были сбиты и не прервали выполнения задания. Когда, в таком случае, они достигнут Омска?

Такахара взглянул на цифровые датчики, расположенные в ряд на боковой стене, с помощью которых офицеры штаба могли мгновенно определять время в основных часовых поясах земного шара.

— Через несколько минут, — сказал Такахара.

— Свяжись с ним, — сказал Тейлор раздраженно. — Скажи Танго пять-пять, что я немедленно хочу поговорить с ним лично. Конец связи.

Тейлор снял наушники. На его обезображенном лице было написано отвращение. Мерedit согласовывал детали проведения операции с Десятым полком, постановщики помех которого находились в воздухе, готовые выполнять поставленную задачу, когда он вдруг обратил внимание на растущее раздражение в голосе Тейлора. Закончив разговор, он повернулся к полковнику.

— Опять Рено?

Тейлор кивнул:

— Этот негодяй приземлился. Бог знает, что он собирается делать. Сержант службы связи его эскадрильи не слышал о каких-нибудь неполадках. Когда же наконец этот сукин сын будет выполнять приказы?

Мерedit понимал раздражение Тейлора. Рено нужно будет совершить какую-нибудь невероятную оплошность, прежде чем его накажут, но даже в этом случае ему как генеральскому сынку все сойдет с рук.

— Не расстраивайтесь из-за этого, — сказал Мерedit. — Нам пора салютовать пробками от шампанского. Это великий день. Он войдет в историю.

— Мерри, — сказал Тейлор, серьезно глядя на офицера разведки. — Это еще не конец. Именно сейчас наступает самый опасный момент. Именно сейчас, когда все похлопывают друг друга по плечу и подсчитывают, скоро ли

они вернутся домой и обнимут мамочку... Единственная ошибка, и...

Это был один из тех редких случаев, когда Мередит не был согласен с Тейлором. Иногда Тейлор проявлял слишком много беспокойства. Система сработала даже лучше, чем они ожидали. Они фактически лишили противника способности продолжать боевые действия в этом районе и при этом не понесли никаких потерь. Они уже заканчивали выполнение задания, это была его заключительная стадия, после выполнения которой они отправятся в предписанный район сбора. Тейлор должен сейчас чувствовать себя победителем, отомщенным. Всю свою сознательную жизнь Тейлор ждал этого дня. А сейчас он отравлял радость другим.

Мередит решил промолчать. У него было хорошее настроение, а если Тейлор решил испортить им этот радостный момент, это было его дело. Отвернувшись к монитору, чтобы проверить донесения разведки, Мередит про себя улыбнулся и представил, как он будет когда-нибудь говорить своим внукам:

„Я был в Средней Азии с Тейлором. Да, с полковником Джорджем Тейлором из Седьмого полка. Вы ведь знаете, что я был его правой рукой. Во время боя я был так же близко от Тейлора, как сейчас от вас, мальчики. Его лицо напоминало боевую маску индейского вождя, но он был очень добрым человеком, хотя веселым его не назовешь. Но ко мне он всегда относился очень хорошо. Мы долго работали вместе... Ну, мы были закадычными друзьями“.

— Какого черта тебе так весело? — требовательно спросил Тейлор. Но когда Мередит повернулся, чтобы ответить на вопрос, он увидел, что Старик просто удивлен поведением офицера разведки. Он чуть заметно добродушно улыбался.

— Да так, — сказал Мередит. — Я просто задумался, сэр.

— О Морин?

— Нет, — чистосердечно ответил Мередит, впервые за несколько часов представив себе фарфоровое личико и медные волосы жены. — Нет, я приберегаю воспоминания о ней на потом.

Тейлор опять стал деловитым.

— Давай свяжемся с Мэнни и запросим у него последнюю информацию. Я его хорошо знаю и думаю, что он сейчас чувствует себя чертовски виноватым из-за того, что не участвовал в сражении.

Мередит попросил одного из сержантов передать ему наушники сети связи тыла. Он посмотрел на список позывных, висящих на стене, и сказал в микрофон:

— Сьерра семь-три. Я Сьерра один-ноль. Прием.

Ответа не было.

— Возможно, курит или пьет кофе, — сказал Тейлор. — Используй мой позывной. Это привлечет их внимание.

— Сьерра семь-три. Я Сьерра пять-пять. Прием.

Улыбаясь, они ждали, когда им ответит взволнованный голос Мэнни.

Тейлор покачал головой, он был готов засмеяться:

— Ты помнишь тот раз в Мексике, когда...

Мерedit начал неистово работать переключателем. Он не обращал внимания на происходящее вокруг. Теперь он стал различать звуки в наушниках.

— В чем дело? — спросил Тейлор.

Мерedit не слышал его. Он старался понять, что происходит. Он вызвал на экран графическое отображение состояния спектра электромагнитных волн к северу от того места, где они сейчас находились, то есть того района, где сейчас должен был находиться Мэнни. Где-то между Омском и районами сбора.

— Мерри, черт возьми, в чем дело?

Мерedit поднял голову от пульта управления:

— Сильные радиоэлектронные помехи на севере, но не с нашей стороны. Все параметры неверны. Эти сукины дети, должно быть, что-то используют против нас.

Он ввел в главный компьютер вертолета команду: обнаружить наличие каких-нибудь перемен в позиции противника в северном секторе.

И мгновенно на экране появилось цифровое изображение, указывающее на наличие вражеских самолетов, летящих по северной оси. Компьютер работал отлично. Его программное обеспечение позволяло предупредить о наличии самолета противника, движущегося по линии сходимости с боевыми эскадрильями Седьмого полка. Компьютер знал о присутствии в небе

этих самолетов с момента их вылета, но никто не запросил у него информацию о прохождении самолетов противника над расположением полка. Отвечая на запросы управляющих людей, компьютер не посчитал проникновение вражеских самолетов достаточно важной причиной для того, чтобы поднимать тревогу.

— Бандиты, — сказал Мередит.

— Дай проекцию их маршрута полета, — приказал Тейлор глухим голосом.

Мередит дал команду компьютеру экстраполировать весь курс самолетов противника — прошлый и настоящий.

Линия атаки проходила прямо через Омск.

Зидерберг был в бешенстве. Он уже больше часа пытался связаться хоть с каким-нибудь вышестоящим подразделением. Все безуспешно. Он хотел доложить о том, что обнаружил американский транспорт, и хотел получить подтверждение, что высшее начальство по-прежнему настаивает на открытии огня.

Он в сотый раз взглянул на экран отображения целей. Американский самолет, одиноко стоящий на земле, — что, черт возьми, это означает? Все это время он очень беспокоился, что цель поднимется в воздух, прежде чем он окажется на дистанции поражения.

Небо начало светлеть. Бортовые компьютеры прекрасно управляли полетом. Бомбометание начнется на рассвете.

Это были дистанционно-управляемые бомбы, заряженные самыми мощными из имеющихся компактных взрывчатых веществ обычного

типа, новое поколение разрушительных средств, эквивалентных по мощности заряда тактическому ядерному оружию. Вслед за ними полетят самые современные снаряды объемного взрыва, которые спалят все, что осталось неразрушенным от удара бомб. Десять самолетов, находящихся под его командованием, имели достаточно оружия, чтобы сравнять с землей огромный промышленный район.

— Когда? — требовательно спросил Зидерберг у штурмана. Он столько раз задавал этот вопрос, что никаких объяснений больше не требовалось. Штурман знал точно, что имеет в виду Зидерберг.

— Одиннадцать минут до начала бомбометания.

Внизу под самолетом можно было невооруженным глазом различить пустынную землю, покрытую снегом.

— Попробую еще раз попытаться связаться с командованием, — сказал Зидерберг второму пилоту.

— Я же приказал ему, — сказал Тейлор. В его голосе звучала боль, которую Мередит никогда раньше не слышал. — Я же приказал ему убираться отсюда к чертовой матери.

Все в кабине вертолета собрались вокруг мониторов. На одном из них был виден все тот же транспорт, спокойно стоящий на земле в районе Омска, на других же был виден путь движения самолетов противника.

Они испробовали все, что можно: связаться с Мартинесом по радиорелейной связи, преду-

предить об опасности советскую противовоздушную оборону. Но тактические истребители японского производства создавали сплошные помехи на своем пути, точно так же, как это сделали и продолжали делать машины из полка Тейлора.

Тейлор схватил ручной микрофон командной связи и попробовал связаться еще раз:

— Сьерра семь-три, я Сьерра пять-пять. Срочное сообщение. Повторяю: срочное сообщение. Прием.

В ответ только хрип и треск.

— Сьерра семь-три, — опять начал Тейлор, — если ты слышишь меня, убирайся отсюда немедленно. Эвакуируйся немедленно. Самолеты противника движутся в твоём направлении. У тебя есть лишь несколько минут. Прием.

— Эй, Мэнни, — сказал Мередит громко. — Ради Бога, подумай о своем проклятом „шевроле“, о сеньоритах, что тебя ждут не дождутся. Убирайся оттуда!

Самолеты противника неумолимо приближались к красной линии, которая означала границу района бомбометания.

— Мэнни, ради всего святого, — крикнул Мередит в небо, — уходи оттуда! — На глаза у него навернулись слезы.

Тейлор сильно ударил кулаком по пульту управления. Транспорт в Омске не двигался.

Тейлор опять взял микрофон.

— Мэнни, — сказал он и впервые на памяти присутствующих не использовал позывные. — Мэнни, пожалуйста, послушай меня. Убирайся

оттуда немедленно. Бросай все к чертовой матери. Взбирайся на борт этой проклятой машины и убирайся оттуда.

Пульт управления начал гудеть, давая знать, что самолеты противника вошли в район бомбометания около Омска.

Зидерберг глубоко вздохнул. Все попытки связаться с начальством оказались напрасными. Установленное правило было очень простым: в случае прекращения связи необходимо продолжать выполнение задания, независимо от обстоятельств.

На мониторе в легкой предракетной дымке он различал увеличенное изображение человеческих фигур.

— Мы вошли в район бомбометания, — сказал ему штурман по внутренней связи.

Зидерберг вздрогнул.

— Осуществить запуск боевых средств, — сказал он.

— Есть осуществить запуск боевых средств, — повторил бесстрастный голос.

Мэнни Мартинес был в прекрасном настроении. Судя по последним донесениям, полученным по линии связи тыла несколько часов назад, бой шел отлично. Даже особого ремонта не будет. Об этом бое ребята еще много лет подряд будут рассказывать всякие небылицы за кружкой пива.

— Поторопись, — сказал он. — Нам пора убраться отсюда. — Но сказал он это спокой-

ным голосом. Ребята устали. Они наконец-то отремонтировали последний М-100. Можно лететь в район сбора своим ходом. Это будет подарок Старику.

Они даже не опоздают. Потерянное время он наверстает в пути.

Занимался новый день. Буря ушла на юго-запад, и после ночного снегопада измученная земля выглядела вполне сносно. „Хороший день для полета“, — подумал он.

Он глубоко вздохнул, наслаждаясь холодным, чистым воздухом и стараясь избавиться от оцепенения, которое он испытывал после бессонной ночи.

Позади него механики выкатывали из укрытия отремонтированный М-100.

„Старик будет гордиться ими“, — подумал он. Затем он медленно пошел к самолету, чтобы выпить еще одну, последнюю чашку кофе.

3 ноября 2020 года

Американцы, — повторил Такахара. Нобуру сел. Его веко несколько раз непроизвольно дернулось. Это был легкий нервный тик, появившийся у него за последние годы. Нервное подмигивание продолжалось у него обычно всего несколько секунд, и то только тогда, когда Нобуру сильно нервничал.

— Это невозможно, — сказал он.

— Господин генерал, — начал Такахара, — вы сами можете послушать, их станция передает открытым текстом. Очевидно, в шифровальной системе есть какая-то неисправность, о которой они не догадываются. Они говорят по-английски, причем с американским акцентом.

— Возможно, это хитрость, — сказал Нобуру.

Такахара на минуту задумался:

— Кажется, сегодня все возможно. Но разведчики уверены, что передача настоящая.

— Разведка, — сказал Нобуру, — в последнее время часто ошибается. А Токио знает об этой передаче?

— Я лично принял решение не передавать эту информацию, пока вы сами не послушаете передачу.

— Мы должны быть уверены.

— Разведка считает...

— Мы должны быть *абсолютно* уверены. Мы не имеем права на еще одну ошибку. Мы уже заплатили слишком дорого за одну.

„Американцы“, — думал Нобуру. Он не мог больше повторять это слово и не думать о лицах мертвецов, которые он видел во время ночного кошмарного сна. Боже, и что только американцы могут здесь делать? Они не очень-то любят русских. Но как это могло случиться? Как?

„Все повторяется, — подумал Нобуру. — Мы ничему не учимся. Кажется, непонимание поступков американцев — это национальный японский вид спорта. Но как это могло произойти? Ведь американцы ведут борьбу за то, чтобы удержаться на собственном континенте? Вот уже десять лет японцы связывают их по рукам и ногам, осуществляя редкие и не слишком интенсивные операции. Японские аналитики утверждают, что Соединенные Штаты признали свое поражение в военном и технологическом соревновании с Японией и что у американцев нет ни сил, ни средств, чтобы продолжать состязание за господство в мире“.

Нобуру увидел своего личного адъютанта, Акиро, пробирающегося сквозь непривычную неразбериху центра управления. Что это Акиро утверждал только вчера? Что с американцами

покончено? Сегодня ему самому придется покончить с ними.

— Следите за их движением, — сказал Нобуру Такахаре. — Определите, какое оружие они используют. Нам нужны данные для нанесения удара.

— Слушаюсь.

Кажется, только вчера он летел как победитель над африканским бушем, внезапно появляясь перед американцами и нанося им неожиданные удары. Сегодня они нанесли неожиданный удар ему. Но не все еще кончено. Нобуру слишком хорошо знал, что должно произойти. И в Книге судеб это написано более могущественной рукой, чем его собственная.

Воин, явившийся ему во сне, знал и об этом тоже. Он знал, что даже во сне Нобуру продолжает свой спор с американцами, с ужасными мертвыми лицами.

— Господин генерал, — обратился к нему Акиро. Нобуру видел, что молодой человек был потрясен всем происходящим. Он не привык к вкусу поражения, даже временного.

— Да?

— На спутниковой связи Токио. Генерал Тсуйи хочет поговорить с вами.

Нобуру заранее знал, что такой звонок будет. Это было неизбежно. И он знал, что именно ему прикажут делать.

— Я буду говорить из своего кабинета, — сказал Нобуру.

— Так точно, господин генерал, — ответили Акиро и Такахара почти в унисон.

— Да, Такахара, свяжитесь с Ногучи. Проверка готовности отменяется. Вместо этого он должен поддерживать свое подразделение в состоянии полной боевой готовности. — Для Нобуру было невыносимо произносить эти слова. Но это был его долг. А он будет всегда выполнять свой долг. — Но он не должен предпринимать никаких дальнейших действий, пока не получит приказа лично от меня.

Такахара подтвердил получение приказа и начал его выполнять. Акиро, казалось, словно съезжился. Как адъютант Нобуру, молодой человек знал секретную информацию о возможностях самолетов, находящихся на аэродроме в Бухаре в Средней Азии и ожидавших лишь приказа о начале выполнения задания. Неуверенное выражение лица Акиро свидетельствовало о том, что он не был таким бессердечным, как можно было подумать, услышав его бескомпромиссные слова. Да, слова — это одно, а...

— Оставайся здесь, — сказал Нобуру своему адъютанту. — Пойду в свой кабинет. Сядь на мое место и внимательно следи за всем, что происходит. Это война, Акиро.

Нобуру пошел по центру управления, в котором все еще царил беспорядок, прошел по коридору к кабинету, где главный компьютер исправно и молчаливо нес свою службу. Он остановился около личного лифта, которым раньше пользовался какой-то советский генерал. Часовой случайно ударил ногой по стене, вставая по стойке „смирно“.

Нобуру использовал оставшиеся у него несколько секунд для того, чтобы сформулировать свои доводы. Но он понимал, что все они были безнадежно неубедительны после событий, происшедших сегодня рано утром. Почему американцы, если это, конечно, действительно были они, вмешались? В глубине души он знал, что никогда не сможет убедить старого Тсуйи поступить по-человечески. Но так же, как его долг солдата состоял в том, чтобы выполнять приказы, его долг человека состоял в том, чтобы предпринять последнюю попытку изменить ход событий.

В его комнате было прохладно и чисто. Аскетизм и спокойствие обстановки обычно успокаивали его, но сегодня в пустой комнате он чувствовал себя, как в могиле.

Он сел за письменный стол и поднял трубку телефона специальной связи.

— Говорит генерал Нобуру Кабата.

— Подождите, сейчас с вами будет говорить генерал Тсуйи.

Он покорно ждал и представлял себе, как волшебные волны рассекают небеса и дают ему возможность конфиденциально разговаривать с человеком, находящимся очень далеко от него. Эта техника была создана несколько поколений назад. Тем не менее временами такие вещи все еще удивляли Нобуру. Его до сих пор потрясало, что сделанные из металла машины способны переносить людей по воздуху.

„Я плохой японец, — думал он. — Я не могу считать все само собой разумеющимся“.

— Нобуру? — резкий голос испугал его.

— Слушаю вас, генерал Тсуйи.

— Я не знаю точно, как все это видится вам, Нобуру. Однако из Токио создается впечатление, что войска под вашим руководством потерпели самое серьезное поражение за последние семьдесят пять лет.

— Дела плохи, — согласился Нобуру, готовый понести заслуженное наказание.

— Плохи — не то слово. Это катастрофа.

— Я согласен.

— Лично я бы хотел снять вас с руководства, но не могу этого сделать. Убрать вас сейчас означало бы еще сильнее унижить достоинство Японии, признать наше поражение.

— Я подам в отставку, — сказал Нобуру.

— Вы ничего подобного не сделаете. И не совершите никакой глупости... Сейчас двадцать первый век, и ваши кишки не стоят того, чтобы испачкать ими ковер. У вас есть план?

— Еще нет, — сказал Нобуру. — Мы все еще собираем данные.

— Вы знаете, что я имею в виду, Нобуру. Вы составили план введения в действие „Три-один-три-один“?

„Три-один-три-один“ — это было кодовое название, используемое Токио для группы Ногучи. Все остальные просто называли их „Скрэмблерами“. Но Тсуйи был ярким приверженцем соблюдения всех требований устава.

— Нет.

На другом конце провода воцарилось молчание. Нобуру понимал, что это было продуманное молчание. Тсуйи хотел продемонстрировать свое презрение.

— Почему?

— Генерал Тсуйи, я все еще считаю, что использование „Три-один-три-один“ будет ошибкой. Нам этого не простят.

Тсуйи презрительно засмеялся:

— Что? Не простят? Кто? Вы, должно быть, рехнулись, Нобуру?

„Да, — подумал Нобуру, — возможно, это так“.

— „Скрэмблеры“ — это преступное оружие, — сказал он. — Мы все люди.

— Нобуру, послушайте меня. Ваши личные соображения меня не интересуют. И никого не интересуют. У вас есть одно, и только одно задание — выиграть войну во славу Японии. Вы мне можете честно сказать, что после всего того, что мы видели сегодня утром, вы в состоянии гарантировать победу без введения в действие „Три-один-три-один“?

— Нет.

— Тогда действуйте.

— Генерал Тсуйи...

— Что?

— Моя разведка вклинилась в линию связи нападающих.

— Ну, так, значит, вы не совсем спали все это время. Вы установили, что это за подразделение? Имеете вы представление о типе используемого ими оружия? Невозможно себе представить, что русские смогли осуществить все это.

— Разведка думает, что это не русские.

Тсуйи засмеялся:

— Кто же тогда? Возможно, инопланетяне?

— Американцы.

— Что?

— Американцы, — повторил Нобуру.

— Это невозможно. Кто у вас командир разведки?

— Я тоже считаю, что это так, — сказал Нобуру. И он не лгал. Ему не нужны были дополнительные подтверждения. Он знал, что это американцы. Он всегда об этом знал, просто не мог себе в этом признаться.

— Нобуру, если у вас действительно есть доказательства... и если это не выдумка...

— Это так, — сказал Нобуру. — Мы все еще прорабатываем детали, но американцы точно в этом замешаны.

На другом конце провода опять наступило молчание. Но на этот раз молчание не было умышленным.

— Ну, тогда задайте им, — вдруг сказал Тсуйи. — Уничтожьте их. Используйте „Три-один-три-один“.

— Генерал Тсуйи, надо подумать...

— Нобуру, это приказ. Пусть американцы узнают, что такое война будущего.

— Мы уничтожим их, — сказал Тейлор, стараясь сохранять спокойствие. — Начинай вычислять азимут перехвата. Следи за ними.

— Есть, сэр.

— Мы уничтожим этих сукиных сынов, — сказал Тейлор личному составу оперативного центра. Он тщательно старался контролировать если не интонацию, то громкость своего голоса. Он только что видел на экране, как

была разрушена база в Омске. Так обычный гражданский человек смотрит по телевизору прямую передачу с места восстания или революции, замороженный тем, что происходит, но не в состоянии оказать какое-либо влияние на ситуацию. Всего лишь мгновение назад транспорт поддержки стоял на земле в предрассветной мгле, как спящий зверь. И вдруг на экране появились клубы снега, скрывшие разрывы снарядов. Затем шквал огня. Остаться в живых там никто не мог.

— Мы должны начать разворот, — сказал Мерри Мередит. — Сейчас же.

— Эй, Утенок, — позвал Тейлор по внутренней связи, — ты слушаешь меня?

— Прием, — ответил второй пилот.

— Мерри собирается перейти на новую координатную сетку.

— Понял.

— Мерри, — обратился Тейлор к Мередиту. — Ты и твои ребята должны выбрать для нас хорошую позицию для внезапного нападения. Передай приказ вертолетам сопровождения следовать за нами. Я хочу поговорить с Кребсом.

Тейлор аккуратно положил наушники на место и протиснулся в люк, соединяющий командный отсек с небольшим центральным коридором. Он минуту постоял в узком пустом коридоре, закрыв глаза и стараясь сдержать нахлынувшие на него чувства. Это было не так просто, как когда-то. Он вспомнил Мэнни Мартинеса смышленным лейтенантом в Лос-Анджелесе, потом старательным, но неопытным на-

ездником в Мексике. За те годы, что Тейлор знал его, мальчишка стал мужчиной, и все же в памяти Тейлора он остался молодым и до смешного серьезным. Почему только мальчик не послушался его? Он обычно был прекрасным и исполнительным офицером. Почему же именно в этот раз?..

Тейлор растер то место под мышкой, где было раздражение от наплечной кобуры. Он понимал, что появление девяти самолетов „Мицубиси“ не может являться достаточно убедительной причиной, чтобы командир полка в середине боя повернул назад. Говоря объективно, это был непростительный поступок, поскольку он был основан на личных мотивах и с военной точки зрения абсолютно ненужен. Его полк должен был быть совсем в другом месте. Ему предстояло выбрать новое место сбора для перевооружения и переукомплектования... ну, теперь перевооружение будет затруднено. Последний прибор для функциональной калибровки основного оружия М-100 находился у Мэнни в Омске на транспорте поддержки. Им придется вести бой боевыми системами в том состоянии, в котором они находились после целого дня боевых действий. Тейлор уже ввел в главный компьютер команду ограничить число поражаемых полком объектов и наносить удары только по наиболее важным целям, но все равно им придется провести инвентаризацию имеющегося боезапаса. Так было всегда. Создают самые совершенные боевые машины, подобных которым не было в военной истории, потом забывают поставить достаточное коли-

чество каких-нибудь небольших приспособлений, без которых эти машины не могут продолжать бой. Да, мир несовершенен. Ему придется делать все возможное, используя имеющиеся средства. И чем все это кончится? Сегодняшний бой был настолько успешным, что, возможно, он положит конец войне. Но ни в чем никогда нельзя быть уверенным. А может быть, Мерри прав, и удача будет сопутствовать им и дальше.

У него еще оставалось множество дел. Он не сможет отдохнуть, а стимулирующие таблетки в конечном итоге влияли на способность принимать решения. Они лишь на некоторое время отдаляли тот момент, когда и тело и мозг отказывались работать, но не могли предотвратить этого.

Он знал, что более дисциплинированный офицер никогда бы не повернул назад, чтобы отомстить девяти самолетам, уже выполнившим свое боевое задание. Но существуют такие дела, которые каждый мужчина должен довести до конца.

Войдя в кабину, Тейлор опустился на сиденье. Он знаком показал второму пилоту снять летный шлем, который старый уорент-офицер одевал, когда выполнял одновременно обязанности второго пилота и стрелка.

— Утенок, ты работаешь с этими птичками с тех пор, когда они существовали только в чертежах. Скажи мне честно, будем ли мы просто терять время зря, если решим гоняться за этими скоростными машинами?

Лицо Кребса стало похоже на лицо осторожного старого фермера во время аукциона.

— Я не могу сказать наверняка. Никто никогда не думал о возможности использования М-100 для воздушного боя против истребителей. Это дело штурмовых вертолетов.

— И все-таки?

Старый уорент-офицер слегка улыбнулся, обнажив зубы, потемневшие от огромного количества кофе, выпитого за долгие годы жизни, и еще, Бог знает, от чего.

— Ну, черт возьми, я не вижу причины, почему бы не попробовать, если мы найдем правильный угол перехвата. У пушек достаточно высокая скорострельность и дальнобойность. А компьютеру наплевать, какую цель ты ему приказываешь истреблять. Наши машины крепко сбиты. Они выдержат любую, даже чертовски сильную, встряску. У них отличная аэроупругость. Да, шеф, я скажу так, если мы сможем найти правильный вектор... но не с передней полусферы... Эти „Мицубиси“ имеют очень небольшую эффективную площадь рассеяния на встречном курсе. Кроме того, у них слишком большая скорость. Если бы мы сумели подойти к ним где-то, скажем, в секторе 9—10 часов, то могли бы их подбить.

— Так мы договорились? — спросил Тейлор.

Кребс пожал плечами.

— Черт подери, конечно. В любом случае мне очень хочется посмотреть, на что способны наши пташки. — Старый уорент-офицер хитро ухмыльнулся, как будто только что заключил

выгодную сделку. — Что бы ни случилось, этим болванам будет над чем подумать.

Тейлор на мгновение положил руку на плечо Кребса. Старик был жилистым, костистым, с редкими волосами, напоминавшими скудную растительность гористой местности, из которой несколько десятилетий назад он ушел под влиянием вспышки честолюбия. Тейлор направился назад в командный отсек.

— Нам придется идти на максимальной скорости, — предупредил капитан Паркер, помощник начальника оперативного отдела полка. — Значит, неизбежны проблемы с топливом.

— Так хватит нам топлива? — спросил Тейлор.

— Едва ли. Нам придется возвращаться в ближайший район сосредоточения.

— Ты имеешь в виду расположение Первой эскадрильи?

— Да, сэр. После перехвата у нас будет пустой бак. Нам придется приземляться на запасной станции подполковника Теркуса в районе сосредоточения „Серебро“.

— „Серебро“. Это где-то около Орска, да?

— Да, сэр.

Тейлор кивнул:

— Отлично. Мне нравится сочетание этих слов: Омск — Орск. Звучит весело.

— На самом деле, — перебил его Мерри Мередит, — район сосредоточения находится не в городе. Он расположен около небольшого селения, которое называется Маленький-Большой Рог.

— Как бы там ни было, — сказал Тейлор, — мне нужно поговорить со Счастливым Дейвом. Он летит вместе с Теркусом. — Тейлор выпрямился, насколько это было возможно в низком отсеке. — А сейчас давайте зададим жару ублюдкам, которые подстрелили Мэнни.

Капитан Джек Стерджис из роты „Браво“ Первой эскадрильи Седьмого полка армии США ни разу не испытывал такой радости с тех пор, как его школьная баскетбольная команда одержала победу, выйдя в полуфинал первенства страны. Он участвовал в боевых действиях, и не только сделал все, как надо, но даже не боялся. Почти не боялся. Во всяком случае, с того момента, как начался бой. По мнению Стерджиса, боевые действия были по своей сути похожи на спортивные игры. Они захватывали, ты забывал обо всем: об опасности быть раненым или убитым, и даже о людях, наблюдающих за тобой. Он раньше читал романы, в которых герои после боя всегда чувствовали какую-то грусть и опустошенность. Он же ощущал прилив энергии, бьющей через край. Он участвовал в боевых действиях и храбро прошел через все испытания.

Его рота выполнила основное боевое задание. Сейчас они совершали патрульный полет над необозримыми пустынными просторами, охраняя левый фланг полка и неуклонно двигаясь к следующему району сосредоточения. Они чуть опустили и вышли из снежного облака, и сейчас небо на южном фланге дисло-

кации полка было совершенно чистым. Все было великолепно.

— Два-два, я Два-семь, — вызвал его летчик ведомого вертолета. — Повтори, где это место. Прием.

— Я Два-два. Это Орск. Орск, тупица. И следи за мной. Мы снова войдем в снежное облако, когда повернем на северо-запад.

— Думаешь, дадут нам увольнительную, когда все успокоится? Я бы хотел познакомиться с парочкой русских до возвращения домой.

Стерджис понимал, что имеет в виду лейтенант. Он хотел бы встретиться с несколькими русскими женщинами для того, чтобы просто узнать, какие они. Сам Стерджис тоже был бы не прочь, но он знал, что должен сохранять достоинство перед подчиненным.

— Думай о выполнении задания. Во всяком случае, Орск — это не совсем Лас-Вегас, насколько я понимаю. А Старика ты знаешь. Он скорее даст тебе медаль, чем отпуск. Прием.

— А ведь мы им здорово врезали?

— Прибереги свое хвастовство, пока мы не окажемся на земле. Соблюдай дисциплину радиопереговоров.

Капитан Джек Стерджис, игравший когда-то за команду штата Огайо в полуфинале страны, а сейчас офицер армии США, хотел все сделать по уставу, но он не мог знать, что шифровальная система на внутренней линии связи не работала уже около часа. Сам он мог принимать и расшифровывать сообщения, поступающие в закодированном виде, но передаваемые им сообщения шли открытым текстом, и весь

мир мог их слышать. Аппаратура кодирования была настолько совершенной, что никому из разработчиков М-100 не пришло в голову придумать какой-нибудь простейший механизм, предупреждающий о наличии такой неисправности.

Над этой системой работали специалисты высочайшей квалификации, и в целом ее конструкция была отличной. Кроме того, М-100 хорошо показала себя в боевых действиях. Но это была очень и очень сложная машина, и для того, чтобы довести такую боевую машину до совершенства, требовались долгие годы полевых испытаний, а у Соединенных Штатов этих лет не было. В целом все были довольны работой М-100, хотя капитан Джек Стерджис, возможно, не согласился бы с этим утверждением, если бы он знал, что ожидает его впереди.

— Орск, — сказал Нобуру.

— Господин генерал, — резко прозвучал голос полковника Ногучи в наушниках. — Я могу поднять свои самолеты в воздух через четверть часа и осуществить планирование задачи во время полета.

— Прекрасно, — сказал Нобуру. — Разведывательное подразделение передаст вам диапазон частот, на которых работают американцы. Вам придется внимательно следить за их передачами. Мы все еще не можем обнаружить их с помощью радаров или каких-нибудь других средств. Американские системы постановки помех гораздо лучше, чем мы предполагали.

Вам, возможно, будет трудно обнаружить их точное местоположение до тех пор, пока они не приземлятся.

— Это не имеет значения, — сказал Ногу-чи, — „Скрэмблеры“ — это боевые машины, которые работают по площадям. Если американцы будут находиться в радиусе двухсот километров от Орска, мы их уничтожим.

Нобуру вдруг стало интересно, каково сейчас население Орска. „Нет, лучше не знать“, — решил он.

— Ногучи, — спросил он из простого любопытства, — как вы себя чувствуете?

Полковник был потрясен этим вопросом, смысл которого он не понял.

— У меня прекрасное настроение, и я в хорошей форме, — ответил он, подумав немного. — Вам не о чем беспокоиться.

— Рад за вас, — ответил Нобуру.

Подполковник Рено понял, что теперь все будет отлично. Он перехватил радиограмму Тейлора по командной линии связи и слышал, что Тейлор передал руководство полком Хейфецу, чтобы самому отправиться в погоню за личной славой. Рено понимал, что бы он теперь ни делал, Тейлор уже не сможет ему угрожать. Старый подонок не такой уж ловкач. Любой подчиненный, обладающий хоть каплей здравого смысла, мог сейчас без труда представить действия Тейлора в неблагоприятном свете. Если немного постараться, можно было даже обвинить Тейлора в попытке покинуть свой пост.

— Пони, я Драгун-шесть, — сказал Рено в микрофон.

— Пони. Прием.

— Пони, ты уладил эту чертову проблему? — С командного пункта на М-100 Тейлор установил ограничения на дальность целей, поражаемых системами оружия полка. Он заявил, что хочет сохранить боеспособность полка, когда не осталось ни одного работающего калибратора.

Но Рено трудно было провести. Полк добился невероятного успеха — они лишили противника способности вести боевые действия с применением новейшего оружия. Рено подозревал, что вполне возможно, другого боя не будет. В крайнем случае все зайдет в тупик, так как обе стороны исчерпают все свои материальные ресурсы и будут не в состоянии вести дальнейшие боевые действия. С точки зрения Рено, вероятнее всего, вмешаются политики и в результате переговоров придут к какому-нибудь соглашению. А это означало, что сегодня был единственный день, когда можно было показать, на что ты способен.

— Я Пони. Проблема решена. Мы готовы возобновить контакт с противником. Прием.

— Отличная работа. Теперь давай улучшим наши показатели.

Требовались некоторые усилия для того, чтобы вручную скорректировать ограничения, введенные Тейлором в главный компьютер, расположенный на его командном М-100. Но сейчас орудия Рено были освобождены от этих ограничений и имели возможность поражать

даже более широкий диапазон целей, чем в начале боя. Рено не видел ничего плохого в том, чтобы использовать еще несколько снарядов на то, чтобы уничтожить случайно появившийся грузовик или машину. Самое важное сейчас было увеличить количество целей, пораженных Третьей эскадрильей. А так как другие две эскадрильи действовали в условиях ограничений, то Рено считал, что в результате у его эскадрильи будет самое большое число пораженных целей.

Хороший офицер должен проявлять инициативу.

— Так нам удастся это сделать? — спросил Тейлор.

Даже из-под шлема было видно напряженное выражение лица Кребса.

— Это будет трудно, — сказал уорент-офицер. — Чертовски трудно. Эти сукины дети увеличили скорость. Они чего-то боятся.

Тейлор озабоченно взглянул на него. Затем сказал по внутреннему телефону:

— Мерри, у тебя есть какие-нибудь указания на то, что эти бандиты нас засекли?

— Нет, сэр.

— Похоже, что они чего-то боятся. Они быстро двигаются на юг.

— Возможно, они просто нервничают, — сказал Мередит. — Они увеличили скорость, но практически не изменили курс. Они летят по прямой.

— Вас понял. Паркер, какой будет угол перехвата?

— Я знаю, что Кребс хочет атаковать сзади, — сказал капитан, — но, по-моему, нам не удастся получить угол атаки меньше девяти часов. Может, даже чуть больше вперед. Если мы попытаемся слишком усложнить задачу, то можем пройти мимо них. Они летят слишком быстро.

Тейлор взглянул на Кребса, который твердо держал руку на рычаге управления и был готов в случае необходимости скорректировать компьютер вручную.

— Что ты думаешь об этом, Утенок?

Кребс пожал плечами:

— Можно попробовать.

— Мерри, — опять вызвал Тейлор по внутреннему телефону. — Параметры цели зафиксированы?

— Да. Девять „Мицубиси-4000“. Изменения программы зафиксированы.

— Что у тебя, Утенок?

— Огневые системы в норме.

— Хорошо, — сказал Тейлор. — Давай временно отвлечемся от всего остального. Направь все средства обнаружения на этих гадов.

— Понял.

— Дистанция до цели?

— Двести миль. Мы сближаемся.

— Полковник, — сказал Кребс Тейлору, — я не могу обещать вам, что все это сработает. Но гарантирую, что мы все сделаем быстро. У нас только один шанс.

— Вас понял. Паркер, проверь сопровождающие нас птички. Убедись, что их компьютеры работают в одном режиме с нами.

— Вас понял.

— Всего один шанс, — повторил старый уорент-офицер.

Зидербергу очень хотелось вернуться обратно на землю. Он не имел связи с вышестоящим штабом уже несколько часов, а уровень электронных помех в атмосфере был небывалый. Такого он ни разу не видел за все время своей службы. Что-то было не так. Даже бортовые системы начали отказывать, как будто началась электромагнитная осада стен самолета. Он уже даже не мог связаться с другими самолетами, летящими с ним в одном боевом порядке, а сложные навигационные средства, необходимые для выполнения противозенитного маневра, работали беспорядочно. Звено летело на бóльшей высоте, чем хотелось бы Зидербергу, и им приходилось поддерживать только визуальный контакт друг с другом. Они летели на юг на предельной скорости, которую позволял имеющийся запас топлива.

Они уничтожили объект. Задание было выполнено. Сбрасываемые вне зоны действия средств ПВО управляемые бомбы сработали как всегда точно, а то, что они не уничтожили, было сожжено снарядами объемного взрыва. Зидерберг надеялся, что все это было не зря. Единственный вражеский объект, который он видел, был тот одиноко стоящий американский транспорт. Возможно, там были и другие машины, спрятанные в сложном лабиринте заводов и складов. Он не сомневался, что японцы

знают, что они делают. Но во время проведения инструктажа никто не говорил, что они могут столкнуться с таким сильным электронным противодействием. Вокруг происходило что-то странное.

Зидерберг чувствовал, как струйки холодного пота стекали по спине, его бил озноб. Этот полет действовал ему на нервы. Невероятно. „Вот так, наверное, летали в старые времена“, — подумал он. До того как появились компьютеры.

— Доложите обстановку в воздухе, — приказал Зидерберг по внутреннему телефону, хотя был почти уверен, что внутренняя связь тоже не работает.

— Все чисто, — ответил приглушенный аппаратурой голос. — Очень сильные помехи, но небо совершенно чистое.

Он дал себе слово, что, как только возвратится домой в Южную Африку, возьмет Марику и детей и поедет в отпуск на побережье, будет лежать на солнце и смеяться над всем этим.

— Осталось сорок миль до контакта с противником, — прозвучал в наушниках голос Мередита.

— Вас понял.

— Они идут слишком быстро. Мы вынуждены открыть огонь с максимальной дистанции.

— Хорошо, — сказал Тейлор. — Системы оружия полностью в автоматический режим.

— Осталось тридцать пять миль.

— Плохой угол, — крикнул Паркер.

— Черт их дери, — сказал Кребс. — Рискнем, а вдруг получится.

Глаза Тейлора были устремлены на экран.

— Вот они, — сказал он.

— Держитесь! — закричал Кребс.

Вертолет М-100 резко пошел носом вверх, как бешено мчащаяся лошадка на каруселях. Это начала стрелять главная пушка.

— О Господи!

Казалось, что М-100, двигаясь вперед и стараясь поразить удаляющиеся истребители, удавился об одну воздушную стену, затем о другую. Тейлору никогда раньше не приходилось испытывать ничего подобного.

— Держитесь!

Тейлор старался следить за экраном, но М-100 слишком сильно бросало. Из-за сумасшедших акробатических этюдов, выделяемых вертолетом, Тейлора, хотя он и был привязан ремнями безопасности, бросало из стороны в сторону, как невесомую куклу. Ему казалось, что вертолет не выдержит этого. Он не был рассчитан на ведение воздушного боя с самолетами.

„Мы разобьемся, — подумал Тейлор. — Он развалится в воздухе“.

Тейлор выпрямился, стараясь дотянуться до пульта аварийного управления, но машина взмыла вверх, и его отбросило назад и больно ударило о сиденье.

Главная пушка продолжала отчаянно стрелять.

Тейлор опять попытался дотянуться до аварийных рычагов.

— Утенок, — закричал он. — Помоги мне!

Ответа не последовало. Тейлор не мог даже повернуть голову, чтобы посмотреть, все ли в порядке со вторым пилотом.

М-100 вошел в крутой вираж, и голову Тейлора откинуло назад. Снаряды главной пушки взрывали пустое небо.

Вдруг М-100 выровнялся и начал лететь, как будто ничего не произошло.

У Тейлора болела шея, кружилась голова, а к горлу подкатывала тошнота. А рядом с ним старый уорент-офицер уже разговаривал по радио с двумя вертолетами сопровождения. Голос Кребса звучал ровно, как будто ничего не случилось.

Вся операция длилась лишь несколько секунд, как один поворот на роликах.

Тейлор взглянул на экран целей. На нем ничего не было.

— Мерри, — вскричал он сердито. — Мерри, черт возьми, мы их потеряли! Эти сукины дети ушли от нас!

— Успокойтесь, полковник, — сказал ему Кребс. — Никуда они не делись. Взгляните на наш счетчик пораженных целей.

— Он прав, — сказал Мерри по внутреннему телефону. — Мы их сбили. Всех до одного. Смотрите.

Мередит включил мониторы передней кабины, на которых были видны изображения местности. Тейлор потребовал, чтобы он показал эти изображения дважды. Он считал.

Да, они сбили все самолеты. Или, вернее сказать, М-100 сбил. На земле были четко видны остатки сбитых самолетов.

В командном отсеке ликовали члены экипажа. Тейлор слышал их голоса по внутренней связи и представлял себе, как все они танцуют воинственный танец в тесной кабине вертолета. Он еще не успокоился. Все кончилось слишком быстро. После всего, что произошло, он чувствовал себя старым, немного растерянным. Несмотря на образование и опыт, он чувствовал, что эта была не та война, которую, как ему казалось, он знал. Все происходило так быстро и так безлико. Тейлор чувствовал, как будто время обгоняет его.

Команда продолжала шумно ликовать. Капитан Паркер даже преодолел свой страх перед старым суровым ветераном.

— Полковник Тейлор, — выкрикнул он голосом, полным ребяческого безудержного веселья, — как вы думаете, командование ВВС подкинет нам по медальке за эту операцию?

— Черта с два, — перебил Кребс. Он говорил нарочито раздраженным тоном, как это всегда делали офицеры, когда они испытывали гордость за то, что совершили они сами и их боевые товарищи. — Эти чертовы сволочи из ВВС побегут завтра в Конгресс, чтобы постараться уговорить членов Конгресса отнять у нас наших птичек. — Лучшие годы жизни Кребса были отданы программе М-100, и сейчас его лицо сияло подобно тому, как светится лицо отца, испытывающего гордость за своего ребенка, добившегося необычайных успехов. —

Нет, — уверил он всех. — Они будут рыдать и затопят слезами Потомак. — Он похлопал рукой по боковой стенке кабины, как когда-то его предки похлопывали по крупу своих лошадей. — Они будут утверждать, что эти птички слишком хороши для таких тупых идиотов, как мы.

— Мерри, — сказал Тейлор, — свяжись с нашими русскими друзьями. Вызови Козлова. Или даже лучше свяжись прямо с генералом Ивановым. Спроси их, не могли бы они выслать наряд на заброшенный промышленный комплекс. Проверить, есть ли... есть ли... черт побери, ты понимаешь, что я имею в виду.

Тела. Останки, которые можно опознать, чтобы похоронить на родной земле.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Мередит.

— Паркер!

— Да, сэр.

— Как тебя зовут?

— Гораций, сэр.

— Нет, я имею в виду, как тебя зовут родные и друзья.

— Хэнк.

— Хорошо, Хэнк. Пока Мерри связывается с нашими русскими братьями, начинай составлять программу нового курса. Доставь нас в район сосредоточения „Серебро“ как можно быстрее. Держи курс прямо на Орск.

— Ты думаешь, они врут? — спросил генерал Иванов.

— Нет, товарищ генерал, — сказал Козлов. — Видимость все еще очень плохая. И в

полученной нами информации есть большие пробелы, но совершенно очевидно, что иранцы думают, что Аллах разгневался и наказал их. Они совершенно перестали соблюдать дисциплину радиопереговоров и клянут японцев за все, что произошло. — Козлов дотронулся языком до мертвого черного зуба. — Похоже, если японцы не смогут все урегулировать в короткий срок, то начнется восстание.

— А сами японцы?

— Здесь сказать что-нибудь сложнее.

Пройдясь туда-сюда по комнате, генерал Иванов остановился перед стеной, на которой в рамках висели фотографии русских героев — участников прошлых войн с исламом на Кавказе и в Средней Азии: Суворов, Ермолов, Паскевич и полдюжины других. Козлов чувствовал, что генерал Иванов испытывает глубокую печаль от того, что из глубины двух столетий за его поражением наблюдают его выдающиеся предки.

— Невероятно, — сказал Иванов, поворачиваясь к Козлову. — Просто невероятно. Даже если американцы вдвое преувеличивают число потерь противника. Прямо немыслимо.

— У нас появилась реальная возможность... — начал Козлов.

Иванов нахмурил брови. Козлов не понимал, что в данной ситуации означало выражение лица генерала.

— Я имею в виду для начала контрнаступления в нашем районе, товарищ генерал, — продолжил Козлов, — чтобы выровнять линию

фронта. А затем, кто знает... Если американцы действительно сделали это...

— Прекрати нести чушь, Козлов.

От зубной боли все лицо Козлова перекосилось.

— Есть вещи, о которых ты ничего не знаешь, — сказал генерал Иванов грубо. — Ситуация сложнее, чем тебе кажется. Я хочу, чтобы ты начал передислокацию штаба. Составь быстро планы, обеспечивающие максимальное рассредоточение войск, но не нарушающее целостности обороны. И не теряй ни минуты. Немедленно разошли предварительные приказы.

— Но... мы обещали американцам, что поддержим их, что мы атакуем...

— Ситуация не позволяет нам сделать это.

— Но...

Для американцев это был великий день, и он войдет в историю. Единственной неудачей был удар противника с воздуха, нанесенный по группе поддержки, задержавшейся в промышленном районе. У Козлова же дела шли хуже некуда. Ходили слухи о необычайной активности КГБ в Москве, включая целую волну арестов. Этого не было в течение многих лет сумятицы и неразберихи, которые последовали за эпохой Горбачева. В тылу боевой зоны службы безопасности уже вышли из-под контроля и расправлялись с так называемыми предателями, на фронте же был еще бóльший хаос. Теперь, кроме всего прочего, оказалось, что существовала какая-то очень важная тайна, о которой он не знал. Он служил вместе с Ивановым еще в Баку, во время повторного его взя-

тия, и его потрясло, что ему так мало доверяли. Он понимал, что эта секретная информация должна быть очень важной.

У него нестерпимо болели зубы. Он боялся, что придется удалять их все до единого.

— Товарищ генерал, — начал опять Козлов, — не могли бы вы мне сказать, что происходит. Как я могу руководить людьми? Как я могу эффективно планировать операцию, когда я не знаю, что происходит?

Иванов опять отвернулся и начал смотреть на литографический портрет Суворова, лицо которого напоминало морду старой борзой.

— Делай, что тебе говорят, Виктор Сергеевич. Рассредоточь наши силы на максимальную ширину, которая не нарушит оборону и обеспечит целостность частей.

Какой обороны? Отдельные островки полузамерзших частей, разбросанные по степи и не знающие, в какую сторону направлять лишённые боеприпасов орудия? И какая целостность? Все это выдумки, существующие только на картах и нанесенные на них на основе информации, полученной еще до последних трех боев. Истинное расположение и нумерация полков и дивизий, уничтоженных и забытых всеми, кроме Бога и нескольких никому неизвестных штабных офицеров?

Козлов хорошо усвоил уроки русской истории. Когда небо рушилось над головой, единственное, что оставалось делать, — это идти в атаку. Если потребуется, со штыками, камнями и кулаками. Американцы указали им путь, а теперь оказалось, что все это было зря.

— У нас мало времени, — сказал Иванов, в голосе которого звучало отчаяние.

— Да, товарищ генерал, — ответил Козлов. Он повернулся, чтобы отправиться выполнять приказ генерала.

— Виктор Сергеевич, — окликнул Иванов своего подчиненного. Заученная суровость его голоса чуть смягчилась, и это напомнило Козлову лучшие дни, когда они служили вместе под более голубым и более ясным небом, — не сердись на меня. Ты скоро все поймешь. Возможно, слишком скоро. — Генерал устало подошел к обитому бархатом креслу, стоящему перед огромным столом. Но он не сел, а схватился старческой рукой за его спинку и стал пристально смотреть на своего подчиненного.

— Видишь ли, это напоминает игру, — сказал Иванов, — в которой мы сейчас лишь заинтересованные зрители. Вначале японцы недооценили американцев, а сейчас американцы недооценивают японцев.

3 ноября 2020 года

Бледно-желтый, пережаренный, а затем оставленный на долгое время на подносе омлет был, без сомнения, не самым вкусным из всех, который когда-либо ел Райдер. Он был обильно посыпан солью и перцем, и поэтому казалось, как будто ничего, кроме соли и перца, в нём не было. Но он выглядел еще хуже, потому что был обильно полит острым соусом „Луизиана“, который один из уорент-офицеров из подразделения Райдера возил с собой во все концы света. В результате вкус омлета напоминал ту ужасную обезвоженную пищу, которой их кормили во время учений. Порция омлета была крошечной, а сам омлет жестким, и Райдеру пришлось снять короткий черный волос с бесформенной массы цвета маргарина. Это был очень плохо приготовленный омлет. И все же Райдер испытывал благодарность, которую он не мог выразить словами, за этот омлет и за женщину.

Завтрак в обшарпанной московской гостинице никогда нельзя было точно предугадать. Военнослужащим штаба Десятого полка армии

США, одетым в гражданскую одежду и рассерженным долгим ожиданием, подавали единственное блюдо, которое было в наличии в этот день в столице всяя Руси. В ресторане всегда был хлеб — иногда черствый — и пирожные, из которых вытекал несвежий крем. Иногда появлялся сыр и очень скудные порции ветчины. В те дни, когда система снабжения буксовала, зевающие официанты подавали бесформенное мерзко пахнущее блюдо, не имеющее названия, и лишь немногие американцы были настолько храбрыми и настолько голодными, чтобы отважиться съесть его. Однажды тех, кто пришел пораньше, ожидала мелко порезанная заливная рыба. В тот день официанты были оживлены больше обычного и утверждали, что эта рыба была настоящим деликатесом. Единственное, что скрашивало завтрак, — это обжигающе горячий серо-коричневый кофе, который, к счастью, всегда был в достаточном количестве.

Поэтому когда ему вдруг неожиданно вручили этот подарок в виде омлета, упавшего, казалось, прямо с неба, он благодаря этой пережаренной массе чувствовал себя так, как будто его жизнь стремительно вошла в полосу новых возможностей и Рождество вдруг наступило раньше времени.

Этот всплеск оптимизма он испытывал прежде всего благодаря появлению женщины. Омлет лишь был изысканным объяснением того аппетита, который у него появился после ночи, проведенной с Вале́й. Он не мог припомнить, когда в последний раз он был вот так голоден,

и сейчас, несмотря на то что спал очень мало, он делал все очень радостно: намазывал ли не-свежее масло на хлеб, пил ли обжигающий кофе или думал о будущем.

Он снова непременно увидит ее. В затхлом, пахнущем потом утреннем воздухе она напугала его, вскочив с кровати и бормоча что-то по-русски. Незадолго до этого он крепко заснул, и когда проснулся, то в первые мгновения ему казалось, что он сошел с ума. Высвободившись из его объятий, женщина выкрикивала какие-то слова, стараясь нащупать путь в темноте. Наконец он начал что-то соображать. Он включил ночник и увидел, что Валя надевает комбинацию. Было такое впечатление, будто белый шелковый зверь накинулся на нее. Этот момент запечатлелся в его памяти: манящая грудь, еще не закрытая комбинацией, белый плоский живот и треугольник волос, поблескивающих, как медные проволочки. Затем ткань закрыла тело, как будто энергичное белое животное схватило ее.

— Я опаздываю, — сказала она по-английски.

— Что?

— Я опаздываю. Это ужасно, но я должна идти.

— Что? Идти? Куда? Что случилось?

Ни на минуту не останавливаясь, она надела чулки, повернувшись, села на край кровати, затем откинулась назад и поцеловала его через плечо. Она быстро чмокнула его в щеку, как обычно целуют детей. Наклонившись вперед, начала натягивать пояс-трусы.

— Но я ведь тебе говорила, что я учительница и сейчас должна идти в школу.

— Валя, — сказал он, впервые произнося ее имя при свете дня. — Валя. — Он потянулся к ней и дотронулся рукой до ее груди.

Она чуть слышно простонала, страстно и в то же время нетерпеливо.

— Но ты должен понять, — сказала она, продолжая неумолимо одеваться. — Хотя мне и хочется остаться, но я должна идти. Меня ждут дети.

Он поцеловал ее в грудь, погладил рукой ее хрупкое тело под ткань рубашки.

— Валя, я очень счастлив от того, что произошло вчера ночью.

Валя вопросительно посмотрела на него. Она успела натянуть пояс до колен.

— Я хочу сказать, — продолжал он, — я очень счастлив, что ты осталась. Осталась со мной.

— О да, — сказала она. — Все замечательно. — Она вскочила и натянула пояс на свои стройные бедра. В этот момент комбинация приподнялась, и ему очень захотелось притянуть Валу к себе, поднять комбинацию еще выше и наброситься на нее. Ему казалось, что сейчас ему хочется ее даже больше, чем ночью, когда ему было достаточно повернуть ее к себе и чуть погладить рукой.

— Могу я увидеть тебя опять? — спросил он осторожно. — Ты не пообедаешь со мной сегодня вечером?

Она взглянула на него так, как будто он страшно удивил ее. Затем улыбнулась:

— Сегодня вечером? Ты хочешь, чтобы мы сегодня опять пообедали вместе?

— Да, если у тебя нет других планов.

— Нет-нет. По-моему, это очень хорошая идея... Джефф. — Она бросилась обратно на кровать и начала целовать его, сначала в холодные после сна губы, затем в грудь ниже плеча. — Ты такой замечательный, — сказала она поспешно. — Я думала, ты никогда больше не захочешь видеть меня.

Но прежде чем он успел обнять ее и удержать, она выскользнула из его рук и начала одевать свое красное платье. Райдер очень мало знал о том, что принято в школах России, но он был совершенно уверен, что она собирается зайти домой и переодеться, а не появляться в школе в этом наряде.

— Сегодня, — сказала она весело. — А в котором часу?

Райдер вспомнил о работе. Он знал, что после того, как им удалось расколоть японский компьютер, у него будет огромное количество дел. Он будет очень занят.

— Может быть, около восьми? — сказал он, найдя компромисс между долгом и своими желаниями. Сейчас, когда она уходила, эта женщина казалась ему необычайно красивой, красивее всех других, которых он встречал, несмотря на неумытое лицо со следами вчерашней косметики и непричесанные волосы. — Но подожди, если меня не будет ровно в восемь. Меня могут задержать. По делу.

— Хорошо, — почти пропела она. — Я подожду тебя. Мы пообедаем вместе и поговорим.

— Да, — сказал он, — нам о многом надо поговорить.

И она ушла, послав ему воздушный поцелуй и хлопнув плохо пригнанной дверью. Она шла по мрачному коридору, и звук ее шагов становился все тише и тише.

Когда он принимал душ, его вдруг охватил страх. Обернувшись полотенцем, он поспешил обратно в комнату. Он нервозно осмотрел содержимое бумажника, затем проверил все свои ценные вещи.

Часы и лежащий в чехле компьютер были на месте. Кредитные карточки аккуратно лежали в кожаном чехле.

Он стоял у ночного столика, с его тела капала вода, и ему было стыдно за то, что он подозревал ее. Затем воспоминание о ней привело его в такое возбуждение, что он с трудом смог натянуть брюки.

Райдер отправился завтракать, чувствуя ужасную пустоту в желудке и готовый съесть весь лежащий на их столе черный хлеб. И тут, к его удивлению, официант поставил перед ним тарелку с омлетом.

Он сидел напротив Дикера Синкевича, „дедушки“ уорент-офицеров штаба. Когда речь заходила о порядке ведения боевых действий в иностранных армиях, Дикер мог ответить лучше, чем любой компьютер. Кроме того, у него были феноменальные связи. Казалось, что он был лично связан со всеми ветеранами, пережившими сокращения 90-х годов, которые нанесли огромный ущерб армии США. Райдер считал его хорошим человеком. Дикер был со-

вершенно лысым и ужасно ворчливым. Часто, выпив в баре кружечку пива вместе с другими уорент-офицерами, он отправлялся к себе в комнату и продолжал работать в одиночестве. Райдер чувствовал, что они были родственными душами, несмотря на разницу в возрасте, и доверял старику.

Когда официант отошел от них достаточно далеко, Дикер наклонился к Райдеру.

— Слышал новость, Джефф?

Райдер посмотрел на других уорент-офицеров, сидевших за их столом, потом на Дикера и покачал головой. Затем он взял вилкой еще кусок омлета.

Дикер наклонился ближе к нему и прошептал:

— Вчера ночью была атака. Верные ребята сообщили, что Седьмой полк дал им под задницу, — старый уорент-офицер чуть заметно, но горделиво улыбнулся. Его армия опять начала действовать и выполнять свой долг.

— Это здорово, — сказал Райдер, взяв еще кусок хлеба.

Дикер кивнул:

— Ты знаешь, у меня есть приятель в Седьмом. Утенок Кребс. Он летает с самим Тейлором. Интересно, что, черт возьми, он сейчас делает.

Один из уорент-офицеров, где-то в возрасте между Райдером и Дикером, сказал:

— Эй, а я знаю Кребса. Весь высохший и выжатый как лимон, вроде тебя, Дикер.

Лицо и даже лысая голова старого офицера покраснели от ярости. Другие уорент-офицеры

любили подсмеиваться над ним, поскольку он всегда попадался на удочку.

— Старший уорент-офицер Кребс, — сказал он сердито, — может прожевать тебя и выплюнуть. Я помню, как в Африке...

Его мучитель изобразил на лице насмешливое любопытство:

— А что, черт возьми, ты делал в Африке, Дикер? Был в отпуске что ли?

Почувствовав издевательство, старый уорент-офицер начал долго говорить о своих достижениях на военном поприще. Райдер вежливо, хотя и нетерпеливо, ждал возможности вставить слово, а затем быстро спросил:

— Дикер, ты будешь есть свой омлет?

— Разрази меня гром, — сказал третий сидящий за их столом уорент-офицер, подняв глаза от остатков завтрака и глядя перед собой.

Райдер посмотрел в том же направлении. Полковник Уильямс, командир Девятого полка, вошел в столовую. Райдеру не приходилось видеть полковника с момента начала операции, так как он большую часть времени проводил на боевых позициях, командуя своими эскадрильями средствами радиоэлектронной борьбы. Было очевидно, что произошло что-то важное, так как полковник Уильямс вошел в столовую прямо в полевом плаще, одетом поверх маскировочного костюма. Его грязные ботинки оставляли следы на полу. Было видно, что полковник торопится.

Подполковник Манцетти, старший офицер штабного отделения, расквартированного в го-

стинице, вскочил из-за стола, бросив салфетку на пол, и быстро пошел к командиру полка. Манцетти быстро дожевывал и глотал завтрак, маневрируя между столами. Подполковник остался служить в полку и после того, как полковнику Уильямсу было дано задание очистить армию от стариков, и поэтому Манцетти так стремительно бросился навстречу Уильямсу. Это напоминало Райдеру поведение испуганного животного.

Офицеры чуть было не столкнулись. Полковник Уильямс стоял, упершись руками в бока и оттягивая матерчатый ремень. Манцетти отчаянно жестикулировал руками, выражая извинения. Не было слышно, что именно они обсуждают, но ситуация явно не предвещала ничего хорошего.

— Интересно, что нас ждет? — сказал Райдер офицерам, сидящим за его столом. Он взял вилкой последний кусок омлета, поднес его к губам и сразу почувствовал запах женского тела на своих руках, оставшийся даже после того, как он принял душ.

„Сегодня вечером“, — пообещал он самому себе.

Наблюдая с ужасом за разговором Уильямса и Манцетти, офицеры вдруг увидели, что Манцетти указал рукой на их стол, и тотчас же полковник Уильямс направился к ним. Подполковник остался стоять на месте, на его лице было написано удивление. Уильямс казался сердитым.

— Дерьмо, — пробормотал Дикер.

У Райдера было чувство, что у него в голове звонит набатный колокол, а в животе он ощущал тяжесть от съеденного омлета.

— Не похоже, чтобы это были хорошие новости, — сказал уорент-офицер, насмехавшийся над Дикером. Все офицеры старались не смотреть на приближающегося полковника и делали вид, что едят.

Райдер уже догадался, что это каким-то образом связано с ним. Внедрение в японскую компьютерную систему было очень серьезным делом и требовало тщательного изучения. Так как его работа была сверхсекретной, то даже его товарищи, сидящие с ним за столом, не знали о том, что произошло позавчера. Но у Райдера не было сомнений в том, что полковник Уильямс получил нужную информацию.

Полковник остановился около их стола. Его фигура возвышалась над ними. Такер Уильямс участвовал во всех сражениях армии США со времен Заира. Он был знаменит своим усердием и бескомпромиссностью, а когда сердился, то на щеках и на лбу у него проступали шрамы от болезни Рансимана, оставшиеся, несмотря на искусную работу американских хирургов-косметологов. Говорили, что он был старым приятелем легенды номер один американской армии полковника Джорджа Тейлора. А злые языки болтали, что сходство между ними состояло в том, что десятки удобно устроившихся и довольных жизнью офицеров подали в отставку только потому, что не желали работать с ними.

Сейчас же лицо Уильямса было совершенно гладким, и шрамов не было видно. Он больше

не выглядел сердитым, и Райдер почувствовал облегчение.

При появлении полковника все уорент-офицеры вскочили, и только Дикер Синкевич поднялся медленно, словно показывая, насколько долго он служил в армии США.

— Старший уорент-офицер Райдер? — спросил Уильямс. Он быстро оглядел лица стоявших перед ним офицеров, прежде чем остановил свой взгляд на Райдере. У полковника не было достаточно времени чтобы как следует выучить имена всех офицеров, а на плохо сидящих гражданских костюмах и спортивных куртках не было нашивок с именами. — Мне нужно поговорить с вами. — Он посмотрел на остальных офицеров. — Ребята, продолжайте завтракать. А вы, Райдер, пойдите со мной.

В гостинице не было места, где можно было бы безопасно поговорить, и полковник направился к свободному столу, расположенному немного в отдалении от того места, где сидели завтракающие офицеры, отмахнувшись от официантов, как от назойливых мух. Райдер шел вслед за полковником подобно преступнику, ожидающему приговора. Он с трудом верил в происшедшие в нем перемены. Раньше он был очень исполнительным, каким и должен быть каждый офицер. После развода он жил ради работы, а сейчас он наконец был в самом центре настоящего дела, возможно, даже главным действующим лицом, но не мог ничего с собой поделать и думал только о женщине, с которой познакомился лишь вчера вечером. С этой иностранкой, не всегда понятной ему, знакомство

с которой не могло быть одобрено начальством.

— Садитесь, — сказал полковник. Он медленно опустился на стул напротив Райдера, бросив фуражку на стол. Он даже не стал снимать португую и запыленный плащ.

Уильямс посмотрел на Райдера пронизательными глазами, как будто говорившими: и не вздумай дурачить меня. Служба в армии научила молодого офицера тому, что такие глаза были у всех, кто вершил людскими судьбами.

— Кажется, вы сорвали банк? — сказал Уильямс. — Поздравляю.

Райдер кивнул в знак благодарности, чувствуя себя неуверенно.

Полковник еще раз оглядел зал, чтобы убедиться, что никого из официантов нет рядом.

— Какой здесь гадюшник, — сказал полковник с отвращением. — Боже, я вижу, мне придется почистить это местечко. Я никогда не видел такого скопления сукиных сынов после похмелья. Странно, что мы хоть чего-то добились.

Райдер уставился на скатерть.

— Старший уорент-офицер, — продолжал полковник. — Я собираюсь забрать вас отсюда и предоставить возможность заняться настоящим делом. Это не означает, что то, что вы уже сделали, не было сработано отлично. Но это было только начало. Вы открыли для нас новые возможности. Черт подери, вы меня слушаете?

Райдер весь сжался, потрясенный тем, что полковник видит его насквозь.

— Да, сэр, я вас слушаю.

— Что-то страшное происходит там. И это еще не конец, если интуиция старого солдата хоть чего-нибудь да стоит. Я не спал всю ночь и вместе с моим полевым штабом разрабатывал особый план на случай непредвиденных обстоятельств. И все это благодаря тебе, сынок. Ты понимаешь, что президенту США уже сообщили о... твоём вчерашнем успехе?

Райдер не знал об этом.

— Да-да, — продолжал Уильямс, — самому президенту, черт его дери. Мы голову сломали, стараясь придумать, как использовать то, что ты нам дал. Сейчас нам не хватает только одного, — полковник взглянул на Райдера.

— Чего, сэр?

— Тебя. Ты нужен нам. Но я скажу тебе честно, что если мы будем осуществлять этот план, то там будет так же страшно, как в аду, — полковник радостно засмеялся. — Но ты будешь в хороших руках. Тебе придется работать под руководством моего старого друга. Мы вместе жили в палатках на Азорах. Сейчас он ни хрена не знает о наших планах. Он немного занят в настоящий момент, но я знаю старину Джорджа Тейлора достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, в чем я смогу его убедить, а в чем нет. И он наверняка клюнет на нашу идею. Ему понравится наш план. — При воспоминании об этом полковник улыбнулся. — В любом случае, мы собираемся заставить тебя работать. Нужно еще обсудить массу деталей. Если нам повезет, возможно, нам ни-

когда не придется осуществлять этот план. Но, Боже правый, мы должны быть готовы.

— Сэр... если вы говорите о внедрении в японскую систему управления, то нам понадобится поддержка русских. У них есть...

— Об этом мы позаботились, — полковник махнул рукой. — Я тоже не вчера родился. Вы получите все, что вам нужно, еще до того, как свяжетесь со стариной Джорджем Тейлором. — Уильямс огляделся вокруг, и в его взгляде опять появилось раздражение. — А сейчас идите наверх и упакуйте вещи. Встретимся в холле через полчаса. Я собираюсь выпить чашку кофе и съесть какое-нибудь дерьмо. Когда мы поедем, я расскажу вам, что происходит на самом деле. Нас ждет самолет, он доставит нас к месту действия.

— Полчаса? — спросил Райдер тихо.

— Счет уже пошел, старший уорент-офицер.

— А мы не вернемся сюда, сэр?

Полковник с отвращением оглядел зал.

— Нет, если это будет зависеть от меня. Поэтому ничего не оставляйте здесь, господин Райдер.

Оказавшись в стареньком лифте, Райдер закрыл глаза, прижался головой и плечами к дешевой обшивке. Лифт заскрипел и начал движение, разгоняя запахи нашатырного спирта и сырых сигарет. Ему было стыдно. Он не мог ни о чем думать, кроме той женщины, и при одной мысли о ней у него сжималось сердце.

Перед уходом Райдер зашел в комнату Дикера Синкевича. Старик складывал бумаги и всякие мелочи, готовясь к рабочему дню.

— Ну и что хотел полковник? — спросил он Райдера.

— Я должен ехать с ним.

Синкевич перестал складывать бумаги в портфель и взглянул на молодого уорент-офицера.

— В чем, черт возьми, дело, парень?

— Я просто должен ехать. Предстоит работа с секретным проектом. Послушай, мне нужна твоя помощь. Помоги мне, пожалуйста, Дикер. — Райдер вытащил запечатанный белый конверт. — Это для той девушки... для той женщины, которую я встретил.

— Та блондинка, с которой ты вчера ночью в баре?..

— Да, она. Послушай, она хорошая. Она очень хорошая.

Старик улыбнулся:

— О, я не сомневаюсь. И хорошенькая.

— Она не просто еще одна... Она очень хорошая. Я обещал встретиться с ней сегодня, в восемь, и пообедать. И я не хочу, чтобы она думала, что я...

— Так ты хочешь, чтобы я отдал ей это? — сказал Дикер, показывая рукой на письмо, которое Райдер держал в руке.

— Пожалуйста. Это очень для меня важно. Я пытался объяснить...

— Я позабочусь о том, чтобы она его получила.

— Ты сможешь узнать ее?

Дикер улыбнулся:

— Разве может медведь заблудиться в лесу? Я до сих пор помню лица женщин, которых видел в метро тридцать лет назад.

— Послушай, я должен идти, старина. Полковник ждет меня.

— Хорошо, не беспокойся, парень. Береги себя, и удачи тебе во всем, что тебе предстоит

— И тебе удачи тоже. До встречи, Дикер.

— До встречи.

Старший уорент-офицер Дикер Синкевич проводил Райдера взглядом. Мальчик был явно взволнован. Видимо, назревали серьезные события. Он чувствовал себя не у дел, слегка уязвленным. Когда-то, если предстояли серьезные операции, без него не могли обойтись, но сейчас подросло новое поколение, образованные, все схватывающие на лету.

„Никогда не знаешь, что тебя ждет, — сказал сам себе Дикер. — В твоём возрасте нужно быть благодарным даже за то, что у тебя есть теплая койка на ночь. Пусть эти молодые жеребцы несутся куда-то на ночь глядя и морозят свои задницы“.

Он сел на край кровати, уставившись на ковер, прожженный множеством сигаретных окурков. Думая о чем-то своем, он постукивал письмом по запястью руки, затем чуть приподнялся, посмотрел на конверт и перевернул его. На конверте Райдер написал имя „Валья“.

Дикер покачал головой. Он хорошо помнил ее. Красивая. Когда он увидел ее, он знал, что пришла беда, хотя ему никогда не приходилось видеть, чтобы беда ходила на двух ногах. Он

не был святошей, но понимал, что женщины, которые шатаются по барам в московских гостиницах, не отличаются высокими моральными качествами и доверять им не стоит.

Парень еще слишком молод, чтобы иметь трезвую голову. Дикер знал, что мальчик очень тяжело пережил свой развод. Странно все происходит. Одни мужчины приходят в бешенство. Другие замыкаются в себе или принимают опрометчивые решения.

Дикеру искренне нравился Райдер. Он не хотел обманывать его доверие. Но там, откуда появилась эта кошечка, было еще множество других таких-же кошечек, и Дикеру не хотелось, чтобы мальчик попал в переделку из-за какой-то русской шлюхи.

Тяжело вздохнув, старик разорвал конверт и бросил клочки в корзину для мусора.

Снежинки падали как бесчисленные обрывки бумаги. Вначале казалось, что эскадрилья летит вне пределов досягаемости снежной бури, но, сделав длинную дугу, предписанную маршрутом, над необитаемой местностью, они повернули на северо-запад и опять попали в зону снегопада. Хейфец вышел из командного отсека, в котором была точно такая же аппаратура, как и на командном вертолете Тейлора. После целой вереницы событий и связанных с ними переживаний у него был неприятный разговор с Рено из Третьей эскадрильи, и он чувствовал себя совершенно измученным. Он немного подождал, затем протиснулся за сиденье летчиков. Он не стал садиться. Там, в командном

центре, мир можно было увидеть только через призму мониторов и цифровых индикаторов. Здесь же он смог увидеть реальный мир своими глазами: холодным, белым, несущимся прямо на него.

Сразу после разговора Хейфеца с Рено Тейлор опять взял командование полком на себя. У одного из двух вертолетов сопровождения Тейлора возникли трудности — очевидно, когда они атаковали противника, произошла перегрузка системы. Тейлор старался неотступно следить за ним. Однако это не мешало ему осуществлять командование полком с помощью великолепных средств контроля и управления, которые новое столетие передало в руки своих солдат. Казалось, что все трудности уже позади и три эскадрильи, подавляя все на пути электронными средствами борьбы, летели к месту сбора.

Тейлор уничтожил вражеские самолеты, нанесшие удар по старой базе в Омске. Хейфец надеялся, что после этого он почувствует то первобытное удовлетворение, которое испытывает человек, когда убивает врага, уничтожившего близких ему людей. Эта древняя вечная жажда крови неистребима в характере человеческого существа.

Хейфец знал, что Тейлор будет очень переживать смерть Мартинеса. Тейлор всегда будет чувствовать ответственность за жизнь каждого погибшего солдата, и он наверняка придет в ярость, когда узнает из отчетов Рено о неоправданных потерях во время неразрешенного командиром полета за славой. Но существует раз-

ница между теми чувствами, которые человек испытывает, когда узнает о смерти какого-то человека, которого он знал только по имени или в лицо, и потерей человека, с которым вместе жил, воевал и делил тяготы в сложные периоды своей жизни.

Мартинес был порядочным человеком. На первый взгляд он казался шутником, неспособным остановить свой выбор на какой-то одной девушке в том возрасте, когда большинство офицеров были женаты и имели детей. Хейфецу, разбиравшемуся в таких вещах, казалось, что Мартинесу не давало покоя его происхождение. Он был талантлив, на удивление талантлив и очень исполнительен. Его спортивная машина всегда ожидала его поздно ночью около здания штаба. Он лелеял ее, как женщину, а она ждала его, глядя на ярко освещенные окна, когда он забывал о ее существовании, как влюбленная, но покинутая женщина. Сейчас Хейфец сожалел о тех случаях, когда он разговаривал с ним слишком повелительным тоном или проходил мимо стола молодого офицера, не обращая на него внимания. Он сожалел о своей вечной погруженности в собственные мысли.

Рено, хотя сказал он это эгоистично и грубо, был в какой-то степени прав, когда жаловался: „О Боже, мы только что сорвали банк, а вы беспокоитесь о грошах“.

И впервые Хейфец подумал, что эта фраза не была со стороны Рено намеренным оскорбительным намеком, и поэтому это замечание ка-

залось сейчас особенно жестоким. Хейфец осознал, что он действительно стал человеком, уделяющим слишком много внимания мелочам, — настоящий штабной офицер.

Да, они сорвали банк. И какими бы тяжелыми ни были боевые потери, они были незначительны в сравнении с тем сокрушительным поражением, которое полк нанес противнику вдоль широкой полосы фронта. Иными словами, все уравнения боя нужно будет рассчитывать заново. Победы такого масштаба обычно вдохновляли историков-любителей на поиски легендарных имен.

„И тем не менее, — думал с тоской Хейфец, — это был похоронный звон. По старшему поколению солдат и офицеров“. По таким людям, как Давид Хейфец. В дни его молодости он уходил на войну, сидя в стальной колеснице. Вместе со стрелком они выбирали цель, определяли ее параметры и стреляли... Новые правила войны свели функции человека до включения и выключения рычагов и нажатия кнопок. Он всегда раньше придерживался мнения, что человек навсегда останется в центре боевых действий, сейчас же он не был в этом уверен.

Осталось так мало вещей, в которых он был уверен.

— Сэр, все в порядке? — спросил второй пилот, стоявший у него за спиной. Ему было непривычно видеть Хейфеца в состоянии нерешительности.

— Да, все в порядке, — сказал Хейфец. — Я просто смотрю на снег.

— Будет страшно трудно спрятать этих птичек в районе сбора, — сказал второй пилот. — Черт бы их подрал! Когда они проектировали автоматическую систему маскировки, они не подумали о снеге, ведь так?

— Ничего, справимся, — сказал Хейфец. Ему совсем не хотелось разговаривать.

— Да, сэр, — быстро отозвался второй пилот, опасаясь, что зашел слишком далеко в своем разговоре с этим бесстрастным человеком, стоящим рядом с ним. — Что-нибудь придумаем.

Хейфец смотрел на стремительно падавший снег. Он сейчас ни в чем не был уверен. В начале боя он испытывал почти религиозный экстаз, внутри него горел какой-то радостный огонь. Но по мере того как потери противника росли, он начинал чувствовать себя отомщенным. Он знал, что иранцы и повстанцы с изуродованными и обожженными лицами и телами были совсем не теми людьми, которых он встретил много лет назад по дороге в Дамаск. И иранцы даже не были арабами. Но у них был тот же первородный грех, общее религиозное видение мира, моральное и духовное родство. Да, он был человеком с предрассудками. А существуют ли люди без предрассудков? Где они, эти люди из сказки, в этом мире, где поклонение другому богу означало смертный приговор, где другой цвет кожи низводил тебя до уровня животного? Господи, где же справедливость?

Да, он знал. Он знал, в чем источник добродетели, и его охватывала невыразимая печаль.

Все эти годы он жил, как отшельник в пустыне, которую он сам для себя создал, убеждая себя в том, что отказывает себе во всем ради Миры и сына. Ради того, чтобы отомстить за них.

Сегодня, когда число убитых врагов росло так стремительно, он чувствовал себя отомщенным, но не удовлетворенным. Да, это была месть, но это была его собственная месть. Она никак не была связана с Мирой или с мальчиком.

Мира всегда была великодушна, умела прощать грехи даже малознакомых ей людей. Он знал, что если бы она могла говорить с ним после своей смерти от силы, огня и божественного света, созданного человеком, она бы говорила мягко. Она бы ни за что не попросила его отвернуться от мира. Он сделал это по своей воле, потому что у него была в этом потребность. Он хорошо помнил, как она в своей камерке работала над кипами отчетов в светло-желтом свете лампы и виски ее были покрыты капельками пота. Мира была адвокатом, а получала столько же, сколько чернорабочий, она старалась искупить вину своей страны, защищая права палестинцев. А если бы братья тех, кого она пыталась защитить, явились причиной ее смерти, она бы их тоже простила. Ее великодушие не знало границ. И его она тоже всегда прощала.

Все эти лицемерные ритуалы, это самопожертвование были его грехом перед Мирой. Он знал, чего она хотела: чтобы он продолжал жить нормально. Он же не выполнил ее желания, он нянчился со своей виной и все время

старался разбередить свои душевные раны. Все это он делал ради себя. Он создал для себя крепость жертвенности, в стенах которой он и прятался всю свою жизнь. И убийства, убийства, убийства...

Мира никогда об этом не просила. Мира ни о чем никогда не просила, кроме любви, а мальчик просил еще меньше.

Он машинально вытащил бумажник из заднего кармана, ощупал удостоверение личности, водительские права и дотронулся до того потайного места, где когда-то давно была спрятана их фотография. Старый бумажник уже начал рваться по швам.

Для него не имело значения, что фотография была выцветшей и помятой. Мира, сын... На его лице появилось что-то похожее на улыбку, какая обычно появляется на лице человека после долгого тяжелого дня. Он думал, что очень хорошо помнит каждую деталь фотографии, каждый блик света. Но он был не прав. Он забыл, какой красивой была Мира. Он забыл, каким маленьким был его сын, забыл о его нежелании смотреть в фотоаппарат и на человека, державшего этот фотоаппарат. Он столько забыл.

— Прости меня, — сказал он и начал рвать фотографию с верхнего угла, и постепенно порвал ее всю на мелкие кусочки, чтобы люди, которые будут приводить машину в порядок после боя, не смогли догадаться, что там было изображено.

Второй пилот смотрел через плечо на Хейфеца. На какое-то мгновение показалось, что

он хочет что-то сказать, но затем передумал и опять отвернулся к пульту управления.

Полковник Ногучи сидел за пультом управления самолета. Он чувствовал себя полным сил, готовым к действиям, к мщению. Наконец-то они нуждались в нем. Старый Нобуру с его почти женской щепетильностью был оттеснен ходом событий. Наступило время, когда новые люди должны были вступить в борьбу. Наступило время новых машин.

Американцы совершили страшную ошибку. Он очень удивился, когда узнал, кто были его теперешние враги. Но это не имело значения, так было даже лучше. Американцы ничему не научились. И сейчас он преподнесет им такой урок, который они не забудут никогда.

Какой-то молодой американский офицер раскрыл замысел операции. Он наивно болтал по радиосвязи, выболтал все: город Орск, название района сосредоточения — „Серебро“. Он даже говорил о своих личных чувствах. Ногучи казалось невероятным, что офицер может настолько обнажить свои чувства перед подчиненными.

Поиск местоположения объекта с помощью радиоперехвата был, конечно, теперь гораздо сложнее, чем несколько десятков лет назад, из-за наличия у противника высокоэффективных средств связи с перестраиваемыми частотами и использования введения в заблуждение. Но для любого новшества в области военной технологии всегда находилось средство противодействия. У японцев имелась техника, с помощью которой они могли обнаружить американцев.

Как только станция перехвата определила их общие координаты, разведка нацелила наземные и космические радиолокаторы на район дислокации противника. Новые американские системы оказались очень и очень хорошими. Неожиданно хорошими. Даже самые современные радиолокаторы не могли обнаружить их ни с фронта, ни с флангов. Более уязвимой оказалась задняя полусфера. Отраженные сигналы были слабыми, но различимыми, если ты знаешь, что ищешь.

Сейчас координаты противника постоянно корректировались, и Ногучи мог неслышно преследовать американские вертолеты. Из профессионального любопытства ему бы хотелось увидеть одну из новых машин противника своими собственными глазами. Хотя, конечно, он не собирался приближаться к ним слишком близко. Ногучи верил, что он давно победил свой внутренний страх перед боем, что он сделал из себя образцового воина. Но когда радиоуправляемые самолеты-мишени, называемые „Скрэмблерами“, будут запущены вне зоны действия ПВО противника, он тут же постарается убраться из этого района настолько быстро, насколько это позволит скорость его самолета.

— Я Пять-пять Эхо, — раздался молодой, явно испуганный голос. — Я вынужден садиться. У меня отказала система управления.

— Понял, — ответил спокойно Тейлор, стараясь скрыть свое беспокойство от пилота поврежденного вертолета сопровождения. — Садитесь. Мы будем вас прикрывать. Отбой. Пять-пять Майк, прикрой их. Конец связи.

— Вас понял.

— Говорит Эхо. Вижу по курсу деревню.

— Держись подальше от нее, — приказал Тейлор.

— Я не могу управлять этой штукой.

— Спокойно, без паники.

— Мы теряем высоту, — голос летчика вертолета сопровождения был полон нескрываемого ужаса. Тейлор десятки раз слышал этот голос за время своей службы в армии. Первый раз он услышал его однажды солнечным утром в Африке, и это был его собственный голос.

— Спокойно. — Это было все, что он мог сказать. — Старайся управиться.

— Мы падаем!

Связь с вертолетом прервалась.

— Мерри, Хэнк, дайте же четкую картину местности. Держите его под прицелом. — Тейлор быстро подключился к командной связи полка. — Сьерра один-три. Я Сьерра пять-пять. Прием.

Целую минуту ответа не было, и он нервничал. Затем раздался голос Хейфеца:

— Сьерра пять-пять. Я Сьерра три-один. Прием.

— Возьми опять командование на себя. Один из вертолетов сопровождения вынужден сесть. Прием.

Даже сейчас Тейлор не мог не почувствовать, что его самолюбие уязвлено. Единственный приземлившийся М-100, какова бы ни была причина, был одним из двух из его эскорта. В обязанности эскорта входило обеспечение без-

опасности его вертолета, но он, конечно, чувствовал себя ответственным за их безопасность. И потеря машины, несомненно, его вина. Это он заставил их гоняться за быстроходными истребителями. Он слишком многого захотел от М-100.

— Это тот, у которого была поломка? — спросил Хейфец.

— Я точно не знаю, что произошло. Мы снижаемся, чтобы взять экипаж на борт.

— Что-нибудь еще?

— Веди всех в район сосредоточения, — сказал Тейлор. — Похоже, я вас догоню чуть позже. Прием.

— Вас понял. Увидимся в районе сосредоточения „Серебро“.

„Добрый старина Дейв, — думал Тейлор. — Слава Богу, что он есть“.

Помощник начальника оперативного отдела вывел на центральный экран изображение упавшего вертолета. Он был похож на подбитую птицу. Фюзеляж сильно покалечен, отдельные обломки металла валяются на снегу. Но кабина была цела.

— Пять-пять Эхо, я Сьерра пять-пять. Прием. — Тейлор ухватился за край пульта управления, он с нетерпением ждал ответа, хотя бы одного слова, которое бы означало, что экипаж остался в живых.

Ответа не было.

— О черт, — сказал Мередит, — экипаж...

Офицеры столпились вокруг монитора. На экране были видны обломки машины, она упала

в двух километрах от разрушенного селения. Маленькие темные точки уже начали двигаться к упавшему М-100 от крайних домов.

— Что ты думаешь, Мерри?

— Это боевые машины пехоты. Старые модели советского производства.

— Есть ли вероятность того, что это наши союзники?

— Никакой, — тотчас же ответил Мередит, — в этой местности их нет.

Как будто подслушав этот разговор, БМП начали освещать прожекторами упавший вертолет.

— Шеф, — крикнул Тейлор по внутренней связи, — ты можешь открыть по ним огонь.

— Нет, это слишком близко для больших орудий. Мы их подстрелим из пушек Гатлинга. Вручную. Всем оставаться на связи.

— Пять-пять Майк, — вызвал Тейлор другой вертолет сопровождения. — Смотри за небом. Мы снижаемся.

Внезапно вертолет резко дернуло, и его бросило на панель управления.

Но на позывные Тейлора ответил другой голос. Это был голос пилота упавшей машины. Слава Богу, он жив.

— Я пять-пять Эхо. Слышит меня кто-нибудь? Вы меня слышите? Нас обстреливает противник. У меня на борту есть раненные. Нас обстреливают...

— Майк, подожди, — сказал Тейлор в микрофон. — Мы тебя слышим, Эхо. Держись. Мы идем.

В этот момент М-100 резко развернулся, на этот раз и Тейлор и Мередит потеряли равновесие.

— Давай, — сказал Хэнк Паркер, обращаясь к монитору, будто подбадривая футбольную команду в кульминационный момент матча.

— Я пойду вперед, — сказал Тейлор и быстро протиснулся через люк, ведущий в кабину. В этот момент вертолет сбросил высоту и накренился.

Когда Тейлор резко опустилсЯ на сиденье, Кребс уже открыл огонь из пушки Гатлинга. Впервые за весь день они использовали легкие орудия ближнего боя.

— Я буду следить за рычагами управления, — сказал Кребсу, — а ты веди огонь.

— Вас понял. — Уорент-офицер дал еще одну очередь. — Старый добрый Гатлинг. А их чуть было не убрали с этих вертолетов. Чертовски рад, что мы этого не сделали.

Внизу на снегу горели две вражеские машины. Третья, развернувшись, двинулась обратно к разрушенной деревне, чтобы там укрыться. Тейлор вручную развернул М-100 так, чтобы Кребс мог открыть огонь по третьей БМП. Затем он снова выполнил разворот и направился к тому месту, где лежал упавший М-100.

— Эхо, я Сьерра, — послал позывные Тейлор. — Ты слышишь меня?

— Прием! — выкрикнул в наушники испуганный голос. — У меня потери в живой силе.

— Спокойно, мы идем на помощь.

— Моя машина разбита вдребезги, — прозвучал жалобный голос. — Мы не сможем подняться в воздух.

Тейлор, преимущество которого было в том, что он видел разбитую машину с воздуха, был удивлен, что летчик хотя бы на мгновение мог подумать о том, чтобы попытаться подняться в воздух. Поведение человека в бою никогда не было абсолютно разумным и целиком предсказуемым.

— Нет проблем, Эхо, — сказал Тейлор. Он передал ручное управление Кребсу, чтобы самому поддерживать связь с упавшим вертолетом и постараться заставить летчика успокоиться и вести себя разумно. — Нет проблем. Ты действовал отлично, а сейчас не волнуйся. Мы снижаемся, чтобы забрать вас оттуда. Отбой. Пять-пять Майк, следи за небом.

— Вас понял. Все чисто.

— Хорошо. Пусть твой второй пилот следит за тем, что происходит на земле, на тот случай, если наши „друзья“ опять попытаются напасть. Отбой. Эхо, твой экипаж и десантники могут выбраться из машины? Если да, то подготовьте все, чтобы взорвать М-100.

— Я не могу, — раздалось в ответ. Летчик был почти в истерике.

— В чем дело?

— Мои ноги...

— Что с твоими ногами?

— Я думаю, они перебиты.

Тейлор изо всех сил старался отогнать от себя видения прошлых лет, воспоминания о другой аварии, там, на той земле, где никогда не бывает снега.

— Может, твой второй пилот сделает это?

Молчание. Затем он услышал ответ:

— Он мертв.

Тейлор закрыл глаза. Затем он сказал спокойным голосом:

— Эхо, я Сьерра. Давай не паниковать. Мы тебя вытащим оттуда, ты и оглянуться не успеешь. Постарайся взять себя в руки. Теперь скажи мне, есть ли кто-нибудь в кабине, способный действовать?

— Я не знаю, — ответил летчик. Голос его стал немного спокойнее. — Внутренний телефон не работает, а я не могу двигаться. О Боже! Мы горим!

— Утенок, садись, черт возьми, — выкрикнул Тейлор.

Раненый летчик совсем потерял контроль над собой.

— О Боже, — молил голос по радио, — пожалуйста, не дайте мне сгореть!

— Держись, — сказал Тейлор, стараясь сохранять спокойствие. — Мы почти на месте.

— Пожалуйста... Пожалуйста...

— Что с твоей противопожарной системой, — спросил Тейлор. — Ты можешь ее включить вручную?

— Я не могу двигаться. Не могу. О Боже, я не хочу сгореть! Не дайте мне сгореть!

При посадке М-100 развернулся, и Тейлор смог снова увидеть обломки машины. Теперь она была действительно очень близко, и она действительно горела. Как раз там, где был расположен люк кабины пилота, был виден огонь.

Затем Тейлор увидел нечто его обнадежившее. У задней части упавшего М-100 стоял солдат. Он уже вытащил двух своих товарищей на снег и опять полез в горящую машину.

Вертолет Тейлора приземлился, но ему ничего не было видно из-за поднятого им снежного вихря.

— Эхо, — позвал Тейлор, — мы на земле. Мы уже идем, чтобы вытащить тебя.

— Горю, — раздался голос, похожий на голос ребенка, испытывающего страшные муки.

М-100 еще не окончательно приземлился, когда Тейлор вскочил и бросился к выходу.

— Оставайся на месте, — приказал он Кребсу.

Наплечной кобурой Тейлор зацепился за металлический выступ. Он отцепил ее и нагнулся, чтобы открыть двойной ряд рычагов, закрывавших люк. Дверца отошла наружу и сдвинулась в сторону, издав легкое шипение.

Поток холодного воздуха ударил Тейлору в лицо. Он выпрыгнул из вертолета, и его ноги по щиколотку погрузились в снег. Снаружи шум двигателей от М-100 был невыносимым, но тем не менее он начал кричать в сторону темной фигуры, волокущей по снегу тела своих товарищей:

— Оттащи их подальше! Оттащи их!

Солдат никак не реагировал, так как ничего не слышал из-за ветра и шума двигателей. Мерedit подошел и встал слева от Тейлора, за ним подошел еще один сержант с командного пункта. Все трое, спотыкаясь, побежали по сне-

гу. Сержант держал автомат на изготовку и оглядывался по сторонам.

Огненный столб поднимался над центральной частью фюзеляжа.

— Господи, — молил Тейлор.

Сбоку от него сержант поскользнулся и упал в снег, затем встал. Впереди солдат, занятый спасением своих товарищей, не обращал на них никакого внимания. Он только что вытаскивал из горящего вертолета еще одно тело.

Тейлор бежал так быстро, насколько позволял глубокий снег и его легкие. Хотя наушники командной связи остались в кабине вертолета, ему все еще казалось, что он слышит крики о помощи запертого в кабине, как в ловушке, летчика.

Откуда-то издалека, справа, из-за снежной завесы раздалась стрельба — сильный настильный огонь по М-100, находящемуся за спиной Тейлора. На этот раз они наступали пешими, и вертолеты сопровождения не смогут прикрыть их.

Мерedit, быстрый и ловкий, как защитник в футбольной команде, раньше всех добрался до упавшего вертолета и стал помогать солдату тащить его товарища.

Опять раздалась выстрелы.

Тейлор и сержант подбежали к Мерeditу и солдату, спасавшему своих товарищей. Не успев заговорить, Тейлор остановился, увидев лицо парня. Опухшее и все в синяках, оно тем не менее было неестественно ясным. Парень был в состоянии шока. Он автоматически выполнял свой долг и вытаскивал своих товари-

щей из разбитой машины. Но он не осознавал того, что происходит вокруг.

— Сержант, за мной, — приказал Тейлор. — А ты, Мерри, займись этим.

Тейлор пробежал мимо оторванной части фюзеляжа, обежал вокруг похожего на обрубок крыла М-100 и бокового винта. За спиной у него завывал ветер. Он остановился прямо против люка кабины пилота, подпрыгнул и ухватился за ручку дверцы, не обращая внимания на пылающий рядом огонь.

— Черт, — вскричал он, отскакивая, и начал махать обожженной рукой.

Дверь была закрыта изнутри.

Сержант пробежал мимо него и направился прямо к кабине летчика. Стоя на носках, он едва смог заглянуть внутрь.

— Что там? — крикнул Тейлор.

— Ничего не видно. Чертов дым.

— Придется разбить лобовое стекло.

Сержант взглянул на винтовку, которую он держал в руках.

— Ничего не получится, — сказал он уверенно.

Очередь ударила по бронированной поверхности М-100.

— Черт возьми! — закричал Тейлор. — Посмотри, нельзя ли определить, откуда стреляют. Я попробую добраться до инженерного отсека. — Он отошел к задней части машины. Мерри каким-то образом удалось убедить солдата, находящегося в полубессознательном состоянии, оттащить своих товарищей подальше от огня и дыма и поближе к вертолету Тейлора.

Темное, цвета кофе лицо Мередита было испачкано сажей. Он подошел поближе, желая поговорить с Тейлором, но тот даже не взглянул на него. Оттолкнув Мередита, он устремился вверх по трапу в заполненный дымом отсек, находящийся в задней части М-100.

Ему тут же стало трудно дышать, он ничего не видел. Он знал, что все боеприпасы хранились в специальных герметических отсеках, но не знал, как долго еще обшивка сможет выдерживать жар.

Спотыкаясь, он шел вдоль стены, постукивая по ее неровной поверхности покрытой волдырями рукой. Он старался найти отсек, в котором хранились саперные инструменты, лопаты и киркомотыги. Из-за дыма было очень трудно сориентироваться.

Он чуть было не потерял сознание. Это так испугало его, что он, спотыкаясь, поспешил выбраться на пронизывающий, холодный воздух.

Холод обжег ему легкие. Он согнулся, положил руки на колени, пытаясь восстановить дыхание. Легкие не работали. Тейлор понял, что чуть было не задохнулся. Он был на волосок от смерти. Все вокруг раскачивалось, как будто Тейлор был пьян. Он изо всех сил старался сохранить равновесие, восстановить дыхание. Вдали, в снежной круговерти, опять послышались выстрелы, на сей раз как будто ближе.

Он выпрямился, стараясь вдохнуть холодный воздух. Изо всех сил он старался вспомнить точное расстояние до отсека, где по инструкции должны были храниться сапер-

ные инструменты. Он сам писал эту чертову инструкцию, но сейчас никак не мог вспомнить это место. Слева? Кажется, третья панель в верхнем ряду.

— С вами все в порядке, сэр? — окликнул Тейлора Мередит, но его голос звучал едва слышно из-за шума пламени, завывания ветра, рокота работающих в отдалении двигателей и грохота выстрелов. Мерри положил руку на плечо Тейлора.

— Нет времени, — сказал Тейлор, сбросив его руку. — Относи раненых на борт вертолета.

Тейлор бросился обратно в горящую машину.

От едкого дыма у него стали слезиться глаза, и он вынужден был закрыть их. Он задержал дыхание. Тейлор ощупывал путь словно слепой, и единственное, что он чувствовал, — это обжигающий жар.

Вдруг он нащупал рукой твердую и горячую поверхность дверцы отсека. Он дернул ее и почувствовал, как от резкого движения у него прорвались волдыри. Во время аварии все инструменты рассыпались, и падающая лопата чуть не ударила его по голове, но он успел вовремя схватить ее за ручку.

Терпеть больше не было сил. У него закружилась голова. Слабость окутывала его, как одеяло окутывает спящего ребенка. Проще всего было бы поддаться этому чувству.

Спотыкаясь, Тейлор выбрался наружу, встал на колени в снег, ощутив приступ тошноты. В глазах у него жгло, и он едва мог видеть сквозь произвольный поток слез. Он

опустил голову на снег. Попытавшись встать, он споткнулся.

Вдали он с трудом различал фигуру Мерри, тащившего на плечах человека.

Тейлор заставил себя встать. Качаясь, он обошел разбитый вертолет, прижимая к себе лопату. К счастью, огонь распространялся очень медленно, благодаря огнеустойчивому материалу, из которого был сделан М-100.

Сержант стоял спиной к Тейлору и держал наготове автомат. Когда Тейлор подошел к нему, сержант отскочил назад, как будто увидел огромную змею, потом согнулся, все еще крепко держа свой автомат, и рухнул в снег, сразу же обгадившийся кровью.

Он был мертв. Он лежал с открытыми глазами и открытым ртом, а сверху на него продолжал падать снег. Враг выпустил по разбитому вертолету еще одну очередь.

Все еще ошущая головокружение, Тейлор вырвал автомат из рук сержанта и выстрелил в белую мглу. Но курок только щелкнул, магазин был пуст.

Тейлор перевернул тело сержанта, обыскал карманы, стараясь найти запасную обойму. Но сержант снял для удобства португепю и поэтому вылез из самолета без боевого комплекта. И сейчас при нем не было патронов.

Тейлор отбросил автомат и вынул пистолет из наплечной кобуры. Он никого не увидел, но тем не менее дважды выстрелил. Затем он сунул пистолет обратно в кобуру и поднял лопату. Скользя по снегу и грязи, он разбежался и ударил изо всех сил по остекленению кабины.

Лопата отскочила от бронированного лобового стекла.

Он бил по стеклу опять и опять. Затем воизил острие лопаты как можно сильнее в синтетический материал.

Все было бесполезно. Стекло нельзя было пробить даже пулеметным огнем, поэтому его попытки были смехотворны.

Но отступить было нельзя.

Один снаряд попал в нос вертолета, совсем близко от головы Тейлора. Он быстро опустил-ся на колени, отбросил лопату и опять вынул пистолет. „Какого черта, — думал он, — если ему суждено умереть здесь, то так тому и быть. Но этим сукиным детям он так просто не сдастся“.

Выстрелы раздались прямо за его спиной. Но его тренированное ухо старого вояки распознало выстрелы из американского оружия — знакомые резкие свистящие звуки. Затем он увидел Мередита, который с автоматом в руках шел вдоль вертолета.

Молодой офицер подошел к Тейлору. Он тяжело дышал.

— Пойдемте, сэр, — взмолился он. — Нам надо отсюда выбраться.

— А летчик? — спросил Тейлор упрямо.

— Ради Бога, сэр. Он мертв. Он наверняка уже задохнулся. Это чертово лобовое стекло все закоптело.

— Да, дыму там много. Но лучше уж дым, чем огонь. В каком-то смысле дым сейчас можно было даже приветствовать.

Вдруг по обшивке вертолета простучала очередь, как будто пианист-виртуоз прошелся по клавишам.

— Давайте, черт возьми, выбираться отсюда, — сказал Мередит.

„Да, — решил Тейлор, — Мередит прав. Торчать тут больше не имеет смысла. Это уже пустой красивый жест, а значение имеют только результаты“.

Они будут его ждать. Он знал, что Кребс никогда не поднимется в воздух без него. Даже если бы это означало смерть всех, кто находился на борту вертолета. А ему не хотелось быть виновным в новых ненужных жертвах.

Но что-то внутри него еще не позволяло ему покинуть это место.

Мередит дважды выстрелил в белое марево, затем, подождав, выстрелил еще раз.

— Эй, вы, сукины дети, — выкрикнул он.

Мередит, у которого дома была жена, а впереди — блестящее будущее...

— Хорошо, — сказал вдруг Тейлор с внезапной решимостью. Он протянул руку и сорвал с формы мертвого сержанта личный знак. — Давай дадим по ним еще пару очередей и побежим со всех ног.

— Будет сделано, — ответил Мередит.

Они оба чуть приподнялись и выстрелили в снежный шторм, хотя стрелять сейчас из автомата и пистолета было все равно что бороться голыми руками с самым современным оружием.

— Бежим, — скомандовал Тейлор.

Они побежали по снегу, растаявшему вокруг пышащего жаром вертолета. К тому вре-

мени, когда они обегали заднюю часть М-100, Мередит был далеко впереди. Он обернулся и выстрелил из автомата, прикрывая Тейлора.

— Черт подери, да беги же! — закричал Тейлор.

Они бежали прямо к темным очертаниям командного вертолета. Огромные винты рассекали небо, демонстрируя готовность ко взлету. Шум двигателя обещал спасение.

Кребс увидел их. Он увеличил обороты вертикальных винтов, и скоро шум стал настолько громким, что Тейлор уже не слышал выстрелов, несущихся им вслед. М-100 начал поднимать нос, как испуганная лошадь, но Кребс привел его в равновесие.

Тейлор бежал как можно быстрее. „Я не хочу, чтобы меня убили выстрелом в спину, — думал он. — Только не выстрелом в спину“.

М-100 становился все больше и больше, и скоро Тейлор ничего не видел, кроме него.

Он чувствовал боль в легких.

— Быстрее! — крикнул ему Мередит.

Да, ему очень не хотелось оставлять тела убитых. И без того его вина была очень велика. Ее хватит даже на очень долгую жизнь.

„Только не в спину“, — молил он, когда бежал последние несколько метров.

Он почувствовал, как руки Мередита втапливают его в люк.

Кребс начал поднимать вертолет еще до того, как Мередит и Тейлор закрыли за собой люк. Земля стала постепенно удаляться. У них перед глазами белым вихрем проносились Вселенная. Затем дверца люка захлопнулась.

Измученные офицеры опустились прямо на пол, скорчившись в узком проходе. Они молча смотрели друг на друга, каждый хотел убедиться, что другого не задело летящими им вдогонку пулями. Оба были испачканы в саже и чужой крови. Брови и коротко подстриженные волосы Мередита были покрыты снежной бахромой, и это делало его похожим на мальчишку в гриме старика, играющего роль в школьном спектакле. Тейлор смотрел, как начальник разведки смахнул рукой тающий снег и на его лбу остался кровавый след.

Тейлор согнул обожженную руку. Ничего страшного. Положить мазь, и все пройдет.

М-100 взмыл в небо.

Тейлор уперся головой в стенку прохода, тяжело дыша: он старался очистить легкие от дыма и газов.

— Дерьмо, — сказал он.

Использовать основное тяжелое вооружение для уничтожения остатков вертолета можно было, только отлетев от него на достаточное расстояние. Пушка Гатлинга никогда бы не смогла пробить сверхпрочную броню. Пока они набирали высоту, Мередит рассказал Тейлору остальные плохие новости. Из солдат, вынесенных из заднего отсека, были живы только двое: тот солдат в шоковом состоянии и еще один, у которого было сотрясение мозга. Остальные десантники погибли от действия ударной волны или от отравления дымом. Трупы лежали в грузовом отсеке командного вертолета М-100.

— Черт возьми, Мерри, машина не должна была так сильно разбиться при падении, да и противопожарная система оказалась полным дерьмом.

Мерedit с нежностью поглядел на стенку вертолета.

— Мы еще точно не знаем, что случилось, сэр. Это могла быть поломка компьютера, и вообще все, что угодно. В целом же наши птички сегодня хорошо послужили.

Они почувствовали резкий толчок в тот момент, когда Кребс выпустил мощный снаряд, который должен был разнести обломки упавшего вертолета вдребезги.

— Мерри, — сказал Тейлор, — спасибо тебе. — Он махнул обожженной рукой. — Спасибо за все, что ты сделал.

Мерedit выглядел смущенным.

Оба офицера сидели, не двигаясь, еще какое-то время, уставшие, обессиленные, но уже начиная осознавать, что надо возвращаться к работе, как будто ничего не случилось. От них слишком многое зависело.

— Интересно, что там делает Счастливчик Дейв, — задумчиво сказал Мерedit. Он взглянул на часы. — Первая эскадрилья должна быть сейчас уже на земле, в районе сосредоточения „Серебро“.

Ногучи била дрожь. Он никогда раньше не сомневался в своей личной храбрости, так как был уверен в своем превосходстве над обычным человеком с его обычными эмоциями. До сего времени он представлял себя воином с каменным сердцем, закованным в доспехи железной

воли. Но сейчас, когда он считал секунды до запуска, его перчатки прилипли к ладоням, а нижняя губа непроизвольно подергивалась при каждом счете. Он смотрел прямо перед собой, и щиток его летного шлема не позволил членам экипажа увидеть неуверенность в его глазах. Ему становилось невыносимо при мысли, что кто-нибудь может заметить хотя бы малейшие признаки страха на его лице.

Его пугало это оружие. Перед славными летчиками-камикадзе была ясная перспектива — мгновенная героическая смерть за императора, за Японию. Ногучи не испытывал страха перед смертью, он считал, что смерть — это просто дверь в другой неизвестный мир. Его пугали условия, в которых ему, возможно, придется жить, если „Скрэмблеры“ сработают не так, как надо.

Часы отсчитывали последние секунды.

Они почти достигли оптимального рубежа запуска.

А если что-нибудь случится? Если „Скрэмблеры“ сработают раньше времени? Если он не сможет увести самолет достаточно далеко от зоны их действия? Если эффективная дальность действия „Скрэмблеров“ окажется больше расчетной? Если наземные пункты управления опять переключат его самолеты с этим ужасным грузом на борту на автоматическое управление? Этих „если“ было слишком много. „Скрэмблеры“ никогда не проходили полевых испытаний, да это было бы и невозможно.

Мысль о том, что „Скрэмблеры“ могли ударить всей своей мощью по нему, назначенному

управлять ими, не давала ему разумно и четко мыслить.

Он опять взглянул на экран. Прошло полчаса с момента посадки, и американские автоматические системы камуфляжа отлично замаскировали вертолеты — хотя было очевидно, что механические приспособления были спроектированы без учета возможности выполнения задания в условиях местности, покрытой снегом. Конечно, „Скрэмблеры“ нанесут удар по всем объектам, находящимся в радиусе их очень большой зоны поражения, но все же приятно было знать, что главные цели находятся именно в том месте, в котором, судя по радиоперехвату, они должны быть.

— Господин полковник! -- неожиданный крик заставил Ногучи повернуть голову. Это был голос второго пилота, полный ужаса.

— В чем дело? — резко спросил Ногучи.

Глаза второго пилота расширились от невероятного ужаса.

— Время!

Паника охватила Ногучи. Но, повернувшись к пульту управления, он увидел, что все еще оставалось несколько секунд. Второй пилот просто потерял контроль над собой, как женщина или ребенок. Это было непростительно.

— Заткнись, дурак! — крикнул Ногучи, не взглянув на пилота. Он боялся, что на его лице может быть замечен тот же страх, который был написан на лице его подчиненного.

Ногучи постарался взять себя в руки. Но в голове его все время возникали картины того, что будет с ним в случае неисправной работы

„Скрэмблеров“, и эти образы лишали его последних остатков самообладания.

Нет, он не вынесет такой жизни.

В тысячу раз легче умереть.

Он уставился на цифровой счетчик, держа пальцы на кнопке управления запуском.

Семь.

Всю свою жизнь...

Шесть.

...я...

Пять.

...как стрела...

Четыре.

...неся...

Три.

...к...

Два.

...к этому моменту...

Один.

— Банзай! — закричал Ногучи так громко, что у него заболело горло.

Он нажал на пусковую кнопку.

— Банзай! — закричал он опять.

— Банзай! — закричали по внутренней связи вслед за ним все члены экипажа.

Он взял управление на себя и накренил самолет, насколько это было возможно.

— Точный запуск, — услышал он в наушниках.

Один за другим остальные самолеты его звена доложили: „Точный запуск. Точный запуск“.

Ногучи лег на курс и приказал всем самолетам набрать максимальную скорость. Небольшие управляемые ракеты устремились в сторону объекта под названием „Серебро“.

— Вас понял, — доложил Хейфец по командной связи. — Все приземлились. Из районов сбора „Золото“ и „Платина“ доложили о состоянии полной боевой готовности. Все машины целы. Рота „Танго“ доложила о пяти убитых и одиннадцати раненых во время наземного контакта на территории Иранского штаба, но я думаю, вы хотели бы услышать подробно непосредственно от командира.

Ему ответил голос Тейлора. Хейфецу показалось, что он звучал необычно резко и напряженно.

— У тебя все в порядке?

— В основном, да. Были небольшие трудности, связанные с размещением в зоне сбора. Часть зоны „Серебро“ была уже занята советскими войсками резерва. Никакой координации нет. До того, как все было выяснено, одно подразделение открыло огонь.

— Потери есть?

— Нет, нам повезло. Сейчас у нас здесь то, что раньше обычно называли „мирным сосуществованием“.

— Боже, — сказал Тейлор, — этого нам только не хватало. Обмен артогнем с русскими.

— Сейчас все в порядке. Теркус размещает своих мальчиков в хорошем укрытии. Оно выглядит великолепно.

— Отлично. Мы будем там приблизительно через сорок минут, — сказал Тейлор. — У меня есть на борту один раненый предположительно с сотрясением мозга и еще один в состоянии шока.

— Вас понял. Мы вас ждем. Прием.

— Пять-пять, конец связи.

Хейфец положил микрофон. Какой хороший день. Трудно представить себе, как в такой хороший день могло быть столько смертей. „Целый Иерихон из стали“, — сказал он себе, думая о японских потерях.

Ему все уже было ясно. Он все для себя решил. Он просто не знал, как ему сообщить об этом Тейлору.

Он закончит эту кампанию, затем подаст в отставку. Он расстратил огромную часть своей жизни на сумятицу, на самообман, на неизбежное бесчестие достойного человека, который неправильно выбрал цель своей жизни. Конечно, он всегда был хорошим солдатом. Сейчас же наступило время бросить все, пока он еще не стал плохим солдатом.

Он поедет домой. В новый дом, который его друзья-беженцы строят в израильском поселении на западе Америки. Они превращают еще одну пустыню в сад. Он точно не знал, что он будет делать и чему он может научиться после стольких лет в армии. Но он знал наверняка, что справится с этим, и не боялся испачкать руки в грязи, если уж на то пошло. И ему не так много нужно.

На мгновение он пожалел о тех деньгах, которые он в течение многих лет отчислял в Американо-Израильский фонд помощи беженцам. Затем, устыдившись, он отбросил эту мысль. Так было даже лучше: начать все с нуля. Без того ложного чувства безопасности, которое

вселяет в человеческую душу слишком большое количество денег.

Возможно, у него появится женщина. Он теперь понял, что Мира никогда не хотела, чтобы он оставался навсегда одиноким. Он и в этом был к ней несправедлив. Она была слишком доброй, чтобы хотеть этого. Ей бы хотелось, чтобы он опять полюбил, если у него останутся на это силы.

Всю свою жизнь он совершал неправильные поступки, руководствуясь ложными мотивами. Он надеялся, что еще осталось время все это исправить. Он решил попытаться начать жизнь сначала. И на этот раз действительно ради Мира. Он снова повернулся к свету.

Хейфец одел шлем, который всегда носил в полевых условиях, чтобы показать пример своим подчиненным.

— Я выйду по нужде, — сказал он своему экипажу.

Морозный воздух был необыкновенно чистым, Хейфец снова подумал о Тейлоре. Приятно будет встретиться с ним в конце дня. Тейлор был тем человеком, к которому он испытывал что-то очень похожее на дружбу. Он еще не знал, как объяснить Тейлору, почему он хочет уйти в отставку, но это может подождать. Сейчас Тейлор должен сконцентрироваться на других вещах, и Хейфец был полон решимости помочь ему. Предстояло еще решить очень много проблем, особенно связанных с потерей последнего калибратора орудий в Омске. Но они с Тейлором найдут какое-нибудь решение. Хейфец представил себя рядом с Тейлором: они склонятся над картой и

будут вершить судьбы людей. И им даже не нужно будет слов, чтобы понимать друг друга.

Хейфец шел по снегу в сторону чахлых деревьев. Белые стволы и ветки напоминали больных туберкулезом женщин. Его поразила скудость этой местности.

Он сбился с мысли, увидев молодого капитана, сидящего на корточках в небольшой запыленной снегом ложбине. Капитан приподнялся, чтобы воспользоваться бумажкой. Под ним лежала дымящаяся куча.

При виде Хейфеца молодой человек выпрямился, отбросив скомканную бумажку и схватился за спущенный комбинезон.

Хейфец не мог сдержать улыбки. В конце концов, жизнь продолжается.

— Вольно, — скомандовал Хейфец. — Продолжайте выполнять свое задание, капитан.

Молодой офицер пробормотал что-то невнятное, а Хейфец повернулся к слегка покосившемуся дереву, вспомнив, зачем он пришел.

Он услышал, что кто-то произнес его имя и звание. Никуда нельзя спрятаться, даже на минуту. Хейфец обернулся, посмотрел в сторону М-100 и увидел одного из своих сержантов без головного убора, направляющегося в сторону маленькой рощицы. „Придется сказать им, чтобы одевали эти чертовы шлемы, когда выходят на улицу, — подумал Хейфец. — Ну, просто как дети“. Хотя после боя было так естественно расслабиться, перестать заботиться о внешнем виде и позволить себе немного небрежности.

Хейфец энергично отряхнулся, затем запихнул одеревеневшую от мороза часть тела об-

ратно в комбинезон. „Слишком долго ее не использовали по назначению“, — весело подумал он.

С трудом шагая по снегу, сержант торопливо приближался к нему.

— Подполковник Хейфец, вас вызывает подполковник Рено. Он говорит, что хочет поговорить с вами лично.

Хейфец кивнул. Затем повернулся к капитану, который быстро и смущенно застегивал свой комбинезон.

— Вы знаете, в чем главная проблема американской армии? — спросил Хейфец капитана. У того было симпатичное, пышущее здоровьем лицо, которое Хейфец привык ассоциировать с типично американской неуязвимостью для интеллекта. Немного подумав, капитан застегнул матерчатый ремень и нервно произнес:

— Нет, сэр.

— Мы слишком много говорим, — сказал Хейфец. По выражению лица капитана он видел, что банальность его замечания разочаровала молодого человека, который, очевидно, ожидал услышать значительно более глубокую мысль.

— Мы слишком много говорим, — повторил Хейфец. Он мягко улыбнулся и пошел на свой пост.

Капитан Джек Стерджис не мог этому поверить. Он своими глазами видел, что Счастливчик Дейв Хейфец улыбнулся. Он сомневался, сможет ли он убедить в этом своих товарищей.

Он начал обдумывать, как именно он поднесет эту историю, и тотчас же решил не рассказывать о том, что он делал во время их встречи. Затем он передумал и решил сказать, что они оба, как боевые товарищи, мочились у дерева. Что же точно сказал Хейфец? О главной проблеме американской армии? Довольно глупо, на самом деле. Не очень понятно. Стерджис подумал над словами Хейфеца некоторое время, стараясь найти в них какой-то скрытый смысл. „Мы слишком много говорим“. Может, он имел в виду, слишком много говорим и недостаточно действуем? Или просто слишком много говорим, и все?

Да это не важно, черт возьми. Он только что говорил со Счастливым Дейвом Хейфецем, с человеком, который, как было всем известно, никогда не улыбался. Это был солдат от рождения и до могилы. И вдруг старый чу-дак улыбнулся.

Жаль, что у него не было свидетелей. Затем он вспомнил о подробностях встречи и решил, что, пожалуй, наоборот, ему повезло.

Возможно, Хейфец просто смеялся над ним.

Да нет. Старый Счастливчик Дейв, наверное, много раз видел ребят в такой ситуации. И, скорее всего, его улыбка означала, что все было хорошо, что они действительно загнали противника в угол.

Вот так. Это хорошо вписывается в историю. Даже старый Счастливчик Дейв был очень рад. Это надо было видеть, ребята. Он улыбался. Счастливчик Дейв Хейфец, гроза всего полка, который, как все знали, никогда в жизни не испытывал ни одного человеческого чувства.

Стерджис был смущен тем, что в тот момент, когда он оправлялся, кто-то вдруг появился, и этот кто-то был не кто иной, как Счастливи́чик Дейв. Обдумав все, он решил, что не стоит расстраиваться. Зато у него есть история, которую он расскажет ребятам, и чувство уверенности, которое ему внушило хорошее настроение Хейфеца.

Они встретились с противником и втоптали его в грязь.

Конечно, он очень боялся. Он никогда раньше не был в бою, но он читал много книг о войне, видел множество фильмов и слышал от ветеранов, как трудно военное ремесло. Они говорили, что никогда нельзя сказать заранее, кто может сломаться и оказаться трусом.

Да, теперь он знал, что не был трусом, он доказал это в бою. Когда Джек Стерджис пробирался назад к замаскированной позиции М-100, он с удовольствием представил себе, что у него будет блестящее военное будущее. И когда-нибудь он, возможно, будет так же знаменит, как сам Старик, полковник Тейлор. А может, даже и больше. Однако он не хотел иметь изуродованное лицо, не хотел быть внешне похожим на Тейлора. Стерджис видел себя в гораздо более романтическом свете, и представление об успехе было неполным без фигуры склонившейся над ним женщины.

Стерджис глубоко вздохнул. Прекрасно быть солдатом, настоящим командиром.

И тут капитан Джек Стерджис выпрямился во весь рост, почувствовав такую нестерпимую боль, какую никогда не испытывал раньше.

3 ноября 2020 года

Сьерра пять-пять, я Сабля шесть. Сьерра пять-пять, я Сабля шесть. Услышав голос Рено по командной линии связи, Тейлор мгновенно понял, что случилось что-то очень серьезное. Во время переговоров по любым открытым средствам связи генеральский сынок всегда изо всех сил старался сохранять спокойствие, за исключением тех случаев, когда он в пух и прах разносил своих подчиненных. Или во время боя, когда он пронзительно кричал, как бы требуя медалей, наград или просто благодарностей в приказе. Сейчас голос Рено был напряженным от волнения, он сделал то, чего никогда раньше не делал. Он использовал позывной „Сабля“ по линии связи с Тейлором.

Тейлору было известно, что Рено изменял позывные на внутренней линии связи своей эскадрильи, но он всегда использовал присвоенный ему позывной по полковой линии связи, во-первых, потому, что Тейлор запретил эти неуставные глупости, и, во-вторых, потому, что „Сабля шесть“ — это был старый позывной, используемый командирами полков, а не какими-то там подполковниками, командирами эскадрилий.

— Танго пять-пять, я Сьерра пять-пять. Прием.

— Я Сабля... вернее, я Танго пять-пять. Я не могу связаться с районом сбора „Серебро“. Я разговаривал с Один-три и вдруг связь оборвалась. Я пытался вызвать Уиски пять-пять, но ничего не было слышно, совсем ничего. Что там происходит?

— Танго, я Сьерра. Подождите. Сьерра один-три, — вызвал Тейлор Хейфеца. — Я Сьерра пять-пять. Прием.

Тейлор ждал. Он чувствовал напряженность Мередита и Паркера и озабоченность оставшихся в живых сержантов. В заполненной людьми кабине воняло потом и засохшей кровью, а в самом ее конце, около скамьи, которую они смастерили для солдата с сотрясением мозга, сидел солдат, до сих пор не оправившийся от шока.

Тейлор знал, что что-то случилось, и это не было обычной неисправностью в системе связи. Он знал это благодаря инстинкту, развивающемуся у человека за годы в непосредственной близости от смерти.

— Сьерра один-три, — попробовал выйти на связь Тейлор. — Я Сьерра пять-пять. Твоя станция молчит. Если ты слышишь меня, свяжись со мной по оперативно-тактической линии связи. Прием.

Он уже знал, что что-то случилось, и все же старался не думать об этом. Он повернулся к пульту специальной спутниковой связи, обычно используемой только для разговоров с высшим руководством страны.

Мерedit уже работал ключом. Все ждали ответа, и все это время им было слышно, как Рено пытается по полковой линии связи привлечь их внимание и молит ответить ему.

Они ждали пять минут. Но ответа не было. Небеса молчали.

Наконец Тейлор снова перешел на полковую связь, решив попробовать еще один, последний раз.

— Любая станция Уиски, любая станция Уиски, — выкрикивал он позывные Первой эскадрильи, приземлившейся в районе сбора „Серебро“. — Я Сьерра пять-пять. Как слышите меня? Прием.

Молчание.

Вдруг линия связи включилась, но это опять был Рено, задававший все тот же вопрос. Он был ужасно взволнован.

Тейлор не обращал внимания на позывные Рено. Он повернулся к Мередиту:

— Через сколько времени мы долетим до района „Серебро“?

Мерedit взглянул на пульт.

— Через пятнадцать минут. Вы хотите изменить курс, пока мы выясним, что происходит? Возможно, нам удастся долететь до северо-восточного края района сбора „Платина“ до того, как у нас кончится топливо.

Все посмотрели на Тейлора. В кабине воцарилось чувство подавленности, которое возникает при виде отверзтой могилы.

— Нет, — сказал Тейлор. — Нет, мы летим в район „Серебро“. Надо выяснить, что, черт возьми, там происходит.

Тейлор вызвал Вторую эскадрилью, находящуюся в районе сбора „Платина“ рядом с Оренбургом. Командир эскадрильи следил за переговорами по линии связи, пытался оценить информацию, но молчал, соблюдая дисциплину ведения радиосвязи.

— Если у тебя прервется связь со мной, — сказал Тейлор, — возьмишь командование полком на себя. — Все знали, что Рено был по рангу старше других командиров эскадрильи, но сейчас он был не в состоянии командовать полком. Если, конечно, он вообще когда-либо был на это способен.

Рено не протестовал против этого приказа, переданного открытым текстом по всем командным линиям связи.

„Ну что же, — подумал Тейлор. — У меня еще есть Вторая и Третья эскадрильи. Если до этого дойдет...“

— Свяжись с вертолетами сопровождения, — сказал Тейлор помощнику начальника оперативного отдела. — Скажи им, что мы готовимся к бою.

Мерedit не верил в привидения. Даже когда он был ребенком, темнота не внушала ему страх, а истории о дьяволе, которые пугают всех детей, просто раздражали его.

Единственное волшебство, которое его притягивало, были чары девочки-блондинки из восьмого класса, с которой он пошел на свое первое свидание. Только при условии, что с ними отправится целый отряд их общих друзей, она согласилась пойти с ним на фильм, который тогда на короткое время привлек внимание мо-

лодежи Америки. Их товарищи шумели, поддразнивали друг друга и наконец расселись в темном зале, пахнущем воздушной кукурузой и моющими средствами. Актеры изо всех сил старались убедить его в правдоподобности кровавых ужасов, но их преувеличенная агония не могла сравниться с тем мучительным состоянием, которое он испытывал до того мгновения, когда девочка схватила его за руку, слишком сильно, в тот момент, когда человек, превратившийся в животное, неистово метался на экране. Он помнил, что почувствовал себя взрослым и очень сильным в этот момент и, пристально глядя на экран, ощущал власть над рукой этой девочки, которую она в страхе соединила с его. Ужасы на экране были слишком примитивны, чтобы тронуть его. Он рос в мире, где привидения всегда оказывались отраженными в окне огнями автомобильных фар, а „сверхъестественное“ было обычным словом, которое использовали неряшливо одетые уличные торговцы, чтобы вымогать деньги. Его демоны всегда прятались где-то совсем в другом месте, за пределами досягаемости вампиров, астрологов, волшебников, и в последний раз он ощутил их присутствие, когда пальцы девушки впились ему в ладонь, к нему пришла любовь, и эта девушка впоследствии стала его женой.

Но сейчас их разделяло полмира, и белые заснеженные просторы выводили его из равновесия своей неподвижностью. В районе „Серебро“, изображенном на экране монитора, было совершенно спокойно, и это казалось ему жутким и противоестественным. Ему впервые при-

шло в голову, что тишина может быть осязаемой, вторгаться в человеческий разум, нарушая привычную работу мозга. Безмолвные вертолеты М-100, разбросанные по степи и частично замаскированные в небольших рощицах, выглядели настолько нелепо, что его разум из всех сил старался найти этому безобидное объяснение.

Первая эскадрилья и должна была соблюдать молчание, спрятавшись в укрытии. Задача состояла в том, чтобы замаскироваться на местности так, чтобы датчики обнаружения противника не уловили никаких признаков жизни. Они должны были стать невидимыми.

Эскадрилья не издавала ни единого звука. Ни одно подразделение никогда не могло быть настолько дисциплинированным, чтобы тренированный глаз не различил хотя бы одного человеческого движения. Совершенство маскировки и дезориентации тоже имело свои пределы.

Тишина же на позиции Первой эскадрильи была какой-то особой и невыносимой. Ни одна из линий связи не отвечала на позывные Тейлора. Сначала они решили, что противник нанес удар по позициям Первой эскадрильи. Затем Мередит попробовал связаться с ее компьютерами.

Каждый компьютер Первой эскадрильи отвечал на запросы очень быстро. Информация передавалась мгновенно и точно. Машины продолжали свой победный марш, но управляющие компьютерами люди не отвечали на позывные.

Увидев первые изображения, Мередит почувствовал облегчение. Вот они стоят в целости и

сохранности, тщательно рассредоточенные М-100. Сквозь быстро падающий чистый слепящий глаза снег, вглядевшись внимательно в заснеженные очертания стоящих на земле вертолетов, нельзя было увидеть никаких повреждений. Эскадрилья выглядела так, как должна была выглядеть, и Мередит даже решил, что, возможно, была какая-то странная аномалия в работе связи.

И только внутреннее чувство подсказывало ему, что здесь что-то случилось.

— Проверь состояние окружающей среды, — приказал Тейлор.

— Сэр, вы думаете, что они применили химическое оружие? — спросил Мередит.

— Может быть. Я не знаю, — сказал Тейлор спокойно. — Мне приходилось видеть трупы, пролежавшие недели, но выглядели они, как живые.

— Может быть, это нервно-паралитический газ?

Прищулив глаза, Тейлор склонился ниже над изображением, чтобы лучше его разглядеть.

— Именно на это я бы и держал пари. Но, черт побери, в этом нет никакого смысла. Даже если во время нападения у некоторых машин были открыты люки, у других они должны были быть закрыты, хотя бы из-за холода. А автоматические запоры и системы избыточного давления наверняка бы сработали.

Он отошел от монитора, потрогал пальцами глаза. Да, он очень устал. Кисть руки была забинтована ставшим уже грязным бинтом.

— Ничего не понимаю, Мерри. Если бы это был нервно-паралитический газ или любое дру-

гое химическое вещество, то хоть кто-нибудь бы выжил. Кроме того, автоматические датчики уже давно бы включились и поступило бы столько сообщений, что наш компьютер не смог бы их все обработать. — Он медленно покачал головой, затем провел забинтованной рукой по волосам. — Это просто бессмысленно.

— Похоже на город привидений, — сказал Хэнк Паркер.

Это грубое, слишком колоритное сравнение вызвало у Мередита раздражение, и он готов был возразить. Затем он почувствовал, как по всему телу побежали мурашки, и он понял, что замечание помощника начальника оперативного отдела полка разозлило его не своей наивностью, а своей точностью. На экране не было видно города, и Мередит не верил в потусторонние силы, но от изображения на экране веяло таким же холодом, какой царит в городе привидений. Но только холод этот был другого свойства — порождение бесчувственной военной машины.

— Утенок, — позвал Тейлор по внутреннему телефону, — садимся, и как можно быстрее. Найди вертолет начальника оперативного отдела и садись прямо позади него.

— Вас понял.

— Сэр, — сказал Мередит, вдруг забыв о своей тревоге и вспомнив о своем долге, — а вы уверены, что нам надо садиться? А если там есть что-то такое, о чем мы не знаем?.. Я хочу сказать, что вы нужны полку. Мы могли бы направить на разведку какую-нибудь другую эскадрилью, поэтому правильно ли?..

— Я не хочу ждать, — сказал Тейлор.

— Я тоже, — честно признался Мередит, — но мы должны подумать об общей обстановке. Мы должны...

— Успокойся, Мерри. Я уже решил. — В его голосе была натянутость, с которой Мередит раньше никогда не сталкивался.

Что-то страшное и необъяснимое было там, за бортом, и все присутствующие в кабине вертолета осознали это, но никто не мог найти нужных слов.

— Что это? — требовательно спросил Тейлор, указывая пальцем на монитор. По мере того как М-100 приближался к центру района, бортовые датчики давали все более и более детальное изображение. Мередит прищурился и увидел черное пятнышко.

Это было тело мужчины. Оно лежало в том месте, где раньше были видны лишь замаскированные очертания вертолетов и царила зловещая тишина.

— Он двигается, — сказал Паркер.

Все склонились над монитором, и каждый чувствовал неприятный запах дыхания соседа.

Да. Ошибки не было. Не было сомнения, что это был человек в военной форме, и он судорожно дергался, время от времени бессмысленно жестикулируя.

— Боже, что это? — прошептал Тейлор.

Непонятные, конвульсивные движения человека были хаотичны. Но не было сомнения в том, что он жив, хотя снег уже чуть запорошил его тело. Движения человека что-то напоминали Мередиту, но он никак не мог вспомнить, что именно.

— Черт тебя дери, садись, — взревел Тейлор.

Мередиту показалось, что Тейлор только что осознал, что происходит. Но Старик, видимо, не имел желания делиться своими мыслями.

— Есть, сэр, — через секунду отозвался голос Кребса по внутреннему телефону. Казалось, что голос старого уорент-офицера дрожит, и это удивило Мередита, который привык к его профессиональной твердости.

Датчики М-100 отличались высокой чувствительностью, и, хотя они находились на расстоянии нескольких километров от дергающегося на земле человека, Мередит начал различать четкие очертания его тела и даже некоторые черты лица. Ему даже показалось, что он его узнал.

Вдруг он понял, что именно напоминают ему движения человека: они напоминали ему движения новорожденного, старающегося ухватиться за что-то своими ручонками.

— Возьми себя в руки, Мерри, — мягко сказал Тейлор.

Мередит покачал головой и вытер глаза. Он не мог заставить себя еще раз посмотреть на Хейфеца и других.

— Меня сейчас стошнит, — сказал он.

— Ничего страшного, — ответил ему Тейлор. Тонем своего голоса он пытался успокоить Мередита. — Выйди наружу. Это нормально, что тебя тошнит.

Мередит не двигался. В командном отсеке вертолета Хейфеца стоял жуткий запах отхо-

дов человеческого тела. Мередит закрыл глаза. Он больше ничего не хотел видеть. Но с закрытыми глазами картины, увиденные им за последние несколько минут, казались еще более отвратительными.

— Меня сейчас стошнит, — опять сказал Мередит. Он чувствовал, как слезы текут по его щекам.

Тейлор крепко взял его за руку.

— Не поддавайся панике. Ты мне нужен, Мерри.

— Я не могу, — сказал Мередит, хотя он ясно не осознавал, что именно он не может.

— Все нормально.

— О Боже, — сказал Мередит. Он почувствовал новый позыв к рвоте. Но этот позыв не был сильным, и Мередит не двигался.

— Давай выйдем на минутку на воздух, — сказал Тейлор. Он говорил так, как будто обращался к всегда послушному ребенку в тот момент, когда тот плохо себя ведет. Мередит не понимал этого. Он ничего не понимал. И он не мог понять того, как мог Тейлор оставаться таким спокойным.

Сам того не желая, Мередит опять посмотрел вокруг. Сейчас все выглядело немного лучше. Когда они с трудом втащили запорошенное снегом тело молодого капитана в вертолет, то первое, что они увидели, были Счастличик Дейв и члены его экипажа, валяющиеся на полу, как пьяные, с глазами, устремленными в пустоту. Их руки и ноги дергались, как тела обезглавленных змей, а изо рта текли слюни. От промокшей формы исходил запах дерьма, и

они издавали бессмысленные звуки, похожие на бред. Тейлор немедленно заставил Мередита положить каждого на живот, чтобы они не захлебнулись собственной слюной.

— Что это? — спросил Мередит. Потребовалась вся его сила воли, чтобы помочь Тейлору разложить людей. Труднее всего оказалось оттащить тело Хейфеца. — Что это? — снова спросил Мерри.

— Я скажу тебе потом, — терпеливо сказал Тейлор. — Сейчас помоги мне.

Мередит касался тел своих товарищей, офицеров и сержантов, со смесью необычной твердости и ужаса, как если бы он брал в руки тела умерших от чумы. Но у всех этих людей не было никаких признаков болезни. Температура тела казалась нормальной, никаких следов ран, за исключением одного сержанта, который, видимо, упал вперед лицом и разбил себе нос. Когда они клали его на пол, парень захлебывался кровью, как подбитое животное.

Затем Мередиту пришлось встать, так как приступы тошноты стали сильнее. Он увидел глаза Счастливого Дейва, и на мгновение ему показалось, что они устремлены на него. Но это был лишь зрительный обман. Выражение глаз Хейфеца не было осмысленным.

— Давай выйдем, — повторил Тейлор. Он крепко держал Мередита за локоть и вел его как можно осторожнее среди лежащих близко друг от друга тел.

Сержант с окровавленным носом начал громко и ритмично храпеть. Мередит отскочил, как будто тот укусил его. Но Тейлор крепко держал Мерри, ведя его к заднему люку.

— Смотри под ноги, Мерри, — сказал он.

Чистый холодный воздух усилил позывы к рвоте. Мередит нагнулся над покрытой снегом землей, и его начало тошнить. Тейлор чуть отпустил его руку, чтобы он мог наклониться, но продолжал его поддерживать.

Когда с этим было покончено, Мередит взял горсть чистого снега и вытер им рот. Он ел холодный белый снег. Полковой врач советовал им не использовать снег для питьевой воды, так как загрязнение в этом районе достигало катастрофических размеров, но Мередит инстинктивно чувствовал, что ничего сейчас не могло быть хуже остатков рвоты во рту.

— Все нормально, — сказал Тейлор.

Мередит начал горько плакать, тряся головой. Он знал, что все это было ужасно и страшно несправедливо. В своей жизни он никогда ничего подобного не видел. Он не понимал того, что было у него перед глазами. Он только знал, что это страшнее всего на свете, хотя его мозг и не понимал почему.

— Что произошло? — спросил он, как бы моля ответить ему.

— Тише, — сказал Тейлор. — Говори тише.

Мередит взглянул на полковника. От холода шрамы на его лице вздулись и стали сине-лиловыми. Но страшное, изуродованное лицо Тейлора было куда менее ужасным зрелищем, чем то необъяснимое состояние, в котором находились люди в М-100.

— Почему?

— Говори тише.

— Почему? О Боже, что со Счастливым Дейвом? Он поправится?

— Мерри, возьми себя в руки. Нам надо работать.

— Что произошло? — требовательно спросил Мередит. Голос его был похож на голос ребенка.

— Говори тише. Они могут услышать тебя. А это им совсем не нужно.

Мередит с ужасом взглянул на Тейлора. Его плечи были запорошены снегом.

— Я думаю, они слышат нас. Они просто не могут ответить.

Мередит пристально смотрел на изуродованное лицо и не видел его.

— Послушай меня внимательно, Мерри, — начал Тейлор. — Десять лет назад, когда ты поехал изучать русский язык, я принимал участие в работе очень необычной группы. Это было между событиями в Лос-Анджелесе и нашей „увеселительной прогулкой“ в Мексику. Мы работали как сумасшедшие, стараясь разработать новые технологии, способные противостоять военным технологиям японцев. М-100 — один из результатов этой работы. Но были и другие проекты, которые не были внедрены в производство по целому ряду причин. — Он потряс Мередита за руку. — Ты в порядке? Ты меня слушаешь?

Мередит кивнул, все еще чувствуя неприятный привкус рвоты во рту.

— Мы испробовали все, что нам приходило в голову, — сказал Тейлор. Он покачал головой, вспоминая об этом; снег слетел с его шлема. — Некоторые из идей просто не могли быть осуществлены: на их разработку требовалось слишком много времени. Но было одно...

Мерedit начал слушать. Он хотел получить информацию, которая бы объяснила то, что мозг его не мог понять. Но Тейлор на минуту замолчал. Полковник пристально вглядывался в заснеженную степь, где стоял М-100, доставивший их сюда, и другой вертолет, наполовину занесенный снегом.

— Это было в Дагвее. Только для того, чтобы услышать кодовое название проекта, надо было получить разрешение от всех возможных начальников. Несколько вундеркиндов из Ливерморской лаборатории предложили совершенно новую идею, и мы изучали ее. Их привезли в штат Юта, на самый отдаленный испытательный полигон, чтобы посмотреть, что им удастся сделать. Конечно, их не волновали последствия. Так как им там были предоставлены все возможности для проведения исследований, они сильно продвинулись в своих разработках. — Тейлор на минуту перестал говорить, все еще продолжая смотреть куда-то вдаль, сквозь время и пространство.

— Они изобрели сверхэффективное оружие. Боже всемогущий, мы могли бы покончить с японцами, если бы пустили его в ход. Но у нас не хватило мужества начать эти разработки. Мерри, я ненавижу японцев, ненавижу так сильно, что это кажется мне неразумным и морально непростительным. Но никто из нас, никто из тех, кто имел право голоса, не захотел принимать этот проект. Мы решили, что это оружие слишком бесчеловечно. Что его использование было бы страшной ошибкой. — Тейлор посмотрел на снег и слегка улыбнулся. — Я

считал, что мы поступаем правильно. Ученые были, конечно, чертовски разочарованы. Знаешь, даже у самого жестокого солдата, которого я когда-либо видел, сильнее развиты моральные принципы, чем у среднего ученого. Тогда я считал, что мы поступаем правильно. Видимо, я просто проявил слабость. — Он покачал головой. — Похоже, японцы опять оставили нас в дураках.

— Но... что это было? — спросил Мередит. — Какое оружие?

Услышав вопрос, Тейлор поднял брови, как бы желая сказать, что дальнейшие подробности не имеют значения.

— Это было радиоволновое оружие, — сказал он сухо. — Очень простое по замыслу, но сложное в разработке. Радиоволны расщепляют и выстраивают в порядок, который способен воздействовать на человеческий мозг. Ты передаешь сигналы, а чей-то мозг получает их. Это что-то вроде музыки. Ты слушаешь песню с хорошим ритмом и начинаешь отбивать такт ногой. Грустная песня настраивает тебя на сентиментальный лад. В действительности радиоволны уже давно оказывают воздействие на наше сознание. Ребята из Ливермора проводили эксперименты с постановщиками помех в течение многих лет. А там те же самые принципы. Они начали с малого: научились вызывать у человека боль. Затем они научились фиксировать боль в определенной точке тела и так далее. Таким образом, можно довольно легко вызвать смерть, но это казалось им слишком жестоким. Они не хотели, чтобы это было обычное орудие

убийства, и пошли дальше. Они изобрели... оружие, способное вызвать расстройство человеческой психики. — Тейлор взглянул на Мередита. — Вспомни уроки по тактике, Мерри, и скажи мне, что лучше: убивать противника сразу или выводить его из строя, нанося ему серьезные ранения?

— Наносить ему серьезные ранения, — повторил Мередит автоматически.

— А почему?..

— Потому что мертвый солдат... это просто мертвый солдат, а раненый солдат оказывает воздействие на инфраструктуру противника. Раненому надо оказать первую помощь, его надо эвакуировать в тыл, потом лечить. Мертвый не требует никаких срочных действий, а с раненым надо возиться. Достаточно большое количество раненых может парализовать...

— Все точно. Это так и есть, Мерри.

— Но... через сколько времени это проходит? Когда они поправятся?

Тейлор еще сильнее сжал руку Мередита.

— Мерри, это не проходит. Боже, если бы это вылечивалось... Этот процесс необратим. Понимаешь, это оружие террора.

Мередита опять стошнило. Но теперь уже сильнее, и от этого стало пусто и мерзко на душе.

— Но ты сказал, что, возможно, они могут нас понимать.

Тейлор кивнул.

— Но это никак не влияет на выздоровление. Это-то и есть самое страшное, Мерри. Понимаешь, если японцы использовали примерно

такую же формулу, как та, что изобрели мы, то интеллект и Счастливчика... подполковника Хейфеца и других не пострадал. Это оружие просто разрушает способность человека управлять своим телом. Весь ужас этого оружия состоит в том, что интеллект жертвы продолжает прекрасно работать, а тело человека не может функционировать. Они видят, но не могут сконцентрировать свой взгляд на чем-нибудь. Таким образом, оставив противнику высокоразвитое думающее существо, ты как бы лишаешь его возможности убить это существо из милосердия. — Тейлор усмехнулся. — Великолепно, не правда ли?

Мерedit не понимал, как Тейлор может так спокойно говорить.

— Мерри, ты должен взять себя в руки. Мы должны сделать все, что можно, чтобы помочь им. А потом мы должны возобновить боевые действия.

Мерedit уставился в лицо этого человека, испещренное шрамами так, как будто перед ним был сумасшедший. О Боже, о чем он говорит? Помочь им? Как? И зачем начинать боевые действия, если в конце всего тебя ожидает вот это?

— Благодарю судьбу, — сказал ему Тейлор. — Если бы тот вертолет сопровождения не упал, то... Это война, Мерри. Одни умирают, другие остаются в живых. Кому какой выпадет жребий.

— Я не могу, — сказал Мерedit. Он чувствовал, что его охватывает паника. — Я не могу ничего делать. Я сдаюсь.

Рука Тейлора взметнулась как молния. Он ударил Мередита по лицу так сильно, что тот пошатнулся и чуть не упал. К своему удивлению, он почувствовал вкус крови во рту. Но этот вкус был приятнее, чем вкус рвоты и снега.

Тейлор схватил его обеими руками. Чувствовалось, что перевязанной рукой он держит его гораздо слабее.

— Мерри, пожалуйста...

Мередит старался осознать, что происходит. Это было похоже на мир из страшных средневековых картин.

— Мерри, ты мне нужен сейчас, — сказал Тейлор. — Ты очень храбрый человек, и ты доказывал это тысячу раз. Мне нужна твоя храбрость сейчас. Если ты не сможешь с этим справиться, то подумай, как это повлияет на других.

— Хорошо, — сказал Мередит медленно. Пощечина встряхнула его.

— Мерри, — молил Тейлор, — мы не можем сдаться. Ты не понимаешь этого, а я понимаю. У них у всех сейчас появится желание сдаться, но мы не можем позволить им это сделать. Все зависит от нас.

Мередит не понимал, о чем говорит Тейлор. Кто собирается сдаваться? И кому?

— Мы не сдадимся, — сказал Мередит решительно.

— Правильно, мы не собираемся сдаваться. Послушай меня, — голос Тейлора стал таким же холодным и четким, каким он бывал обычно, когда полковник отдавал приказы. — Я хочу, чтобы ты пошел в наш вертолет. Ты пойдешь туда и будешь работать. Вызови Мэнни.

Тейлор запнулся. минуту они смотрели друг другу в глаза, затем Тейлор сказал:

— Вызови начальника службы тыла, он должен быть в районе сосредоточения „Золото“. Прикажи ему разгрузить все имеющиеся летные средства, кроме самолетов-заправщиков, и лететь сюда, в район „Серебро“. Я хочу, чтобы они взяли на борт начальника медслужбы, всех имеющихся там врачей и других медицинских работников. Затем вызови Вторую эскадрилью в районе сосредоточения „Платина“. Они ближе всего к нам. Скажи командиру, что мне нужны его разведчики как можно скорее. Используй сверхсекретную линию связи. Объясни им, что у нас есть потери. Разведчики должны обыскать весь район сбора и посмотреть, а вдруг кто-нибудь еще лежит в снегу, как тот капитан.

— Капитан Стерджис, — сказал Мередит. Он немного был знаком с этим офицером. Взрослый ребенок, который имел привычку хвастаться своими любовными похождениями.

— Да, — сказал Тейлор, — Стерджис. Итак, действуй. И заставь их действовать. Приготовься, Мерри. Я знаю, что ты будешь со мной. Ты должен держаться мужественно, потому что паника разразится вплоть до самого Вашингтона.

— Хорошо, — сказал Мередит. И впервые в его голосе появились признаки того, что он был способен действовать. Он понял, что сможет сделать все это. Он выполнит свой долг. Ему просто нужно было время оправиться. — Что-нибудь еще, сэр?

Мередиту показалось, что за шрамами и грязью на лице Тейлора промелькнуло выражение

благодарности, едва заметные следы той слабости, которую испытывал он сам.

— Нет, — сказал полковник. — Выполни только то, что я тебе сказал, и оставайся на пульте связи следить за выполнением аварийно-спасательных работ. Я думаю, что противник не определил координаты других эскадрилий, иначе они нанесли бы удар и по ним тоже. Все будет нормально, Мерри.

— Да, сэр.

Тейлор отпустил руку Мередита и, повернувшись, пошел к машине Хейфеца.

Это был очень интересный день для капитана Хэнка Паркера. Пока его подразделение находилось в Мексике, он не принимал участия в настоящих боевых операциях, и сегодня он впервые участвовал в бою. Он делал все, что мог, хотя иногда он испытывал чувство неполноценности, особенно в присутствии полковника Тейлора, к которому он относился с благоговением. Он не мог не завидовать тем дружеским отношениям, которые существовали между начальником штаба и командиром полка, и в начале боя он ощущал себя посторонним. Он очень хорошо знал, что Тейлор предпочел бы иметь на борту самого Хейфеца, а не его значительно менее опытного помощника.

Он старался изо всех сил, хотя все время сомневался в своих способностях. Но все же ему удалось избежать серьезных ошибок. Через несколько часов после начала боя он уже не испытывал напряжения, у него появилось чувство, что современный бой был очень похож на

игру с автоматами, стоящими в супермаркетах: сплошные экраны, изображения, цифры. Манипулируешь кнопками на панели и побеждаешь. Было трудно представить себе, что где-то существует реальный враг из плоти и крови.

Вдруг этот неосязаемый враг нанес удар по району сосредоточения в Омске. Погибли люди, которых он лично знал, и игра оказалась реальностью. Затем все начало двигаться с такой скоростью, что утратило четкость. Они уничтожили звено вражеских самолетов, и после этого Тейлор поразил его тем, что спросил, как его называют родные и друзья, и сам стал называть Хэнком. В ту минуту страшного одиночества это было лучше, чем получить медаль. Затем Мередит приказал ему оставаться у командного пульта связи, а сам с еще одним сержантом отправились вместе с Тейлором, чтобы попытаться спасти экипаж упавшего М-100. Он выполнял все точно, и когда в командном отсеке стали слышны выстрелы, он, испугавшись своей беспомощности, сидел и ждал. Сержант не вернулся, а в тесной кабине вертолета появились раненые, и тогда ему показалось, что смерть подступает все ближе и ближе. Ставки в игровом автомате все росли и росли.

Теперь опять ожидание. В атмосфере приближающейся смерти, в страхе и неизвестности. А полковник Тейлор и Мередит ушли куда-то, исчезли в этой тишине. Что там происходит?

Паркер сидел в командном отсеке вместе с сержантом из подразделения Мередита, который осуществлял оперативное оповещение. Оба

чувствовали себя ужасно в этой зловещей тишине, и каждый даже высказался об этом вслух. Но у них не хватало мужества обсуждать свое положение. Они сидели и ждали, стараясь представить себе, что происходит.

Что происходит?

Без всякого предупреждения включился приемник стратегической линии связи.

Паркер вскочил, чтобы одеть наушники, затем неловко дотронулся пальцами до незнакомых кнопок. Обычно на этой линии связи работали Тейлор или Мередит. Прежде чем он опомнился, позывные прозвучали опять.

— Да, — торопливо ответил Паркер, — я Сьерра.

— Сейчас с вами будет говорить президент, — сказал кто-то.

Через мгновение в наушниках раздался ровный голос, который Паркер слышал только в телевизионных передачах, но узнал мгновенно.

— Полковник Тейлор, командир одной из подчиненных вам эскадрилий только что передал нам срочное сообщение. Подполковник Рено утверждает...

— Сэр, — перебил Паркер, мгновенно пожалев о том, что рядом не было Тейлора, который бы спас его в этот момент, и о том, что на последних выборах он голосовал за другого кандидата. Ему почему-то казалось, что президент сможет догадаться об этом. — Сэр, это не полковник Тейлор. Я... что-то вроде помощника. Полковника Тейлора нет на борту.

— Вот как? — сказал президент. — Извините.

На другом конце линии слышались неопределенные шумы, как будто шустрые маленькие человечки быстро приводили в порядок кукольный домик. В наушниках зазвучал новый голос:

— Говорит генерал Оутс. Найдите полковника Тейлора, где бы он ни был. Президент США хочет с ним говорить.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Паркер. Даже не подумав поискать шлем, он направился к заднему люку и в этот момент столкнулся с Мередитом.

— Куда? — спросил Мередит

— Майор Мередит, где полковник Тейлор? С ним хочет говорить президент.

Казалось, что Мередит воспринял эту новость спокойно и даже осуждающе. Он был весь в снегу. На мгновение Паркеру показалось, что Мередит неправильно понял его, и он было открыл рот, чтобы повторить донесение, но майор заговорил первым.

— Полковник Тейлор там, в вертолете. — И прошел мимо Паркера.

Паркер прыгнул в снег. Он высоко поднимал ноги, проваливаясь в снег, неясно сознавая, что любое его неправильное движение может иметь более серьезные последствия, чем любой бой. Он сожалел о том, что идет недостаточно быстро, и о том, что был таким дураком.

Он обогнул вертолет М-100, которым командовал подполковник Хейфец, сзади, быстро подтянулся и влез через открытый люк в вертолет. Он был уже готов прокричать новость Тейлору, но, когда увидел, что происходит в кабине вертолета, застыл в молчании.

Экипаж боевой машины Хейфеца, ребята, с которыми Паркер ежедневно встречался и знал настолько хорошо, насколько позволяла совместная работа, лежали в ряд на полу в тесной кабине. Сразу было ясно, что все они живы, и в то же время было очевидно, что здесь происходит что-то страшное, хотя что именно — он понять не мог. Паркер уже видел одного солдата, распластанного на снегу и вскидывающего руки и ноги к небу, но тогда он полагал, что эти движения были результатом боли, сильного ранения. Сейчас же Паркер увидел, что вся кабина была заполнена корчащимися телами. В кабине стоял мерзкий запах, лежащий ближе всего к нему человек издавал мяукающие звуки, от которых Паркеру захотелось выпрыгнуть из люка и убежать.

Но то, что он увидел в другом конце кабины, остановило его. Полковник Тейлор сидел на полу и покачивал лежащую у него на коленях голову Хейфеца. Тейлор что-то тихо шептал. Так Паркер обычно шептал своим дочкам-двойняшкам, когда они были больны. Здоровой рукой Тейлор гладил редкие волосы Хейфеца.

Паркер не знал, что делать. Затем он в ужасе вспомнил о президенте.

— Полковник Тейлор, — сказал он слишком громко. — Президент на линии. Он хочет говорить с вами.

Тейлор мельком взглянул на него. Его страшное, как маска, лицо было очень спокойно и ничего не выражало.

— Скажи ему, что я занят.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

3 ноября 2020 года

Дейзи слушала. Ей хотелось говорить, но она никак не могла найти нужных слов. Ей хотелось действовать, но ничего нельзя было сделать. Они проиграли. Она проиграла. Весь тщательный анализ, проведенный разведкой, оказался ни к чему. А японцы приберегали козырную карту до той поры, когда уже невозможно было что-нибудь изменить. Сейчас все было кончено, и единственное, что ей оставалось делать, — это слушать.

— Господин президент, пора признать себя побежденными, — сказал государственный секретарь. Это был пожилой человек с величественной внешностью, который сознательно упрощал свою речь, разговаривая с Уотерсом, использовал жаргонные броские словечки, которые он обычно не употреблял. — Мы сделали все, что могли, и проиграли. Сейчас пора попытаться сократить наши потери. Я уверен, что мы сможем договориться о безопасном выводе оставшихся войск с территории Советского Союза.

Дейзи оценивающе посмотрела на президента. Его приятное фотогеничное лицо было из-

мученным, и он выглядел гораздо старше своих лет. Она знала, что у президента было высокое артериальное давление, и это беспокоило ее. Вице-президент был полным ничтожеством в интеллектуальном плане, и его включили в избирательный бюллетень только потому, что он был белым, выходцем с Юга и происходил из всем известной семьи политиков. Он прекрасно уравнивал Джонатана Уотерса, который был черным, выходцем с Севера и убежденным либералом. Этот тактический ход сработал на выборах, но Дейзи приходила в ужас при мысли о том, что президент может заболеть и выйти из игры. Несмотря на невежественность Уотерса в международных и военных вопросах, Дейзи не могла избавиться от внутреннего ощущения, что суждения президента были верными, а мнения людей из президентского окружения становились все более и более подозрительными. Вице-президент был, возможно, самым безнадежным из всех. Даже сейчас, когда вооруженные силы страны вели боевые действия за границей, вице-президент Мэддок не отказался от заранее составленного графика и объезжал на Западном побережье районы с неблагоприятной экологической обстановкой. Он не собирался возвращаться в Вашингтон до следующего утра.

Конечно, Дейзи не могла согласиться со всеми решениями президента, но она была уверена, что даже неверные решения он принимал из наилучших побуждений, в то время как мотивы поступков его ближайших советников были слишком часто продиктованы личными интересами и ограниченностью взглядов. Видя, как лицо президента стареет прямо на глазах, Дейзи надеялась, что он как можно быстрее примет какие-

то меры, которые были сейчас абсолютно необходимы, и отдохнет.

Президент откинулся на спинку стула. Сейчас он казался Дейзи меньше ростом, чем раньше. Его костюм был мятым, как одеяло беженца.

— А какова позиция Пентагона? — спросил Уотерс, повернувшись к председателю Комитета начальников штабов. — Изложите мне вкратце их позицию.

Генерал склонился над столом. Чувствовалось, что его что-то мучает. Министр обороны свалился от усталости по пути к Пентагону сегодня утром, а председателю было временно поручено определить военную ситуацию. Председатель был крупным мужчиной с широкой бочкообразной грудью, с лицом, напоминающим толстую резину, потерявшую эластичность. У него были глубоко посаженные глаза, а кожа вокруг глаз была испещрена пятнами, похожими на маскировочную ткань.

— Господин президент, — начал он осторожно, — стоит напомнить, что японцы и их союзники понесли большие потери от армии Соединенных Штатов. Мы потеряли одну эскадрилью. Они же потеряли свои самые боееспособные сухопутные подразделения и боевое вооружение нескольких корпусов. Если бы японцы не приберегли про запас козырь, то мы бы с вами сейчас праздновали победу. Наши войска вели себя великолепно. К сожалению, служба разведки не смогла получить жизненно важную информацию...

Дейзи чувствовала, как рядом с ней Боукветт начинает сердиться. Но все, что говорил председатель, было правдой. Разведка действительно подвела их. И она знала, что дело не ограни-

чится одной загубленной карьерой. Она прекрасно знала Вашингтон. Она была женщиной, и поэтому ей-то можно было не опасаться за свою карьеру.

— ...поэтому нас застали врасплох. Наши ребята сделали все, что могли. Они чертовски хорошо поработали.

— Но?.. — сказал президент.

— Господин президент, — сказал председатель, глядя на Уотерса, и выражение его лица было совершенно лишено профессионального тщеславия. — Я считаю, нам надо спасти все, что можно. Это не конец. Мы еще вступим в борьбу с ними. Но в этом раунде, господин президент... в этом раунде победили японцы.

Президент Уотерс кивнул. Он сложил кончики пальцев домиком.

— А во что нам обойдется, — спросил он, — если мы просто выйдем из игры?..

Госсекретарь кашлянул.

— Господин президент, японцы, естественно... ожидают, что мы пойдем на некоторые уступки. Я не думаю, что это повлияет на положение дел в Западном полушарии... но что касается сибирского вопроса, то он в конечном итоге будет решаться Советами и Японией.

Уотерс чуть повернулся на своем вращающемся стуле и устремил взгляд прямо туда, где в первом ряду сидели Дейзи и Боукветт.

— Клифф, — обратился президент к Боукветту, — действительно ЦРУ считает, что японцы будут продолжать использовать „Скрэмблеры“, если мы не заключим с ними соглашения?

Боукветт поднялся:

— Господин президент, это не вызывает сомнений. Если они использовали это оружие

один раз, они используют его опять. Если мы их спровоцируем. Мы подозреваем, что они уже вручили ультиматум советскому командованию.

— И вы согласны теперь с мнением полковника э-э... Тейлора, что эти „Скрэмблеры“ разновидность радиооружия?

— Да, господин президент. На самом деле это радиоволновое оружие. Создается впечатление, что первоначальная оценка полковника Тейлора оказалась правильной. Но у него было то преимущество, что он видел все своими глазами, в то время как нам приходилось работать с информацией, полученной из вторых рук.

— И такое же оружие могло быть принято на вооружение армии США десять лет назад?

— Мы все еще можем его производить, — перебил его председатель, — и через шесть месяцев принять на вооружение новые образцы.

— Я не собираюсь производить такое оружие, — сказал президент. Не было сомнения, что он разгневан. — Если бы оно у нас было, я бы никогда не отдал приказ о его использовании. Даже сейчас. — Уотерс откинулся на спинку кресла и устало улыбнулся. — Возможно, после выборов вы сможете поднять этот вопрос и обсудить его с моим преемником. — Он повернулся к Боукветту: — Вы не знаете, есть ли у японцев еще какой-нибудь козырь в запасе. Какое-нибудь еще секретное оружие?

Боукветт взглянул на свои сшитые на заказ ботинки. Затем Дейзи ясно услышала, как он вздохнул.

— Господин президент, у нас нет информации на этот счет. Но мы не можем полностью исключить такую возможность.

Уотерс кивнул головой в знак согласия. Движение это было ритмичным и едва заметным, как будто он размышлял вслух. Так обычно делают очень пожилые люди.

Президент оглядел комнату.

— У кого-нибудь есть другое мнение? Другая точка зрения? Или это общее мнение, что мы должны вывесить белый флаг?

— Господин президент, — сказал быстро председатель. — Я бы не формулировал этот вопрос таким образом.

Уотерс повернулся к генералу. Дейзи было ясно, что президент с трудом сдерживает гнев, даже несмотря на свое измученное состояние.

— Тогда как же вы хотите его сформулировать? Как, по-вашему, назовет его американский народ? Не думаете ли вы, что простые люди собираются подбирать какие-нибудь премудрые слова — как вы их называете? — стратегическая коррекция или что-то в этом роде? — Уотерс взглянул на сидящих куда более жестко, чем Дейзи могла себе представить. — Господа, я хочу, чтобы вы меня поняли до конца. Я сейчас не думаю о выборах, я их уже проиграл, и в этой комнате никто ничего не может с этим поделать. Меня беспокоит тот факт, что мы приняли несколько совершенно неправильных решений. Вернее, я принял неправильные решения. Мы послали солдат на смерть, и, кажется, напрасно. Мы опять подорвали международную репутацию нашей страны. О Боже, что вы мне говорили тогда? — Он обратился с этим вопросом к госсекретарю. — А теперь японцы вместе с двумя десятками неприсоединившихся стран уже внесли в ООН резолюцию, осуждающую наше вмешательство в суверенные дела третьих

стран. Японские дипломаты уже выступают на заседаниях Генеральной Ассамблеи, обвиняя нас в том, что мы спровоцировали применение „Скрэмблеров“. Нас дурачат, причем с рекордной скоростью. Пока мы сидим здесь сложа руки, господа, — медленно сказал Уотерс. — Я рассержен, — он усмехнулся, — но не волнуйтесь, я точно знаю, чья это вина. Я очень сожалею о многом. Я был чертовски самонадеянным. — Его усмешка стала еще заметнее, и на коже вокруг рта образовались глубокие складки. — Возможно, Америка еще не созрела для черного президента.

Никто не осмеливался заговорить. Дейзи испытывала жалость к Уотерсу. Она почувствовала, что он был по-настоящему хорошим человеком. Он, возможно, взял на себя слишком тяжелую ношу, и у него было для этого слишком мало опыта. Они все его подвели.

И Джорджа Тейлора они тоже подвели. И она непростительно подвела его. Но она загладит свою вину. Она представляла себе, что он сейчас должен был чувствовать. Сейчас, когда все его мечты лежали в руинах на чужой земле. Но он, по крайней мере, был жив, и его не поразило этим ужасным оружием, скрывавшимся за таким безобидным словом. Он был жив, и, если не произойдет никакой другой нелепости, он вернется к ней домой. Из всех присутствующих в этой слишком душной комнате она была единственным человеком, у которого были причины для радости.

„Я буду очень добра к нему, — думала она. — Я действительно буду. Я нужна ему сейчас“.

— Прежде чем принять окончательное решение, — сказал Уотерс, — я хочу еще раз проконсультироваться с нашими советскими союзниками.

— Господин президент, — нетерпеливо сказал госсекретарь, — их позиция ясна. Мы потеряли одну эскадрилью? Несколько сот человек? Русские еще не начали подсчитывать свои потери. Это целый город. Как он называется, Брукветт?

— Орск.

— Да, Орск. И десятки небольших городов вокруг него. Сотни поселков. Советское руководство ошеломлено, они не знают, что им делать с пострадавшими. Речь идет о сотнях тысяч. Что, если японцы опять используют это оружие? Господин президент, вы сами слышали слова советского посла. Немедленные переговоры о перемирии. Советское руководство уже признало свое поражение.

Президент Уотерс прищурился:

— Советское руководство уже установило прямой контакт с Токио?

— Пока нет.

— Стало быть, они не предпринимали никаких односторонних действий? Они все еще ждут нашего ответа?

— Господин президент, это простая дипломатическая формальность. Они ждут, что мы присоединимся к переговорам, — у нас еще есть некоторый вес, разумеется.

— Таким образом, советское руководство еще не „выбросило белый флаг“ в техническом смысле слова?

— Ну, формально, конечно, нет, но в моральном плане...

— Тогда не возражайте, — сказал Уотерс. — Я хочу поговорить с советским президентом. Один на один. Я хочу услышать его мнение из его собственных уст.

— Сэр, советское руководство дало понять, что оно собирается пойти на перемирие, — сказал государственный секретарь. Он говорил тоном учителя, страшно разочарованного своим учеником. — Мы потеряем возможность оказывать влияние, если мы...

Уотерс повернулся к госсекретарю и посмотрел на него таким беспощадным взглядом, что этот всеми уважаемый политик остановился на середине фразы.

— Бросьте учить меня, — сказал Уотерс. — Можете считать меня еще одним черным недоучкой. Просто свяжитесь с президентом Черниковым — нет, вначале соедините меня с полковником Тейлором. Я хочу еще раз поговорить с этим человеком.

— Господин президент, — сказал осторожно председатель Комитета начальников штабов. — Полковник Тейлор не может дать вам объективной оценки ситуации. Вы слышали, что сказал о нем его подчиненный, подполковник Рено. Вы сами слышали, что он сказал. Единственное, что хочет сейчас сделать полковник Тейлор, — это нанести ответный удар по тем, кто уничтожил его эскадрилью. Он действует под влиянием эмоций. Он совершенно не понимает новой геополитической ситуации, сложившейся здесь.

Уотерс взглянул на председателя. К своему удивлению, Дейзи увидела, как на лице президента появилась искренняя улыбка.

— Ну, что же, — сказал Уотерс, — тогда нас уже двое. Я буду ужасным дураком, если

не выслушаю единственного человека, у которого хватило смелости сказать мне, что он занят. — Уотерс повернул голову, чтобы посмотреть на Дейзи. — Извините меня за грубое слово, мисс Фицджеральд. Сделайте вид, что вы ничего не слышали.

Американец сошел с ума. Генерал Иванов не мог поверить тому, что он услышал. Воспоминания об изуродованном шрамами лице американского полковника очень беспокоили его. И сейчас казалось, что и рассудок его был также поврежден.

Налет.

Налет на объекты оперативно-стратегического тыла противника.

Налет на главный командный пункт противника.

И более того — налет на главную компьютерную систему противника.

Это была сумасшедшая идея, и это в то время, когда мир раскалывался на части.

Этот длинный день так хорошо начался. Вначале успехи американцев, обещавшие коренным образом изменить соотношение сил. Такие огромные успехи американцев, что они одновременно испугали Иванова и вызвали у него зависть, хотя американцы и воевали на этот раз на их стороне.

Конечно, он и группа избранных советских советников знали, что японцы нанесут ответный удар. Они даже догадывались, каким будет этот удар японцев. Но они не смогли предвидеть размера понесенных ими потерь, иначе они бы не стали союзниками американцев. Они не стали бы провоцировать японцев.

А сейчас мир перестал существовать для тысяч советских людей, живущих в зоне десятков тысяч квадратных километров. Военный самолет, приземлившийся в Орске, обнаружил население этого города в состоянии детской беспомощности. Это было хуже, чем химическая атака. Хуже, чем эпидемия чумы. Японцы победили. И какими бы жестокими и теоретически неприемлемыми ни были использованные ими методы, нельзя было отрицать их победу. Сейчас оставалось только спасти все, что осталось от их отечества. Но это должны были решать в Москве, а там были сейчас сильные волнения в связи с попыткой переворота в Кремле.

На основе информации, полученной из поступающих отчетов, Иванову удалось понять, что борьба велась между аппаратом КГБ, стремящимся продолжить войну во что бы то ни стало, и группой генералов, старающихся спасти то, что осталось от их родины. Никто не обращался к Иванову с просьбой поддержать товарищей в Москве, и он удивлялся почему. Он был к этому готов. Да, было столько непонятного. Слава богу, американцы, кажется, не заметили этих волнений.

Тем временем Иванов сидел в штабе и ждал поступления сообщения о том, что это ужасное оружие японцев опять спустилось с небес на какой-нибудь другой объект, а возможно, на этот раз была уничтожена целая армия. Может быть, они нанесут удар и по измученному советскому генералу, который уже ни для кого не представляет опасности.

Иванову очень хотелось знать, как работает это оружие. Было ли его воздействие мгновен-

ным, или же человек осознавал, что сейчас произойдет, и успевал поднести пистолет к виску.

— Виктор Сергеевич, — сказал Иванов Козлову, — вы осознаете сложность вашего положения?

— Да, товарищ генерал.

— Американцы просили прислать офицера, хорошо знающего Баку, чтобы помочь им спланировать операцию на случай непредвиденных обстоятельств. Итак, помощи им. Ответь на их вопросы. Но будь внимателен. Твоя настоящая задача — это следить за тем, чтобы американский полковник не предпринял никаких односторонних действий. Мы не можем позволить им пойти на какие-нибудь провокации. Москва готовится к проведению переговоров.

— Значит, все кончено? — спросил Козлов.

Иванов кивнул, стараясь не встречаться взглядом с Козловым. Долгие годы мечтаний и изнурительной работы — и такой исход.

— Да, Виктор Сергеевич, мы будем продолжать вести оборону. Но все кончено.

— И ничего нельзя предпринять?

Иванов покачал головой.

— Как мы можем нанести ответный удар, когда у них есть такое оружие? Японцы ясно дали нам понять, что удар по району Орска — это только предупреждение.

— А у американцев тоже нет технически равноценных средств противодействия?

Иванов устало поднялся и прошелся по комнате. Он остановился напротив портрета Суворова, нарисованного ужасными красками.

— Если у них и есть такие средства, то они держат их в секрете. — Он пожал плечами. —

Москва считает, что американцы так же беспомощны, как и мы. Но они придумали какую-то глупость, связанную с нанесением удара по компьютерной системе японцев... Но что можно сделать при наличии у противника такого оружия? — Иванов впервые посмотрел Козлову прямо в глаза и увидел в них выражение полной безысходности. — Ничего, — ответил Иванов самому себе. — Ничего.

— И все же полковник Тейлор планирует налет? Он собирается продолжать боевые действия?

— Мы подозреваем, что он это делает по своей инициативе. Насколько мы знаем, Вашингтон не давал никаких указаний. — Он повернулся спиной к портрету мертвого героя. — Следи за ним, Виктор Сергеевич. Следи за ним внимательно.

— Будет исполнено, товарищ генерал.

— Отвечай на его вопросы. И держи меня в курсе дел.

— Он хочет совершить налет на Баку? На японский штаб?

Иванов задумчиво улыбнулся:

— Да, японский штаб. Конечно, и ты, и я помним, когда все было по-другому...

— Конечно.

Иванов стоял спиной к портрету старого царского генерала и смотрел прямо перед собой.

— Я всегда любил Баку, ты ведь знаешь. Нет-нет, не азербайджанцев. Они просто животные. Но мне нравилось, что там тепло, мне это по-настоящему нравилось. Там было хорошо, когда мы вместе служили там, Виктор Сер-

геевич, но было еще лучше, когда мы стояли там с войсками повторного захвата. Я был тогда еще молодым капитаном. — Едва заметная улыбка появилась на лице генерала. — Старый Баку. Он переходил из рук в руки столько раз за последние столетия. Персы. Затем мы. А затем опять персы. И так далее. Даже англичане там на минуточку побывали. — Иванов в изумлении покачал головой. — И кто знает, возможно, он однажды опять перейдет в другие руки? Это все превратности судьбы, которые иностранцы никак по-настоящему не могут понять. Но сейчас наши дела обстоят плохо. Такое случилось и раньше. Монголы, татары, персы, поляки, литовцы, немцы. И все другие забытые имена забытых народов, которые прошли по земле России и остались только на страницах книг по истории, которые никто не читал. Возможно, великая Россия должна на какое-то время стать слабее для того, чтобы потом опять стать великой. — Иванов посмотрел на потерявший ковер кавказской работы, который всегда лежал под его письменным столом, куда бы его ни заносила судьба. — Мы должны постараться сохранить веру, Виктор Сергеевич. Мы должны попытаться сохранить нашу веру.

Несмотря на всю серьезность этих слов, легкая улыбка вновь появилась на лице генерала:

— Ковер, на котором ты стоишь, я купил в Баку. Еще давно, когда мне приходилось считать каждую копейку. Ты знаешь, я тогда был откомандирован в МВД, и я был очень рад, что у меня есть работа. Очень многие мои друзья сняли тогда военную форму навсегда. Это было, конечно, до того, как мы начали послегорбачевскую реформу армии.

Козлов знал эту историю из биографии Иванова. Он всегда старался узнать как можно больше о своих начальниках. Но сейчас он не подал вида.

— Это было тридцать лет назад, — продолжал Иванов, — а кажется, что это было вчера. Я служил в Германии, когда все полетело к черту. Трудно описать, что мы все тогда чувствовали. Сегодня мы все братья, а завтра полмиллиона людей на улицах Лейпцига кричат нам, чтобы мы убирались из страны. Это было в семьдесят девятом.

— Это был год контрреволюции, — сказал Козлов.

— Год крушения, — поправил его Иванов. — Я очень любил по вечерам вместе со своими товарищами гулять по улицам Лейпцига, просто чтобы посмотреть на витрины магазинов. Но я отклоняюсь от темы. Мы говорили о Баку. После того как я вернулся домой из Германии, казалось, что моя военная карьера закончилась раньше времени. Офицеров тысячами выбрасывали на улицу. Без работы. Без жилья. Ты даже не представляешь, как ужасно это было. У меня была безупречная характеристика. Боюсь, в то время я был образцовым младшим офицером, лизавшим задницу начальству. И я оказался одним из счастливчиков, которых взяли в войска МВД. Это, конечно, было значительное понижение после службы в действующей армии. Но это было лучшее из того, что со мной могло произойти. Я служил там некоторое время, стараясь привести солдат в моем подразделении в порядок. И так до тех пор, пока в стране дела не стали хуже... Новые проблемы возникали каждый день, когда в Кремле сидел этот глупый

мечтатель. Меня послали в Азербайджан с оккупационными войсками. После всех кровопролитий, погромов и попыток к отделению. Могу тебе сказать, что мы очень много работали. И некоторые обязанности были отвратительными. — На лице Иванова появилось выражение, которое говорило о том, что он вспоминает о юности и о старых, счастливо пережитых бедах. — Мне удавалось хорошо проводить время в Баку, хотя мои друзья-офицеры очень боялись удара ножом в спину и других подобных вещей. Но я был как безумный. Я помню, что во внеслужебное время я очень любил гулять в парке имени Кирова. Я был молодым, сильным и высоко смотрел на всех тех, от кого можно было ожидать неприятностей. Иногда я даже ходил в старый квартал. Но обычно я просто забирался в парк и сидел там, глядя на город. Звучал призыв к вечерней молитве, и в воздухе сильно пахло жареным луком и шашлыком. Я никогда не боялся. Это казалось мне отличным приключением. Я становился частью старых традиций. Гуляя по улицам в сумерки, я вдруг мог увидеть черноглазую девушку, благоухающую терпким запахом лаванды, и тогда было невозможно избавиться от чувства, что мир полон огромных возможностей. И у меня была такая сильная уверенность, такая вера в будущее. Я часто сидел и обдумывал планы спасения моей страны, Виктор. Я хотел стать великим героем. — Глаза Иванова заблестели. — И вот чем это все кончилось. Японцы в здании нашего штаба. Мир лежит в развалинах.

— А мне никогда не нравился Баку, — сказал Козлов. — Он мне казался грязным.

— О да. Но ты принадлежишь к другому поколению. У тебя другой взгляд на вещи.

— Я имею в виду жару, пыль и нефтеперерабатывающие заводы.

— Да, конечно, — сказал Иванов. — Все так. Поэтому ты и не ощущаешь потерю Баку так, как я. В общем, окажи американцам помощь и поделись с ними своими знаниями о Баку. Помоги им разработать план. Хотя я думаю, что из этого ничего не выйдет.

— Что-нибудь еще, товарищ генерал?

Ему еще столько хотелось рассказать своему более молодому подчиненному. Бедный Козлов с его больными деснами и страстью к скучной штабной работе. Иванов почувствовал, что в нем все растет и растет его старая, свойственная многим русским потребность поговорить, излить душу. Он за свою жизнь столько видел, и все это исчезло в пыли. Ему бы хотелось заказать бутылку водки и рассказать Козлову обо всех этих неиспользованных возможностях, о тех вещах, которые могли бы произойти. Но на это не было времени.

— Нет, больше ничего, Виктор Сергеевич. Будь очень внимателен.

Козлов щелкнул каблуками и отдал честь. Вдруг Иванов в порыве чувства сделал шаг вперед. Он обнял Козлова, поцеловал его в обе щеки. Иванов знал, что они вряд ли когда-либо еще увидятся.

Козлова удивил душевный порыв генерала, и он лишь коснулся губами его щеки. Иванов выпустил его из своих объятий.

Когда Козлов ушел, Иванов повернулся к портрету Суворова. Стоя прямо перед ним, он

заметил, что портрет висит криво. „Да, — подумал Иванов, — я никогда ничего такого не совершил. Даже сотой доли. А я собирался стать вторым Суворовым. Вместо этого мне выпал жребий командовать армией в момент поражения и капитуляции“.

Он закрыл глаза. Он смог его услышать. Этот звук, предвещавший начало конца. 1989. Это ужасное скандирование немцев на улицах Восточной Германии. Даже после того, как им не разрешили выходить из казарм, он и его офицеры все еще слышали крики. Каждую ночь в понедельник. Эти крики отражались от стекла и бетона фасада огромного железнодорожного вокзала, звучали по бульварам и аллеям Лейпцига. Сейчас ему казалось, что он уже тогда знал, что все кончено и что после этого его жизнь будет лишь долгой дорогой назад, по которой он шел больше из упрямства, чем в надежде на что-либо. Он только немного понимал по-немецки, но смысл происходящего был ему ясен. Скандируемые слова, обвиняющие его и других военных, волнами текли, заполняя улицы с разрушенными зданиями, переливаясь через стены казарм, не обращая внимания на часовых и колючую проволоку. Настоящий поток ярости. Отдельные лозунги не имели смысла. Они менялись, но их значение можно было обозначить одним словом: провал, провал, провал.

Козлов ничего не имел против холода. Он и не думал о нем. Даже боль в зубах, деснах и челюсти, казалось, объявила перемирие. Скоро прибудет самолет, который отвезет его туда. К американцам. Он был рад, что улетал.

Он по-прежнему не любил американцев. Но отчаяние генерала Иванова устраивало его еще меньше. Ему было стыдно. Несмотря на все свои недостатки, американцы вели себя достойно и делали все, что могли. И они хотели продолжать борьбу. В то время как советская сторона скрывала от них важнейшую информацию и даже сейчас старалась найти способ дискредитировать действия американцев, вместо того чтобы помочь им. „Возможно, это заложено у нас в генах, — думал Козлов, — результат долгих лет обмана и лжи. Возможно, обман присущ советскому человеку от рождения“.

Американцы подошли так близко к победе. У противника практически не осталось средств, чтобы противостоять сухопутным войскам русских. Даже при таком плачевном состоянии армии они могли бы повернуть назад и двигаться на юг через Казахстан. И дальше. Кроме того, американцы с помощью своих замечательных машин нанесли невосполнимый ущерб силам вражеской коалиции. Соотношение наземных сил в значительной степени изменилось.

Единственной проблемой являлось новое японское оружие террора. И все же Козлов не мог представить, что какой-нибудь вид оружия может лишить его народ не только победы, но и национальной независимости. То, что случилось в Орске, — ужасно. Отвратительно. Но это было несравнимо со страданиями, которые перенес его народ во время Великой Отечественной войны. Что случилось со знаменитым русским характером? С духом самопожертвования?

Козлов отказывался считать себя побежденным.

Он был немного удивлен, что у него еще оставались силы. Он всегда считал себя отличным штабным офицером, но он никогда не видел себя в роли храбреца. Он обычно испытывал страх, когда ему приходилось возражать высокому начальству, даже если он знал, что они опасно заблуждаются.

Сейчас наступило время исправлять эти ошибки.

Он не знал, как ему следует поступить. Но если американцы не потеряли надежду, то почему он должен первым выходить из игры.

Американцы. Относиться к ним хорошо было совершенно невозможно. Он вспомнил смутные времена 90-х годов, когда еще курсантом учился в Москве. Девушка, с которой он встречался в то время, мечтала пойти в ресторан Макдональдс, открывшийся на Пушкинской площади. Ему не хотелось туда идти, отчасти из-за ложного чувства патриотизма, на которое способен только курсант военного училища, а отчасти потому, что, учитывая его стипендию, цены там были очень высокими. Но девушка была очень хорошенькой. Звали ее Ирина. И зубы у него тогда не были такими ужасными. Они целовались, она чуть покусывала кончик его языка и обвиняла его в жадности и жестокости. И они пошли в Макдональдс.

Конечно, там была очередь. Но она двигалась с удивительной быстротой. Служащие за чистым, ярко освещенным прилавком улыбались, и он решил, что они, должно быть, иностранцы. Это и было причиной его первого потрясения. Потому что официантка мелодичным голосом с милым московским акцентом спросила их, что они будут заказывать. Он, заикаясь,

произнес незнакомые имена — на занятиях по военной английской терминологии они таких слов, как „Биг-Мак“, не изучали. С потрясающей скоростью на подносе появилась красиво упакованная еда. У него взяли деньги и вернули сдачу, и миниатюрная улыбающаяся девушка приветливо обратилась к следующему посетителю.

Он сидел в безукоризненно обставленном, шумном зале ресторана, с невольным аппетитом поглощал великолепный сандвич и наблюдал за тем, как его девушка быстро и жадно ела, улыбаясь ему, а в небольших просветах между зубами застревали кусочки Америки. Он испытывал непередаваемое чувство боли. В те дни они в училище еще разыгрывали военные игры против американцев, от этой старой привычки очень трудно было избавиться даже сейчас. А тогда проворство, с которым американская система околдовывала его с помощью ресторана, устроив ему засаду из вкусной еды и шипящей кока-колы, контролируя каждое его действие, очень раздражало его. Если американцы были настолько компетентны в таком простом деле, как управление рестораном, то не было сомнения, что в военном искусстве они были значительно сильнее, чем утверждали его начальники. Он пришел к этому выводу, используя диалектику марксизма и закон перехода количественных изменений в качественные.

Проглотив последний кусок соблазнительного сандвича, он потащил свою подружку из этого зала, олицетворявшего для него триумф Америки. На улице они начали громко спорить, привлекая внимание прохожих. Он поклялся ей, что

никогда не ступит ногой в ресторан Макдональдс. Она назвала его самодовольным ослом и идиотом. Эта перебранка происходила на глазах у заинтересованной толпы. После похода в Макдональдс ему не только не удалось переспать с Ириной, но он был изгнан немедленно и навсегда с того плацдарма, который он с боями завоевал в ее сердце. Она даже перестала отвечать на его звонки. Уже позднее он ее случайно увидел. Он бродил по разоренному центру Москвы и, проходя мимо окон этого рокового троянского коня капитализма, заметил разряженную Ирину с другим мужчиной. Она вгрызалась своими маленькими белыми зубками в сочный гамбургер, угощая хрустящим картофелем своего партнера.

Сильный гул моторов самолета вернул Козлова к реальности. Сибирь. Тонкая, как лезвие бритвы, грань между победой и поражением. Именно здесь делалась история, и он понял, что несчастный старый генерал Иванов выбрал для этой миссии неподходящего человека.

Да, любить американцев было невозможно, но он начал подозревать, что у них есть чувство чести. Пытаясь изо всех сил побороть свое ужасное предубеждение, Козлов решил в конце концов поставить на „Биг-Мак“.

Валя с отвращением смотрела на бутерброд. Выступающие углы светло-желтого сыра были на концах почти коричневыми, и хлеб казался пыльным и черствым. Ей не хотелось ни прикасаться к этому бутерброду, ни есть его. Не хотелось ей и пить чай, так как за этот долгий нервный день она выпила слишком много чашек.

— Гражданка Бабрышкина, — сказал следователь, — вы должны что-нибудь съесть, чтобы поддержать себя.

— Я не голодна, — ответила Валя.

Следователь вздохнул.

— Извините, но, к сожалению, я не могу вам предложить что-нибудь более вкусное. Это не фешенебельная гостиница, к которым вы привыкли.

— Я не могу есть.

Следователь по-матерински всплеснул руками. Это был крупный человек с бледным от постоянного пребывания в помещении лицом и бесцветными волосами. Если бы не его рост, он был бы совершенно незаметным в толпе.

— Гражданка Бабрышкина, Валя. Можно я буду называть тебя Вале́й? — спросил он, глядя на стопку фотографий, лежащих в некотором беспорядке около тарелки. Совершенно машинально Валя посмотрела в ту сторону, куда смотрел следователь. — Вообще-то, — сказал громко, — я не думаю, что это будет такой уж фамилльярностью в данных обстоятельствах.

Валя ничего не сказала. Она взглянула на фотографию, лежащую сверху. Даже в тусклом свете ей было видно, что изображено на ней.

— Да, Валя, — продолжал следователь. — Известно, что у тебя хороший аппетит. Мы не допустим, чтобы ты у нас заболела. Ты действительно, — он взял в руки одну из фотографий, затем положил ее обратно, — очень худая. Пожалуйста, съешь что-нибудь.

Как послушный ребенок, Валя отломил половину бутерброда. Но это было все, на что она была способна. Она не могла поднести кусок ко рту.

Следователь обошел вокруг стола, бросившись ей на помощь. Он взял Валины пальцы в свою большую мягкую руку так, что они впились в черствый хлеб, и помог Вале поднести хлеб ко рту.

— Нет, — пробормотала она. Затем она почувствовала, как твердый край сыра и жесткая корка хлеба вонзились в ее губы. Огромная рука, слегка надавливая, держала бутерброд прямо у ее носа, и от отвратительного запаха сыра у нее закружилась голова.

Вдруг следователь решил, что это безнадежно. Он отпустил ее руку, и скомканный бутерброд, падая, скользнул по ее подбородку, оставляя за собой следы сыра и крошек.

Следователь опять вздохнул. На этот раз как разочарованный отец.

— Ты такая непослушная, Валя. Я ведь о тебе беспокоюсь.

Громила пошел назад к своему месту за небольшим столом. На минуту ей показалось, что он забыл о ней. Он взял несколько фотографий и просмотрел их одну за другой, как коллекционер марок просматривает не удовлетворяющий его каталог. На его лице не было и намека на сексуальность.

— Трудно себе представить, — сказал он тихо, как будто самому себе. — Вот эта, например, — он вдруг вспомнил о присутствии Вали. — Ты действительно получаешь удовольствие от этого?

Он швырнул фотографию Вале. Ей показалось, что от фотографии шел омерзительный запах, гораздо хуже, чем запах скверного сыра, лежащего на тарелке.

— Мне просто любопытно, — продолжал следователь. — Хотя боюсь, что у меня не хватает воображения, когда дело касается таких вещей. — Минуту он перебирал фотографии, пытаясь найти какую-то определенную. Затем улыбнулся, подавая Вале еще одну фотографию. — Например, эта. Мне никогда не приходило в голову, что люди делают вот такое, когда они вместе. Боюсь, я недостаточно светский человек.

Валя посмотрела на фотографию. На ней была она с Нарिцким. Это была одна из придуманных Нарицким невинных игр. Казалось, что все это было так давно. Как они узнали? Как давно за ней следили?

Здесь были ее фотографии со всеми любовниками, которые у нее были на протяжении долгих лет. Со всеми, кроме Юрия. Только ее муж не представлял для них никакого интереса.

Следователь тихо выругался, затем бросил фотографию обратно в стопку.

— И теперь вот еще американец, — начал он, — Я немного тебя понимаю. Они такие богатые. Между прочим, сколько он тебе заплатил?

Валя в ужасе посмотрела на него.

— Мне просто любопытно, — сказал следователь.

— Ничего, — крикнула Валя. — О Боже, за кого вы меня принимаете?

Следователь смотрел на нее, как ей показалось, очень долго. Затем сказал:

— А что я должен думать, Валюша? Ты ведь не думаешь, что я поверю, что красивая русская молодая женщина — ну, возможно, уже

не очень молодая — ну, скажем, красивая русская женщина, не так ли? — Он скользнул взглядом с Валиного лица на ее грудь, а потом обратно. В его взгляде еще не было желания. Он просто оценивал животное на базаре. — Итак, не думаешь ли ты, что я поверю, что ты настолько неразборчива... что могла просто лечь в постель с иностранцем, которого встретила всего за час до этого, и при этом не получила какой-либо компенсации?

Валя почувствовала, как ее щеки запылали. Она отчетливо вспомнила голоса, которые слышала в гостинице ночью: крики американцев за тонкой перегородкой и ругань русской женщины, требующей денег.

— Я не проститутка, — сказала Валя спокойно, как бы стараясь убедить саму себя.

— О, я не произносил таких слов, — следователь улыбнулся, на этот раз скорее отечески, чем матерински. — Конечно, нет. Ты просто девушка, которая любит хорошо провести время. И у которой время от времени нет денег.

— Я не проститутка, — выкрикнула Валя. Она схватилась руками за край неустойчивого стола и даже чуть приподнялась со своего места.

Следователь был спокоен.

— Конечно, нет, раз ты так говоришь... Я не приверженец четкой терминологии.

Валя рухнула на стул.

— Я не проститутка, — повторила она с заметной дрожью в голосе.

— Ну, Валя, — продолжал следователь, — Валечка. Давай посмотрим на факты. — Он опять взглянул на разбросанные на столе фо-

тографии, но на этот раз он не стал их рассматривать. — Ты была замужем. Тем не менее за спиной своего мужа у тебя была целая вереница романов. А когда он уехал, предположительно защищать родину, ты даже делала аборт от всем известного типа, торгующего на черном рынке. Давай теперь посмотрим, это был твой третий аборт? Я правильно говорю? — Он взял со стола карандаш.

— Второй, — холодно сказала Валя.

Он сделал какую-то пометку в своем блокноте.

— Это не имеет значения. Ты сделала аборт и избавилась от ребенка, которого зачала от государственного преступника. Которому ты оказала... услуги. Услуги очень сомнительного свойства. — Следователь оторвал взгляд от бумаг и посмотрел вверх. Глаза его светились. — Я не думаю, что тебе будет интересно увидеть фотографии из клиники, в которой тебе делали аборт. Конечно, нет. Тем не менее ты была замужем за офицером Советской Армии, а шлялась по всей Москве с торговцем на черном рынке.

Валя почувствовала, что в голосе следователя вдруг появилась твердость и что-то еще. Он сказал что-то не то. Но что? Она очень устала. Она не могла больше четко думать.

— Забеременела, сделала аборт, спасала свою шкуру в постели с иностранным шпионом. И, конечно, без вознаграждения.

— Что?

Следователь, казалось, был искренне удивлен ее реакцией.

— Какой иностранный шпион? — крикнула Валя. Она чувствовала, как по всему телу про-

шла дрожь. Слово „шпион“ вошло в ее сознание через гены ее предков. От этого короткого слова ей тут же стало страшно.

— А как я должен называть твоего американца?

— Он... он бизнесмен. — Даже сейчас она думала о том, ждет ли он ее в гостинице. Они договорились пообедать вместе в восемь часов. Если бы это было возможно, она бы сейчас вырвалась и бросилась на автобус или троллейбус... она бы даже могла бежать всю дорогу... чтобы броситься в объятия Райдера, которые вселяли в нее надежду на будущее.

Следователь смеялся. Он положительно трясся от хохота. Неуклюжим движением он снял очки, чтобы вытереть набежавшие слезы смеха.

— О, Валя, — сказал он, — Валечка. Ты ведь не думаешь, что я поверю, что ты можешь быть такой легкомысленной?

Валя посмотрела на него со смешанным чувством замешательства и ужаса.

— Ну, мой ангел, — продолжал он, — твой последний клиент — извини меня, твой последний любовник — уорент-офицер армии США. Офицер разведки, и не меньше. Вот, Валя, ты должна быть более осторожной. Чтобы замести следы, тебе надо придумывать истории по-лучше.

Валя сидела оцепенев. О нет. Нет, нет, нет и нет.

— Почему бы тебе просто не сказать нам, — продолжал следователь, — какую информацию ты ему передала? Какие послания передавал тебе твой муж для американцев?

— Вы сумасшедший, — заявила Валя, заикаясь от потрясения. — Это бред. Юрий... Юрий бы никогда...

— Я хотел бы знать, о ком ты говоришь, — сказал следователь. — Когда ты говоришь Юрий, ты имеешь в виду своего покойного мужа?

Валя затаила дыхание. У нее внутри все опустилось. Кровь застыла в жилах. Веки начали подергиваться.

— Юрий? — воскликнула она.

— Но, Валя — это, конечно, для тебя не новость? Ведь ты знала?

— Юрий?

— О Боже. О Валя, Извини. Я думал, что тебе сказали. — Следователь начал копаться в лежащих перед ним бумагах. — О, где же это? Я не хотел быть таким бестактным. Извини меня, пожалуйста.

— Юрий?

Следователь взглянул на нее, так как интонация ее голоса изменилась. Было видно, что он действительно чувствует себя виноватым.

— Конечно, я понимаю, что такие оплошности случаются. Я хочу сказать, что... это произошло недавно. Но даже когда дело идет о шпионаже... необходимо соблюдать приличия.

— Юрий? — Валя начала падать со стула. Она закрыла глаза и почувствовала запах сыра на волосиках над губой.

Следователь вскочил со стула и поймал ее.

— Сейчас, сейчас, — сказал он. — Это для тебя ужасный удар. Я почти уверен, что ты не замешана во всем этом.

— Дайте, пожалуйста, воды.

Следователь подал ей стакан отвратительно-го чая. Она сделала глоток и тут вспомнила, почему решила больше не пить. Ее мочевой пузырь разрывался.

Она попыталась встать. Но рука следователя, лежащая на ее плече, крепко прижимала ее к стулу.

— Пожалуйста, — сказала Валя. — Разрешите мне пойти в туалет.

— Все в свое время, — рука резко прижала ее вниз. — Это не срочно, не правда ли? Мы ведь уже почти разрешили вопрос о твоём участии во всем этом?

Ей надо было в туалет. Она крепко сжала бедра и скрестила ноги.

— Итак, правильно ли я тебя понял, — сказал следователь. — Ты не имела ни малейшего понятия о том, что твой муж был предателем? Что его расстреляли за помощь противнику?

Валя ничего не понимала. Он, видимо, разговаривал с кем-то другим, кто был в комнате. Эти слова не имели к ней никакого отношения, к ней, к ее жизни.

— Конечно, ты понимаешь, что наказанием за такое предательство всегда является смерть?

Предательство? Ничего, кроме предательства? Но о каком предательстве говорил он сейчас? В этом не было никакого смысла. Это было какое-то сумасшествие, и оно началось, когда они пришли за ней в школу. После всех ее усилий произвести хорошее впечатление на начальство, они пришли за ней и забрали на виду у учеников, они бесцеремонно вытолкали ее из класса. Ей становилось плохо, она понимала, что никогда не сможет объяснить все это.

О чем он говорит? Шпионаж? Юрий? И он сказал, что Юрий мертв. Не может быть, чтобы Юрий был мертв. Она только вчера ночью думала о нем.

— Пожалуйста, — сказала она. — Мне очень нужно в туалет.

Огромная рука ударила ее по щеке. Она упала на пол, позади нее свалился стул, на котором она сидела. Ее тело совершенно не подчинилось ей. Затем она почувствовала сильный удар ногой в поясницу.

Она застонала. Каблуком ботинка он вдавил ее тело в бетонный пол. Затем ее мучитель ударил ее в крестец. От удара ее тело стало скользить по полу. Но ботинок следовал за ней. Следовательно ударил ее еще раз. И еще раз. Теперь по позвоночнику. По ее маленьким худеньким ягодицам. Каблук бил через платье, через ее мокрое платье. Жесткий носок ботинка пытался попасть ей в пах.

Над собой она услышала тяжелое дыхание следователя. Она узнала этот звук. Она много раз раньше слышала этот звук. Под тяжестью тел многих мужчин.

— Сука, — сказал следователь. Он тяжело дышал и с трудом произносил слова. — Проститутка. Шлюха.

„Да, — подумала Валя, как во сне, ожидая следующего удара. — Да, я шлюха. А Юрий. Где Юрий?“

Американец собирался увезти ее.

Она опоздала на обед.

Вдруг огромная лапа схватила ее за волосы и потащила вверх. Она думала, что ее шея сломается и почти желала этого. Следователь та-

шил ее по полу, как мертвое животное, и она чувствовала боль во всем теле. Он схватил ее второй рукой, скользнув по ее груди. Теперь он стоял сзади нее и держал ее за волосы и за локоть.

Он потащил ее обратно к столу, на котором лежали фотографии, ткнул ее в них лицом, затем опять приподнял ее голову за волосы достаточно высоко, чтобы она могла видеть фотографии.

— Посмотри, — прокричал он, задыхаясь. — Посмотри. Вот на это. На это. Посмотри на себя.

Валя начала плакать. Это не были слезы взрослой женщины или слезы от физической боли. Это был плач беспомощного ребенка. Она чувствовала, что сейчас произойдет. Она почувствовала это по движению его руки.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Пожалуйста, не надо.

Следователь кинул ее на пол, как отбрасывают ненужную оберточную бумагу.

— Ты мерзкая тварь, — сказал он. — Это все, о чем ты можешь думать? — Он подошел к ней и плюнул ей в лицо. Она свернулась клубком, как ребенок, и зарыдала.

— У меня и мысли не было пачкаться с такой, как ты, — сказал следователь.

— Я хочу попросить прощения за несдержанность моего товарища, — сказал ей молодой холеный офицер. Он протянул руку через стол к ее лицу. Она отпрянула. Но он опередил ее и похлопал кончиками пальцев по щеке. — Ну-ну. Просто дайте мне посмотреть.

Валя захныкала.

— Сейчас уже не так страшно, как было. Но ничего не может испортить красоту такой милой девочки, — продолжал офицер. Он был очень симпатичным и очень спортивным, и, сидя перед ним, Валя испытывала стыд. Она чувствовала себя униженной, как будто ее изнасиловали на свалке.

— Он очень много работал в последнее время, — объяснил молодой офицер. — Сейчас, во время войны, Москва далеко не спокойное место. Извините, если он сделал вам больно. — Молодой человек убрал свои мягкие пальцы. — Извините, что все получилось так неудачно.

Валя зарыдала.

— Мы не дураки, — сказал молодой офицер живо. — Мы знаем, что вы не шпионка. Смешно, что мой коллега утверждал обратное. Валя, вы хотите чашку чая? Или еще чего-нибудь?

— Нет.

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы вы постарались понять. Ситуация очень сложная. Для невнимательного наблюдателя некоторые ваши действия могут иметь совсем другое значение. И я думаю, вы признаете, что иногда были слишком неблагоразумны.

Валя вспомнила о своих мучениях. Она чувствовала раскаяние. Даже Мария Магдалина никогда не испытывала такого глубокого и искреннего раскаяния.

— Мы хотим, — продолжал лощеный молодой человек, — только помочь вам. Несомненно, тот факт, что вы были замужем за человеком, который предал Родину, усложняет дело, и, кроме того, ваша краткая встреча с американским

шпионом. Ну, конечно, он не совсем шпион. Это, разумеется, небольшое преувеличение. Кроме того, он уехал — уехал из гостиницы сразу после вас. Обратно на фронт, — сказал он весело. — Это сложная ситуация. И, конечно, некоторые ваши действия связаны с нарушением обычного уголовного кодекса. Например, некоторые ваши приключения с гражданином Наричким. Я боюсь, что даже, если здесь нет и намека на шпионаж или что-нибудь подобное, то уголовное законодательство тоже необходимо соблюдать.

Молодой человек пристально посмотрел на Валю, как бы ожидая, что она поможет ему выйти из этой ситуации. Она сидела и старалась вызвать в своей душе настоящую и глубокую скорбь, которую она не испытала при известии о смерти Юрия. Но она ничего не чувствовала. Юрий был для нее только орудием. Сейчас она это поняла. Она была ужасным человеком. Она сожалела об этом сейчас. Она сожалела о том, что совершила. Она сожалела о всех тех немногих минутах счастья, которые у нее были. Но жалости к Юрию она не испытывала.

— Валя, — сказал молодой офицер почти нежно. — Я просто содрогаюсь при мысли, что вам придется отправиться в тюрьму.

Валя взглянула на него.

— Я просто не могу себе этого представить, — продолжал офицер. — К тому времени, когда вы отсидите срок, этой прекрасной внешности уже не будет. Я боюсь, что от нее ничего не останется, и преступно растратить такую красоту. Ее увидят только отвратительные женщины, которые сидят в наших тюрьмах.

Кроме того, я боюсь, что мы отстаем от запада в реорганизации системы тюрем. Вы уверены, что не хотите чашку чая?

Валя покачала головой. Она безумно устала. Тюрьма?

— Не беспокойтесь, — продолжал молодой человек, — мне кажется, я вижу выход из этой ситуации, Валя, — сказал он мягко, лаская ее глазами, — а вы действительно очень красивая женщина. Даже сейчас, в таком виде. Я уверен, что вы могли бы оказать нам огромную помощь.

Валя посмотрела офицеру прямо в глаза. В другое время она бы с удовольствием пококетничала с человеком, у которого были такие глаза. Сейчас же эти глаза вселяли в нее невыносимый ужас.

— Мне просто... Мне просто хотелось жить весело, — сказала она кротко.

Молодой человек доброжелательно улыбнулся:

— Так вы хотите помочь нам, не правда ли?

3 ноября 2020 года

Нобуру закрыл глаза и прислушался. В эти ночные часы даже через толстые стены и пуленепробиваемые стекла бункера он слышал голоса, голоса людей. Они вышли на улицы, несмотря на эпидемию болезни Рансимана, которая начала свирепствовать в городе. Десятки тысяч людей, хотя сосчитать их число точно было невозможно. В здании штаба личный состав продолжал праздновать успех „Скрэмблеров“, не обращая внимания ни на что. В это же время на улице, в темноте, люди, поклоняющиеся другому богу, жаловались на свою судьбу на непонятном языке жителей пустыни.

Нобуру взглянул на спину своего адъютанта, одетого в ладно сидящую военную форму. Акиро покорно сидел за командно-информационным пультом и сортировал информацию. Замечание, сделанное Нобурой час назад, выбило молодого офицера из колеи. Нобуру знал, что Акиро продолжает искать безобидное объяснение словам генерала, но он также знал, что его адъютант ищет объяснение не там, где нужно.

Сквозь стены все еще было слышно неумолимое ритмичное скандирование.

— Смерть Японии, — кричали они.

Вначале Нобуру не разобрал слов. Для этого ему нужен был переводчик. Но ситуацию он понял мгновенно. Он уже давно ожидал этого.

Несмотря на то что „Скрэмблеры“ свою миссию выполнили, демонстранты начали собираться. Офицер разведки его штаба доложил о начале восстания в старом квартале около Башни Девственниц. Вспышка эпидемии болезни Рансимана распространялась от двери к двери, от окна к окну. Но это не останавливало азербайджанцев. Тысячи и тысячи людей шли сюда, гонимые животным инстинктом. Как Токио объяснит это? Эти темные, почти неграмотные люди узнали об огромных масштабах поражения, понесенного иранцами и повстанцами, почти так же быстро, как и сам Нобуру. Узнав об этом, они стали выходить из темных переулков, покидали свои обветшалые многоквартирные дома, в которых шахты лифтов использовались только для сбрасывания мусора, а отвратительная вода едва текла из крана, если вообще текла. Правовверные вышли из лачуг, огромным поясом окружавших официальный центр города, из домов, построенных из картона и жести, из целых кварталов брошенных железнодорожных вагонов, в которых жило уже третье поколение семей. Они шли под черно-зелеными знаменами ислама, знаменами смерти. Внутри здания штаба их голоса стали слышны, когда люди взобрались на середину горы, а сейчас, когда они встали огромным полумесяцем перед входом в военный комплекс, их голоса проникали даже в каменный отсек в глубине горы, в подземный оперативный центр, в котором офи-

церы Нобуру, ничего не подозревая, пили за победу.

Не обращая внимания на протесты своих подчиненных и местной национальной гвардии, в один голос утверждавших, что ситуация слишком опасна, Нобуру вышел на улицу, где уже начинало темнеть. Он хотел увидеть все своими глазами.

— Что они говорят? — требовательно спросил он у своих охранников, когда они, уже не обращая внимания на опасность, решительно шли по улице и вдыхали отвратительный запах отравленного воздуха. — Что значат эти слова?

Все вокруг было в дымке. Люди, знавшие местный язык, стыдливо отводили глаза.

— Что это значит? — настойчиво спросил Нобуру. — Что они скандируют?

Офицер национальной гвардии, отвечающий за безопасность, посмотрел на Нобуру, как непослушный ребенок, которого поймали за шалостью.

— Они кричат „Смерть Японии“.

Смерть Японии. О да.

Смерть. Смерть Японии.

Он не думал, что все произойдет так быстро. Но он так часто ошибался.

Смерть Японии.

Неужели они не чувствовали этого? Как они могли быть настолько самонадеянными? Неужели они этого не понимали? Наступает конец, независимо от того, есть „Скрэмблеры“ или нет.

Смерть Японии. Толпа не говорила человеческим голосом. Выражаемые толпой чувства не имели ничего общего с разумным сознанием отдельного человека. Каждый человек становился

частью этой огромной массы, поведение которой нельзя объяснить никакими словами. Толпа превращалась в единый организм, огромный, глухой и слепой. Ни одна из ее частичек не могла ничего изменить. Никакая логика не действовала на них, как будто всемогущий Бог закрывал им уши. Толпа буйствовала, не ведая страха.

Нобуру представил себе, какими бесстрастными словами офицеры штаба в Токио попытались бы остановить толпу.

— Пожалуйста, — молил Нобуру местный офицер, — не подходите ближе.

Нобуру шел к большим железным воротам, отделявшим толпу от территории штаба.

— Господин генерал, пожалуйста, не ходите туда.

Нобуру продолжал идти. Освещаемый последними лучами заходящего солнца. Его притягивал голос толпы, как будто он слышал голос женщины, произносящей в темноте его имя.

— Пожалуйста.

Здание штаба имело форму буквы „П“. Короткие боковые стороны образовывали в середине двор, выходящий на более широкое пространство, используемое как стоянка для военных машин и как площадка для проведения парадов. Из-за трудностей военного времени она сейчас пустовала. За вымощенным камнем и зацементированным пространством поднималась стена, окружающая всю территорию штаба по периметру. Стена была выше человеческого роста, а сверху была укреплена проволоочная спираль, связывающая дозорные башни, из ко-

торых автоматические орудия молчаливо наблюдали за находящейся за воротами толпой.

Нобуру направился прямо к центральным воротам. Огромные железные двери с частично погнутыми или поломанными пиками наверху были сейчас закрыты. У Нобуру не было четкого плана действий. Ему просто хотелось своими собственными глазами увидеть начало конца.

Свет заката казался мягче под покровом стены. Люди в толпе кричали, как бы прося его поторопиться.

Офицер службы безопасности схватил Нобуру и потянул его за рукав, умоляя вернуться.

Они оба остановились.

Прямо у них перед глазами люди начали взлетать в воздух, как будто у них были невидимые крылья.

Несколько первых человек поднялись в воздух недостаточно высоко, и их тела зацепились за проволочную спираль и повисли на ней без движения. Один взлетел высоко в небо, и было страшно смотреть, как он упал на пики ворот, и его тело проткнуло насквозь так быстро, что он не успел издать ни единого звука.

Нобуру был в недоумении. Что это? Какая-то новая загадка Востока?

В течение нескольких секунд около полдюжины человек из скандирующей толпы попали в западню проволочной спирали, стараясь взлететь над стеной и пробраться на окруженную стеной территорию, где находился Нобуру. Они принимали свои муки с удивительным мужеством. Безмолвно запутываясь в острой, как бритва, проволоке, люди распластывались на гребне стены. Они даже не вздрагивали, когда

провокола впивалась им в шею или голову. Казалось, что они совершенно не чувствуют боли. Они взлетали в воздух и, не долетев, опускались на стену, чтобы принять муки. Человек, насаженный на пикую ворот, не издал ни единого звука.

Все большее и большее число странных ангелов взлетало из толпы. Нобуру не понимал этих акробатических упражнений. В его памяти всплывали кадры из документальных фильмов о событиях последнего десятилетия. Мусульманские фанатики, истязающие себя во имя Аллаха. Восстания, революции, горящие города. Арабские ночи и ужасные дни. Постоянные призывы к кровопролитию. Он знал, что вначале азербайджанцы призывали к убийству армян, затем к убийству русских. Еще раньше их братья по крови на юге кричали „Смерть американцам“.

Сейчас же они кричали „Смерть Японии“. И он знал давно, что так должно быть.

„О людская гордыня“, — думал он, и его сердце наполнялось жалостью к своему народу.

Наконец, один из фанатиков взлетел над воротами. Он пролетел дугой над своим пронзенным собратом и, извиваясь в полете, с глухим стуком упал всего в нескольких метрах от Нобуру и единственного оставшегося охранника.

Охранник держал пистолет наготове. Он бросился к незваному гостю, выкрикивая приказания.

Человек не двигался.

Вдруг охранник отпрянул от тела человека. Это было неестественное движение, оно напоминало Нобуру кошку, которая вдруг остановилась и, чувствуя опасность, отвернула морду.

Охранник повернулся и пронесся мимо Нобуру, не обращая на него никакого внимания. Человек что-то невнятно бормотал, но Нобуру смог различить только одно слово: „Чума“.

Нобуру продолжал идти вперед, пока чуть не коснулся тела носками ботинок. Оба человека пристально смотрели друг на друга. Мертвый житель Баку смотрел вверх на безукоризненно-го японского генерала, а генерал, застыв от любопытства, смотрел вниз на этого человека.

Болезнь Рансимана. В этом не было сомнения. Мраморно-белая, лишенная красок кожа. В глазах выражение боли, не исчезающее даже после смерти. Труп лежал, раскинувшись на земле.

Подняв глаза и посмотрев на трупы, вытянувшиеся вдоль проволоки, Нобуру подумал, что надо, чтобы начальники в Токио увидели все это. Они там, в Токио, ожидают благодарности, соблюдения договоров, законности, получения процентов от капиталовложений. В Токио считают, что мир разумен.

Еще одно тело перелетело через стену и с треском упало на землю. Они там, в Токио, ожидали благодарности. И они ее получили.

Небесные подарки летали в воздухе этой страны. Народ щедро отдавал своих мертвецов. Вот такие великолепные подарки. Нобуру очень бы хотелось завернуть хотя бы одно из этих тел и отослать его в Генеральный штаб в Токио.

Нобуру опять вспомнил о трупе, лежащем у его ног. „Тебе повезло, — сказал он мертвецу. — Ты был одним из наших друзей. Если бы ты был одним из врагов Японии, если бы ты прожил свою жизнь в городе Орске или же был

одним из тех американских военных, то твои страдания бы только начинались“.

Толпа за стеной издала такой пронзительный вопль, сила которого была подобна силе шторма, спрессованной во времени. Этот вопль пронзил все тело Нобуру. Он не мог описать этот вопль с помощью известных ему слов, так как не существует обычных слов, способных описать то, что чувствует человеческое сердце.

„Мы хуже любых животных“, — подумал Нобуру. Он нагнулся и закрыл мертвые глаза человека.

Он повернулся и пошел по парадной площади к небольшой группе офицеров, с ужасом ожидающих его.

— Все в порядке, — уверил их Нобуру, — я своевременно сделал прививки. Токио побеспокоилось обо всем.

Он отдал приказ открывать огонь только в том случае, если будет предпринята попытка ворваться на территорию штаба. После этого он не оглядывался, но продолжал все видеть. Воин из сна все знал. Мстительные лица мертвецов, жители Орска, дрожащие от непонимания происходящего, видение, приходящее к Нобуру даже тогда, когда он засыпал на очень короткое время, — американцы из Африки. Эти мертвые американцы из сна были хуже всего, гораздо хуже, чем реальные мертвые тела, переброшенные через стену. Каждый раз, когда эти видения приходили к нему, они становились четче. Они даже подходили все ближе. Скоро они дотронутся до него.

Воин из сновидения понимал, что все уже кончено.

В кабинете Нобуру, где было прохладно благодаря работающему кондиционеру, Акиро убеждал генерала, что волнения были случайностью, вызванной ложными слухами, или, возможно, даже спровоцированы американцами и являлись частью их хитроумного плана.

Нобуру с удивлением взглянул на своего молодого адъютанта.

— Вы действительно верите, — спросил Нобуру, — что эти люди станут слушать американцев?

— Токио говорит...

— Токио далеко, Акиро.

— Офицер разведки сказал...

— Он врет, Акиро. Он ничего не знает.

Теперь настала очередь его адъютанта удивляться. Это невероятно, чтобы японский генерал прямо сказал, что другой офицер, хотя и младший по званию, лжет.

— Он боится, — продолжал Нобуру, пытаясь объяснить молодому человеку, убедить его. — Он не понимает, что происходит. Он целиком верит Токио.

— Господин генерал, — сказал его адъютант, — невозможно поверить, что эти люди готовы напасть на нас безо всякого повода. Во-первых, мы им дали все, во-вторых, мы нужны им. Без нас...

— Акиро, — сказал Нобуру снисходительно, — вы рассуждаете логически. — Он махнул рукой в сторону зашторенного окна. — Но эти люди там... Я боюсь, они не уважают законы логики.

— Такая ситуация невозможна, — сказал Акиро официальным тоном.

Нобуру кивнул, потирая подбородок.

— Я согласен с вами.

— У нас есть договор.

— Да, договоры...

— Они должны соблюдать свои договорные обязательства, наши соглашения.

— Конечно, — сказал Нобуру.

— Они не могут предать нас.

— Они считают, — сказал Нобуру, — что это мы их предали. Что это наша вина, что американцы добились успеха на поле сражения. В случае неудачи они не винят своих врагов, а винят своих союзников. Просто, такова логика их мышления.

— Это непостижимо.

— Да, — согласился Нобуру.

— Они должны соблюдать соглашения.

Нобуру слегка улыбнулся молодому человеку.

— Или мы должны их проучить, — заключил Акиро.

Нобуру повернулся к закрытому занавесками окну и поднял руки, как будто дирижировал хором, стоящим в темноте на улице.

— Послушайте их, — прошептал он. Скандирование то затихало, то опять становилось громче, то затихало, то опять становилось громче. И так без конца. — Послушайте, Акиро, и скажите мне, что вы слышите.

Эти два человека слышали одно и то же, но они пришли из разных миров. Затем Акиро сказал:

— Я слышу голос толпы.

Нобуру продолжал слушать.

— Нет, — сказал он молодому человеку, — Это голос смерти.

Президент Уотерс только что съел чертовски большой чизбургер. Он устал слушать советы, независимо от того, исходили они от госсекретаря или от его жены. Советы экспертов ввергли их в эту пропасть, и он не доверял советам тех же самых экспертов, но теперь уже относительно того, как вытащить Соединенные Штаты из этой пропасти. Пока еще он точно не знал, что собирается делать, но он знал, что на этот раз он собирается все решать сам.

— Господин президент, — раздался голос.

Когда вошел Уотерс, все в комнате вскочили. Быстро оглядевшись вокруг, президент удостоверился, что все главные игроки были на месте. Председатель Комитета начальников штабов с лицом, похожим на маску старой охотничей собаки, и госсекретарь, похожий на ученого из Гарварда, впавшего в слабоумие, кем он и был на самом деле. Все они были здесь, включая этого очень ловкого шулера Боукветта и его некрасивую помощницу.

— Садитесь все. Пожалуйста, садитесь. Я знаю, что вы все очень устали.

— После вас, господин президент, — сказал советник по национальной безопасности. Это были первые слова, которые он произнес с тех пор, как стало известно о разгроме в Орске. Раньше он был ярким сторонником этой операции и сейчас явно пересматривал свою точку зрения.

Уотерс сел, слизывая с губ остатки приправы. Чизбургер был очень вкусным и толстым,

посыпанный луком и тертым сыром, обильно политый кетчупом. Ей-богу, это была настоящая американская пища, и Уотерс с гордостью ее съел. У него даже вошло в привычку напоминать шеф-повару, чтобы он не рассказывал жене о его маленьких прегрешениях. Затем он решил от этого отказаться. Какого черта! Если президент Соединенных Штатов может отправлять вооруженные силы страны на поле боя, то он может, черт возьми, и съесть чизбургер без согласия Конгресса. И будь прокляты кровавое давление и уровень холестерина. И если эта чертова заваруха в Советском Союзе не выбьет его из колеи, то он сомневался, что его может свалить съеденный чизбургер. Он только жалел, что у него не хватило смелости попросить у шеф-повара приготовить ему картофель-фри.

— Свяжите меня с полковником Тейлором, — потребовал Уотерс.

— Сэр, он ждет вас на проводе, — сказал офицер связи.

— Отлично. — Уотерс быстро повернулся к Боукветту: — Клифф, у вас есть какая-нибудь дополнительная информация об этой демонстрации у японского штаба, или как там еще ее можно назвать.

Боукветт мгновенно вскочил.

— Ничего нового о ситуации в Баку нет, сэр. У нас есть только изображение на экране. На основании анализа внешней картины происходящего я пришел к выводу о правильности нашей первоначальной точки зрения — эти действия направлены против американцев и организованы совместно японцами и исламским правительством Азербайджана. Это ответ на выступление американских войск, это демонстрация солидар-

ности с японцами. Вы же знаете, как мусульмане любят маршировать по улицам, а ненависть к американцам у них в крови.

Лицо Тейлора появилось на экране. Воротник его военной формы выглядел грязным и мятым, и, несмотря на шрамы, на его лице были четко видны глубокие складки и темные круги под глазами, результат усталости. Но выражение его глаз было очень живым.

— Добрый день, полковник Тейлор. Какое время дня сейчас там, где вы находитесь?

— Ночь, господин президент.

— Ах да, верно. Вы ведь впереди нас.

Уотерс на мгновение замолчал, чтобы получше рассмотреть лицо Тейлора. Можно ли доверять этому человеку? Когда столько людей подвело его. После того как один из подчиненных Тейлора обвинил его в том, что он не выполнил свой долг, и в том, что он неверно оценил ситуацию. В любое другое время Уотерс освободил бы от должности такого сомнительного типа. Но сейчас он был в отчаянии.

— Полковник Тейлор, — сказал Уотерс. — Я посмотрел присланную вами концепцию операции. Председатель Комитета начальников штабов сделал все возможное, чтобы объяснить мне, что это означает. Но я бы хотел услышать все это лично от вас. Объясните мне работу ваших боевых систем. Простыми словами для простого человека.

На испещренном шрамами лбу Тейлора резко выделялись нахмуренные брови.

— Хорошо, господин президент. Для начала, эта идея принадлежит не мне. Пока я командо-

вал своим полком во время проведения операции, один мой старый приятель поработал за меня мозгами. Концепция операции была разработана полковником Уильямсом, командиром Десятого воздушно-десантного полка, на основе разведывательных данных, полученных вчера одним молодым офицером.

Краем глаза Уотерс увидел, что на лице Букветта появилась гримаса. „Позже придется разобраться с этим“, — подумал Уотерс. Затем он опять сконцентрировал все свое внимание на разговоре с Тейлором.

— Господин президент, — продолжил Тейлор, — я хочу быть с вами до конца честным. Это очень сложная задача. Но даже ради потенциальных результатов стоит попробовать. — Тейлор на минуту отвел глаза, и Уотерсу очень захотелось узнать, насколько сильно этот армейский офицер сомневается сейчас в себе и в своих возможностях.

— Все началось, — сказал Тейлор, — с того, что нам повезло. Японские компьютеры, управляющие боевыми действиями, считались неуязвимыми. Но молодой уорент-офицер из Десятого полка, работая вместе со своим советским коллегой, разгадал базовый компонент компьютера, подобранного русскими с подбитого японского летающего командного пункта. Насколько я понимаю, вам уже немного рассказали об этом деле, но позвольте мне объяснить это еще раз, уже с точки зрения возможностей использования этого открытия в боевых действиях. Используя информацию, полученную нами из „мозга“ компьютера, мы смогли с помощью электронного оборудования транслитерировать различные компьютерные программы наступа-

тельных действий посредством языка программного обеспечения, совместимого с языком, используемым в японских компьютерах. И что еще важнее, у нас сейчас есть средство ввести все, что мы хотим, в систему японцев и сделать это очень быстро. Конечно, японцы, насколько мне известно, ничего об этом не знают. Если нам удастся связаться с одним из их главных терминалов до того, как они поймут, что их системе угрожает опасность, мы могли бы нанести по ней смертельный удар. — Не было сомнения, что Тейлор очень волновался, рассказывая о плане операции. Горячность, чувствовавшаяся в его голосе, была первым проявлением настоящего энтузиазма, которое президент видел за последние несколько часов.

— Возможности этого невероятны, — продолжал полковник. — Мы можем ввести в их систему свои команды и заставить их совершать ужасные ошибки. Мы можем не только дезориентировать системы управления противника, но и дать им команду атаковать друг друга. Мы можем дать команду узлам связи самоуничтожиться. Мы сможем разбалансировать координатную сетку любой автоматической системы картографирования. Мы также сможем ввести информацию, которая исказит картину реального состояния дел, поступающую к командованию противника. Они будут сидеть за своими мониторами, думая, что наблюдают за полем боя, хотя на самом деле все, что они увидят, будет лишь оптическим обманом. А мы будем волшебниками, создающими эти картины. По крайней мере, мы разрушим их веру в свое электронное оборудование. Мы будем менять не только параметры системы, но и восприятие

операторов, работающих на них. — Тейлор взглянул президенту в глаза, хотя он и находился в другом полушарии. — Все гениальное всегда просто. В каждую японскую военную систему встроен механизм самоуничтожения. По всей видимости, это сделано для того, чтобы исключить возможность попадания ее в руки противника. Но, кроме того, они работают как предохранительные приспособления на тот случай, если, скажем, иранцы повернут против них...

— Этого никогда не произойдет, — пробормотал Боукветт так, чтобы его услышали.

— ...тогда японцы просто пошлют электронные сигналы на все системы, находящиеся в руках иранцев, и дадут машинам команды самоуничтожиться. Анализ оборудования, захваченного русскими, показал, как это сделано. И это очень просто. Возможно, нам даже удастся уничтожить этот новый тип оружия.

— „Скрэмблеры“, — сказал Уотерс.

— Да, сэр, „Скрэмблеры“. — Тейлор скривил рот, и его лицо стало похоже на лицо мертвеца с едва заметной усмешкой. — К сожалению, это возможно осуществить только с помощью главного компьютера управления японцев. Это, так сказать, предыстория. План моих действий таков: я хочу взять свой командный вертолет и пять М-100 с ротой добровольцев и совершить налет на японский штаб в Баку. Мы используем все имеющиеся у нас системы введения в заблуждение, а когда будем находиться в нужном районе, заблокируем все имеющиеся там системы. Десятый полк сможет помочь нам. Одновременно с нашей передислокацией в заданный район будет проведена маскировочная операция по дезориентации противника, которая будет

состоять в том, что остальная часть моего полка начнет отходить на север. Исчезновение нашей группы будет незаметно в этой суматохе. И мы будем двигаться очень быстро. Кроме того, мы не будем действовать вслепую. Советское командование посылает нам офицера, знающего расположение штабного комплекса в Баку.

Тейлор на минуту замолчал, и президент понял, что он старается отыскать в своем уставшем мозгу какой-нибудь еще важный аргумент, который он, возможно, забыл.

— Мы рассчитываем, что японцы не станут разрушать свою компьютерную систему, что бы ни произошло, — продолжал Тейлор. — Так как они не знают, что мы расшифровали их код, они будут считать, что мы не сможем войти в нее, даже если потратим год на то, чтобы разобрать ее на части. Повторяю, они считают, что система абсолютно недоступна, что-то вроде крепости будущего. Мы рассчитываем быстро приземлиться, ввести свои команды и скрыться. — Тейлор пристально посмотрел на президента. — Я хочу осуществить это завтра.

Уотерс уклончиво кивнул.

— Это очень трудное дело, — признался Тейлор. — У нас не будет времени на репетиции. Нам придется произвести одну дозаправку, и советские войска должны помочь нам сделать это. Мы не можем позволить себе серьезные потери — в ней должны быть задействованы минимальные силы. Мы рассчитываем на то, что, в силу своей чрезмерной самоуверенности, японцы не уничтожат свой компьютер управления и не остановят нас. Конечно, на обратном пути мы будем страшно уязвимы — по-видимому, японцы смогут обнаружить М-100 со стороны

задней полусферы. Господин президент, честно говоря, я не могу ручаться за исход операции. Все, что я вам сказал, это предположения. У нас, возможно, ничего не получится. Но... как американский солдат... я считаю, что было бы стыдно не попробовать.

Налет твердой уверенности исчез с лица Тейлора, и он выглядел теперь как обычный человек, уязвимый и усталый.

— Господин президент, мы нанесли им сокрушительный удар сегодня. Мы разрушили их лучшие системы передового базирования. Их фронт в Средней Азии разгромлен. — По всей вероятности, Тейлор подыскивал слова, с помощью которых он мог бы объяснить состояние дел. — Единственное, что еще объединяет их, — это успех этого нового оружия.

— „Скрэмблеры“, — произнес Уотерс, как будто пробуя слово на вкус.

— Да, сэр. Иначе мы бы разбили их наголову. Видите ли, сэр, в войне часто проигрывает тот, кто первый уходит с поля сражения. Было много таких случаев, когда командующие считали, что они разбиты, хотя на самом деле у них было гораздо лучшее положение, чем у противника. Мы осознаем, какое серьезное поражение нам нанесли японцы. Но очень трудно правильно оценить истинное положение дел противника. — Глаза Тейлора просительно сверкали там далеко, за тысячи километров отсюда. — Господин президент, просто дайте нам шанс. Давайте не будем выходить из игры. Вспомните, какая была ситуация в стране после африканской интервенции, когда казалось, что все разваливается. Это была долгая-долгая дорога назад. Но мы ее уже преодолели. Давайте не бу-

дем выходить из игры, пока у нас есть хоть один шанс.

Уотерс вздохнул.

— Полковник Тейлор, — сказал он, — вы действительно считаете, что у вас есть шанс осуществить это?

— Да, сэр, у нас есть шанс.

— Никто больше, кажется, так не думает. Эксперты считают, что вам не удастся выполнить даже половины намеченного плана.

— Сэр, я знаю, на что способны мои люди и мои машины. Сегодня я еще раз в этом убедился.

— Советские власти хотят выйти из игры, — добавил Уотерс, — и хотя, конечно, я не хочу преуменьшать наши потери, но советская сторона потеряла население целого города и его окрестностей, хотя они еще не начали производить точные подсчеты. Как я понимаю, в городе — кажется, Орск? — было много беженцев из южных районов, где идут боевые действия. Я не уверен, что смогу убедить их в разумности этого шага, даже если бы мне самому эта идея и нравилась.

— Господин президент, — сказал Тейлор, — я ничего на это не могу возразить. Все, что я могу вам сказать, по-моему, еще не наступило время для капитуляции.

— Но, — вмешался госсекретарь, — речь не идет о капитуляции. Мы рассматриваем варианты возможных путей выхода из военных действий: можно либо просто выйти из зоны конфликта при взаимных или многосторонних гарантиях, или временно прекратить огонь в этой

зоне, а затем урегулировать эту проблему на международном уровне.

— Какие бы слова вы ни использовали, — сказал Тейлор холодно, — это все равно капитуляция.

— Джордж, — перебил его председатель Комитета начальников штабов, — ты превышаешь свои полномочия, и причем очень сильно.

Тейлор ничего не ответил.

Уотерсу хотелось бы знать, что этот потрепанный в боях полковник действительно может предложить. Что составляет его сущность, кроется ли за военной формой подлинная тревога за страну.

— Полковник Тейлор, — сказал Уотерс. — Я даже получил докладную от одного из наших подчиненных, полковника Рено, который полагает, что ваша компетентность не соответствует занимаемой вами должности. В своей докладной он представляет дело так, что сегодняшний день был для вас крайне неудачным.

Выражение лица Тейлора осталось бесстрастным.

— Господин президент, если у вас есть какие-нибудь сомнения в моей компетентности, вы сможете предать меня военно-полевому суду после того, как все это кончится. Сейчас же разрешите мне провести эту операцию.

Уотерс старался понять, что это за человек. На мгновение он ощутил присутствие Тейлора более остро, более сильно, чем любого из находящихся в этой комнате советников. В этот момент время как бы приостановило свой ход, и Уотерс погрузился в старые воспоминания, все еще чувствуя во рту вкус чизбургера.

— Полковник Тейлор, — спросил президент, — вас когда-нибудь кусала собака?

— Нет, сэр.

— Меня тоже. Но моего отца кусала. Это произошло, когда у него еще было пусто в кармане, но он был полон мечтаний. Он шел по дороге в штате Алабама, на него спустили собак... и моего отца очень сильно искусили. Это было очень давно. Меня тогда еще не было на свете. Но мой отец был очень хорошим рассказчиком. И когда он описывал тот страх, который он испытывал, увидев этих собак, его слушатели тоже начинали ощущать этот страх. Он был весь в крови и пытался убежать, но собаки продолжали рвать его на куски. Тем не менее на следующий день он опять был там, шел по дороге и пел. Он боялся в этот раз даже больше, чем в первый, но он всегда повторял мне, что мир был бы совсем другим, если бы он и еще несколько испуганных мужчин и женщин сдались. — Уотерс постучал карандашом по пустой фарфоровой чашке. — Мой отец... не дожил до того времени, когда его сын стал президентом Соединенных Штатов. Он умер от болезни Рансимана, когда я баллотировался в Конгресс и выступал перед все редееющей аудиторией. Но я знаю, что он хотел бы, чтобы я сейчас смело противостоял этим собакам. — Уотерс положил карандаш и посмотрел на изображение Тейлора на экране. — Единственная проблема состоит в том, что я не совсем уверен, что это означает в данной ситуации. Означает ли это, что я должен сейчас послать полковника Тейлора и его людей обратно в бой с шашками наголо, или же это будет просто трусость — послать других людей противостоять собакам вместо меня. Воз-

можно... „противостоять собакам“ означает взять на себя ответственность за собственные неправильные решения и сократить потери.

— Господин президент, — сказал Тейлор прямо, — выйти из боя сейчас — это значит проявить трусость.

— Достаточно, полковник, — сказал председатель Комитета начальников штабов.

Уотерс только кивнул и посмотрел на свои руки. Они были совершенно гладкими, на них не было следов физического труда. Или следов от укусов собак.

— Полковник Тейлор, — сказал он, — я должен принять решение. Я не собираюсь задерживать вас дольше, чем это будет необходимо. Мы сейчас прервем наш разговор, но я хотел бы, чтобы вы находились около пульта связи точно через тридцать минут. Я собираюсь обсудить все это в последний раз с моими советниками, присутствующими в этой комнате, затем я дам вам свой ответ. Да, между прочим, говоря о своем плане, вы ничего не сказали о беспорядках в Баку. Вы видели, что там происходит?

— Да, сэр.

— И что вы об этом думаете? Это усложняет проведение вашей операции?

— Необязательно. На самом деле, если демонстрации будут продолжаться, они могут только помочь нам и отвлечь внимание японцев. Японцы, должно быть, очень обеспокоены попытками этих людей проникнуть через ограждение.

Лицо Уотерса приняло удивленное выражение:

— Что вы имеете в виду? Каковы, по-вашему мнению, причины демонстраций?

— Ну, — сказал Тейлор, — начальник разведки моего полка считает, что все совершенно ясно. И я согласен с ним. Азербайджанцы преподают сейчас японцам такой же урок, какой мы получили в Тегеране.

На мгновение Уотерс задумался:

— То есть вы считаете, что эти демонстрации направлены против японцев?

Казалось, что Тейлор был удивлен заданным ему вопросом.

— Конечно, это очевидно.

Уотерс кивнул, обдумывая эту совершенно новую для него точку зрения.

— Спасибо, полковник Тейлор. Я дам вам ответ через тридцать минут.

Изображение Тейлора исчезло.

На какое-то мгновение в комнате воцарилось унылое молчание, вызванное вялостью уставших людей. Затем госсекретарь тряхнул своей аристократической головой и с удивлением произнес:

— Этот человек сумасшедший.

— Рад видеть тебя, Такер, — сказал Тейлор, поднявшись, чтобы поприветствовать своего старого товарища. Он старался улыбнуться, но не мог, так как какая-то часть его души еще была с президентом США и ожидала его решения.

— Черт подери, Джордж, ты, как обычно, страшен, как черт. — Полковник Уильямс протянул руку.

В ответ Тейлор протянул свою перевязанную руку.

Прежде чем пожать ее, Уильямс неуверенно остановился.

— Что, черт возьми, приключилось на этот раз, Джордж?

Тейлор шагнул навстречу, схватил руку Уильямса

— Меня тоже. Но моего отца кусала. Это произошло, когда у него еще было пусто в кармане, но он был полон мечтаний. Он шел по дороге в штате Алабама, на него спустили собак... и моего отца очень сильно искусаи. Это было очень давно. Меня тогда еще не было на свете. Но мой отец был очень хорошим рассказчиком. И когда он описывал тот страх, который он испытывал, увидев этих собак, его слушатели тоже начинали ощущать этот страх. Он был весь в крови и пытался убежать, но собаки продолжали рвать его на куски. Тем не менее на следующий день он опять был там, шел по дороге и пел. Он боялся в этот раз даже больше, чем в первый, но он всегда повторял мне, что мир был бы совсем другим, если бы он и еще несколько испуганных мужчин и женщин сдались. — Уотерс постучал карандашом по пустой фарфоровой чашке. — Мой отец... не дожил до того времени, когда его сын стал президентом Соединенных Штатов. Он умер от болезни Рансимана, когда я баллотировался в Конгресс и выступал перед все редющей аудиторией. Но я знаю, что он хотел бы, чтобы я сейчас смело противостоял этим собакам. — Уотерс положил карандаш и посмотрел на изображение Тейлора на экране. — Единственная проблема состоит в том, что я не совсем уверен, что это означает

в данной ситуации. Означает ли это, что я должен сейчас послать полковника Тейлора и его людей обратно в бой с шашками наголо, или же это будет просто трусость — послать других людей противостоять собакам вместо меня. Возможно... „противостоять собакам“ означает взять на себя ответственность за собственные неправильные решения и сократить потери.

— Господин президент, — сказал Тейлор прямо, — выйти из боя сейчас — это значит проявить трусость.

— Достаточно, полковник, — сказал председатель Комитета начальников штабов.

Уотерс только кивнул и посмотрел на свои руки. Они были совершенно гладкими, на них не было следов физического труда. Или следов от укусов собак.

— Полковник Тейлор, — сказал он, — я должен принять решение. Я не собираюсь задерживать вас дольше, чем это будет необходимо. Мы сейчас прервем наш разговор, но я хотел бы, чтобы вы находились около пульта связи точно через тридцать минут. Я собираюсь обсудить все это в последний раз с моими советниками, присутствующими в этой комнате, затем я дам вам свой ответ. Да, между прочим, говоря о своем плане, вы ничего не сказали о беспорядках в Баку. Вы видели, что там происходит?

— Да, сэр.

— И что вы об этом думаете? Это усложняет проведение вашей операции?

— Необязательно. На самом деле, если демонстрации будут продолжаться, они могут только помочь нам и отвлечь внимание японцев.

Японцы, должно быть, очень обеспокоены попытками этих людей проникнуть через ограждение.

Лицо Уотерса приняло удивленное выражение:

— Что вы имеете в виду? Каковы, по-вашему мнению, причины демонстраций?

— Ну, — сказал Тейлор, — начальник разведки моего полка считает, что все совершенно ясно. И я согласен с ним. Азербайджанцы преподают сейчас японцам такой же урок, какой мы получили в Тегеране.

На мгновение Уотерс задумался:

— То есть вы считаете, что эти демонстрации направлены против японцев?

Казалось, что Тейлор был удивлен заданным ему вопросом.

— Конечно, это очевидно.

Уотерс кивнул, обдумывая эту совершенно новую для него точку зрения.

— Спасибо, полковник Тейлор. Я дам вам ответ через тридцать минут.

Изображение Тейлора исчезло.

На какое-то мгновение в комнате воцарилось унылое молчание, вызванное вялостью уставших людей. Затем госсекретарь тряхнул своей аристократической головой и с удивлением произнес:

— Этот человек сумасшедший.

— Рад видеть тебя, Такер, — сказал Тейлор, поднявшись, чтобы поприветствовать своего старого товарища. Он старался улыбнуться, но не мог, так как какая-то часть его души еще была с президентом США и ожидала его решения.

— Черт подери, Джордж, ты, как обычно, страшен, как черт. — Полковник Уильямс протянул руку.

В ответ Тейлор протянул свою перевязанную руку.

Прежде чем пожать ее, Уильямс неуверенно остановился.

— Что, черт возьми, приключилось на этот раз, Джордж?

Тейлор шагнул навстречу, схватил руку Уильямса разговоры, абсолютно не связанные с операцией. Затем в последний момент он спасовал и сказал мне, что примет решение через некоторое время.

— Насколько я понимаю, они там, в Вашингтоне, уже не в такой панике по поводу случившегося, в какой они были утром?

Тейлор презрительно засмеялся:

— Это чертовски слабо сказано. Даже здесь было слышно, как они там все разбегаются, чтобы попрыгаться в кустах.

— Могу побиться об заклад, что этот парень Боукветт сунул в это дело свой нос, — сказал Уильямс. — Вот уж типичная дерьмовая гражданская шишка. Я не знаю ни одного случая, когда бы он правильно разобрался в потоке разведывательной информации, но у него большие связи. Никогда не носил военной формы, разве что на каких-нибудь подготовительных курсах за рубежом. Но он считает, что отлично знает наше с тобой дело благодаря своему происхождению и интуиции.

Тейлор не ответил. Он знал о Боукветте даже больше, чем ему хотелось бы. Из-за Дейзи.

Ему очень хотелось знать, была ли Дейзи все еще там, в той же комнате, где и Уотерс. Но лучше сейчас не думать обо всем этом.

— Тяжелый день, Джордж? — спросил Уильямс. По тону его голоса было видно, что он все понимает, как может понимать только солдат солдата.

Тейлор взглянул на него.

— Я потерял Дейва Хейфеца, — сказал он бесстрастно. — Во время нападения „Скрэмблоров“. И Мэнни Мартинеса. Они засекли нас, когда мы летели из Омска.

Уильямс задумался:

— Я не был знаком с Мартинесом. Но Хейфец был чертовски хорошим солдатом.

— Да, был. — Тейлор с отвращением отвернулся. — Я говорю о нем, как будто он мертв. А он, бедняга, лежит в самолете, мочится под себя и не понимает, что произошло... и что еще может произойти. — Тейлор отступил в сторону, как бы стараясь уйти от самого себя. — Боже всемогущий. Я просто не знаю, что для него можно сделать. И для всех остальных тоже. Что делать, Такер? Что делать, Господи? Ты ведь знаешь, что такое писать письма женам и родителям, когда погибает какой-нибудь несчастный десантник, но что, черт возьми, можно написать, когда домой возвращается не человек, а животное, без каких-нибудь эмоций, но с отличным восприятием окружающего мира. С воспоминанием о том, что такое женщины, с...

— Джордж, ты устал.

— Да нет. Боже, ну что же делать? Послать родителям каталог, рекламирующий кровати-качалки для взрослых и одноразовые пеленки?

Да, кстати, миссис Джонс, ваш муж, возможно, разочарует вас в некоторых отношениях, но это произошло из-за новых злополучных обстоятельств во время его службы в армии. Боже, Такер. Это ужасно страшно. Когда ты чувствуешь, что сожалеешь о том, что твои ребята не умерли.

— Может, мы найдем средство их вылечить?

— Едва ли.

— Хейфец был чертовски хорошим парнем.

— И жизнь чертовски здорово отблагодарила его за это. А Мэнни Мартинес, Такер. Мне трудно передать словами, каким хорошим человеком он был. Я просто пропадаю без него

Уильямс улыбнулся:

— Джордж, в твоей жизни не было такого случая, чтобы ты пропал. Ты ведь выбрался из Африки, хотя у тебя не было даже кредитной карточки и упаковки презервативов.

Тейлор не смог сдержать улыбки. Затем он замолчал.

— Ты помнишь, — продолжил Уильямс, — как мы лежали в этой чертовой палатке на Азорских островах и играли в покер со смертью. И я заставлял тебя выслушивать, какую я собираюсь провести чистку в военной разведке. Ты знаешь, что я всегда думал, Джордж? Я трепался и думал, о Боже, если бы у меня было то, что есть у этого парня Тейлора. Ты, бывало, лежал на своей койке и смотрел куда-то сквозь меня. Ты и без моих объяснений понимал, что представляет собой мир вокруг. Ты уже тогда многое понимал из того, что я только изо всех сил старался понять. — Уильямс улыбнулся сво-

им собственным воспоминаниям. — Во всяком случае, мы добились большего, чем ожидали.

— Но недостаточно.

— Пока да. Но, возможно, мы недооцениваем президента. Возможно, он еще даст нам зеленый свет.

— Я не знаю. Все советуют ему уйти в кусты.

— Давай будем надеяться на лучшее.

Тейлор вздохнул.

— Я сделал все, что мог, Такер. Но я действительно чертовски устал. Я не мог найти нужных слов. Единственное, о чем я мог думать, — это как мне хочется протянуть руки, схватить его и вытрясти из него все дерьмо. Втолковать ему, что это означает, если мы сейчас выйдем из игры. Черт с ним, — сказал Тейлор. — Всю свою жизнь я испытывал уважение к слову. Я читал хорошие книги. Обращал внимание на язык. Я всегда старался писать оперативные приказы ясно и четко. Я очень высоко ценил слово, хотя это и звучит странно. Но когда мне действительно потребовались нужные слова, я не смог их найти.

— Ты не можешь сделать все это сам, Джордж. Если, черт возьми, этот дерьмовый сукин сын скажет нам возвращаться домой, то это уже будут их трудности. Мы с тобой можем уйти в отставку и начать ходить на рыбалку.

— Нет, — сказал Тейлор категорично. — Они свалят вину на нас. Армия потерпела поражение. Вот что будет написано черными буквами в истории.

— А пошли они к такой матери.

Тейлор посмотрел на грязную повязку на руке и чуть встряхнул обожженной рукой, даже и не думая о ней.

— Если бы ты видел Счастливого Дейва, — сказал он. — Такер, я действительно думал, что не смогу это пережить. Возможно, у меня нет тех качеств, которые необходимы человеку, чтобы стать солдатом.

— Когда президент должен связаться с тобой?

Тейлор взглянул на часы:

— Через семь минут.

Створка внутренней двери, расположенной на длинной стене убежища, отодвинулась в сторону, и в штабной комплекс вошел человек в форме советского офицера. Когда в тусклом свете комнаты человек выпрямился, то Тейлор узнал Козлова. Он был рад видеть его, так как был рад любой помощи. Сможет ли советское командование справиться со своей задачей?

Пока Тейлор стоял и смотрел на Козлова, навстречу ему вышел Мерри Мередит и направился к русскому офицеру.

Мерри был единственным, кто остался, единственным из тех, кому он верил и кого любил.

Тейлор взглянул на Такера Уильямса. Странно, как в армии складываются отношения. Тейлор никогда до конца не знал, следует ли ему считать Уильямса другом или просто знакомым. В армии существует разная степень духовной близости между людьми. Тейлору всегда было хорошо работать с Уильямсом, он уважал его и с удовольствием распивал с ним несколько кружечек пива, когда они случайно встречались в каком-нибудь офицерском клубе, где разделе-

ние на группы было всегда очень заметным. Тем не менее какая-то неясная духовная пропасть всегда существовала между ними. Уильямс был прав, на Азорских островах Тейлор действительно смотрел мимо него и думал совсем о другом.

Только Мередит, Мартинес и Хейфец принадлежали к тому братству, случайно возникшему в тот ужасный год, когда они благодаря передислокации войск оказались вместе и обнаружили свое духовное родство. А теперь остался один только Мередит.

— Мне лучше находиться около этой чертовой линии командной связи, — сказал Тейлор. — Постучи по дереву, Такер.

— Хорошо.

Тейлор стал поворачиваться, и как раз в этот момент его как будто ударило громом — он вспомнил. Ему пришлось собрать последние остатки воли, чтобы продолжать действовать дальше, и он говорил себе, что это вызвано чрезмерной чувствительностью, появившейся вместе с усталостью и физическим истощением. Такое совпадение казалось абсолютно невозможным.

Он понял, кого ему напоминает молодой уорент-офицер, которого привел Уильямс. Это было сверхъестественно, как будто подтверждало правоту индусов относительно постоянных циклов, бесконечных и неизбежных переселений душ.

Райдер напоминал ему молодого уорент-офицера, который был у него вторым пилотом и стрелком в Заире, того сломавшегося мальчишку, просившего дать ему воды до тех пор, пока Тейлор не застрелил его.

Дейзи слушала. Ей казалось, что она сойлет с ума. Ей хотелось сказать, закричать им, что наступило время положить конец этому безумию, но она не могла найти ни возможности, ни храбрости сделать это. Мужчины в комнате опять и опять обсуждали все аргументы против дальнейших военных действий, и ее мнения никто не спрашивал. Все советники президента разделяли точку зрения Дейзи, что было бы безрассудно и бессмысленно разрешить Тейлору выполнить то, что он задумал.

Кроме того, советское командование не могло оказать никакой помощи. Когда Уотерс разговаривал с советским президентом, ему показалось, что тот чем-то озабочен и непонятно почему думает о вещах, не связанных с происходящим. С готовностью соглашаясь со всем, что предлагал Уотерс, советский президент, казалось, кроме всего прочего, хотел поскорее закончить разговор. Создавалось впечатление, что в Москве произошел раскол мнений. Комитет государственной безопасности открыто поддерживал мнение разведки армии США о необходимости нанесения удара по командной компьютерной системе японцев, в то время как Министерство обороны СССР, казалось, готово было выбросить белый флаг. Что-то очень тревожное происходило в Кремле, и Дейзи мучило, что она не может понять, что именно.

В любом случае налет на японский штаб был полной бессмыслицей. Это был акт отчаяния, придуманный человеком, не желающим смириться с реальностью. Они все придерживались единого мнения. Но ей казалось, что ни один из них не смог изложить все достаточно убедительно. Ей хотелось быть абсолютно уверенной,

что президент понимает абсурдность планов Тейлора. Она начала доверять здравому смыслу президента. Но, учитывая всю имеющуюся информацию, она не могла понять, почему президент продолжает так долго обсуждать этот вопрос. Не было сомнения, что Уотерс должен был как можно быстрее вывести из боя американские войска и отправить домой.

Вернуть Тейлора домой. Вернуть живым.

Это был тот единственный случай, когда она по праву могла бы высказать свое мнение, но она молчала. Президент в третий раз требовательно спрашивал у Боукветта о демонстрациях в Баку, но Боукветт продолжал повторять, что Тейлор был простым старым солдатом, ничего не понимающим в реальностях международных отношений. Не было сомнения, что демонстрации в Баку были в поддержку японцев и против американцев. Другая точка зрения была лишена всякого смысла.

Но Дейзи думала иначе. Боукветт был по своей природе бюрократом, она же достигла своего высокого положения без какой-либо поддержки, только благодаря своему таланту аналитика. И когда она увидела первые изображения людей в центре Баку, а потом толпы, окружившие японский штаб, она мгновенно поняла, что у японцев неприятности. Тейлор же просто и коротко изложил ее точку зрения. Эти толпы людей были явно враждебно настроены.

Но ее больше не интересовала правда. Ее больше не волновали судьбы наций. Она осознала, что все это было чепухой, игрой для взрослых мальчиков, не имеющих мужества признать настоящие ценности жизни.

Если бы президент спросил, каково ее мнение, она бы встала и солгала.

Единственное, о чем она мечтала, — вернуть этого израненного, уставшего, испуганного человека, чье лицо на короткое время появилось на экране монитора.

— А что вы думаете относительно обвинения в служебном несоответствии? — спросил президент Уотерс. — Что вы знаете о подполковнике Рено? Следует ли мне доверять его обвинениям?

Председатель Комитета начальников штабов поднял руку со стола, как будто выпускал на свободу маленькую птичку.

— Я не знал подполковника Рено лично, господин президент. Но я знал его отца. Это очень хорошая семья. Все члены этой семьи служили в армии еще с тех времен, когда сам Христос был капралом. Если вы простите мне это сравнение, сэр.

— Господин президент, — вскочил Боукветт, — я могу это подтвердить. Я служил у генерала Рено, когда он еще руководил бывшей межведомственной группой. Его сын наверняка обладает всеми проверенными временем качествами офицера.

— Насколько я понимаю, — сказал Уотерс спокойно, — полковник Тейлор не происходит из старой добропорядочной семьи?

Боукветт и председатель Комитета переглянулись, поняв, что они коснулись опасной темы. Поразмыслив немного, председатель Комитета бесстрастно сказал:

— Господин президент, я ничего не знаю о предках полковника Тейлора.

— Но у этого человека очень хорошая боевая репутация.

— Да, сэр, у полковника Тейлора отличная боевая репутация. Но... даже самый отважный уличный драчун совсем не обязательно является хорошим материалом для того, чтобы стать олимпийским чемпионом по боксу. Лично мне всегда очень нравился Джордж Тейлор. Но мы должны учитывать, что, возможно, мы взяли отличного боевого солдата и назначили его на должность, не соответствующую его компетенции. Конечно, если бы мне пришлось опять возвратиться, скажем, в Мексику, я бы хотел, чтобы со мной в одном окопе оказался Джордж Тейлор. Он отличный солдат. Но, возможно, мы слишком многого от него хотели, назначив его на ответственную должность, требующую собственных решений.

Уотерс кивнул:

— Хорошо. Теперь следующий вопрос. Каковы шансы на успех операции, предлагаемой полковником Джорджем Тейлором, с чисто военной точки зрения?

На этот раз председателю Комитета не потребовалось много времени для ответа.

— Шансы минимальные. Один из десяти? Один из ста? Как сказал сам полковник Тейлор, эти шансы невозможно подсчитать. Но видите ли, господин президент, для выполнения операции такого рода требуется тщательная и широкомасштабная проработка, проверка боевой готовности... в течение нескольких недель... а может, месяцев. В идеале, например, надо построить макет японского штабного комплекса.

Вы ведь слышали, что полковник Тейлор признался, что ему для дозаправки придется прибегать к помощи советских войск. Сейчас советское командование пытается оказать нам содействие, но я лично не верю, что они будут поддерживать какие-нибудь еще широкомасштабные наступательные операции, учитывая события, произошедшие в Орске. Вспомните, например, компьютерный мозг. Я подозреваю, что они просто хотели поскорее избавиться от этой чертовой штуки. Они передали ее нам, как горячую картофелину, так как им больше всего хотелось избавиться от нее, так она им жгла руки. — Председатель опустил взгляд на прекрасно отполированную поверхность стола. — Джордж Тейлор — хороший солдат, но он не хочет признать своего поражения. Я восхищаюсь им, но, сэр, мы должны смотреть на вещи шире. В любом случае вы не можете начинать операцию вот так, без подготовки. Прошу занести в протокол, что я категорически возражаю против проведения этой операции.

— Вы не думаете, что отчаянные моменты диктуют отчаянные действия?

Председатель Комитета положил руку на стол, как будто посадил выпущенную им на свободу птичку обратно в клетку.

— Отчаянные — да, господин президент. Но не глупые же?

— Если японцы нанесут нам какие-нибудь еще новые поражения, то это ослабит наш международный авторитет, — вступил в разговор госсекретарь. — Нынешнюю ситуацию мы можем даже расценивать как значительную победу наших войск, оснащенных оружием нового поколения. Кроме того, нам, возможно, удастся

изменить отношение мировой общественности к японцам, если мы во всеуслышание заявим, что „Скрэмблеры“ являются бесчеловечным видом оружия. Если мы будем вести себя осторожно и постараемся избежать дальнейших провокаций, то мы, возможно, даже сможем нажить себе на всем этом некоторый... и довольно значительный политический капитал.

Уотерс кивнул.

— Я очень хочу услышать ваше мнение, Майлз, — обратился он к советнику по государственной безопасности, усердно занимающемуся своими ногтями.

Загнанный в тупик советник удивленно поднял глаза.

— Но, господин президент, я думаю, все совершенно ясно. Русские считают, что это конец. Они направляются к спасательным лодкам. И мы будем дураками, если ввяжемся в это дело.

Уотерс снова начал постукивать карандашом по фарфоровой чашке. Воздух в комнате был очень тяжелым, несмотря на все потуги вентиляционной системы.

— Спасибо всем за оценку ситуации, — сказал Уотерс. — Теперь, Клифф, — он повернулся к Боукветту, — мы опять вернемся к разведке. Можете ли вы все еще нам гарантировать, что у японцев не будет новых сюрпризов?

Боукветт выглядел смущенным. Он встал гораздо медленнее, чем обычно, поправил галстук.

— К сожалению, господин президент, я не могу дать вам такую гарантию. Как вы знаете, разведка — это очень сложное дело. И должен признаться, что какая-то часть наших оценок

оказывается неудачной. И вы знаете, что я уже разрабатываю проект плана модернизации и улучшения работы Разведывательного управления. Я сделаю все возможное, чтобы в будущем таких провалов не было, хотя, возможно, они вполне объяснимы.

— Спасибо, Клифф.

— Господин президент, — продолжал Боукветт. Он опять поправил свой галстук, теперь уже ближе к узлу. — Я чувствую, что должен добавить несколько слов относительно полковника Уильямса, о котором шла речь. Того самого, который первым, по словам полковника Тейлора, предложил разгадку работы компьютерного мозга. Я знал полковника Уильямса много лет. Разведчики — это ведь одна большая семья. Тут уже было высказано правомерное сомнение в квалификации полковника Тейлора. Я должен твердо заявить, что и выдвижение полковника Уильямса на руководящую должность было серьезной ошибкой. Если бы он работал под моим началом, я бы его давно снял. Но некоторые люди иногда умудряются обмануть систему. Полковник Уильямс принадлежит к той категории людей, которые путают карты, а затем уходят в кусты, а другие, более исполнительные, должны потом все это приводить в порядок. Он как раз принадлежит к тому сорту людей, который дискредитирует успехи, достигнутые трудолюбивыми сотрудниками. Он занимается самовосхвалением и тянет одеяло на себя. Нет сомнений в том, что ему нельзя доверять.

Президент Уотерс в последний раз сильно ударил карандашом по фарфоровой чашке и спросил:

— Вы случайно не знаете, Клифф, происходит ли полковник Уильямс из старой добропорядочной семьи?

— Господин президент, — заикаясь, сказал Боукветт, — как вы знаете, я не хотел сказать, что... но относительно полковника Рено... я лишь только упомянул, что я лично знал его семью. Но я, конечно, не имел в виду, что... в конце концов, мы все понимаем, что это Соединенные Штаты Америки...

— Спасибо, Клифф.

„Если даже я не сделаю ничего больше, — подумал Уотерс, — и если я потеряю свой пост и на выборах получу наименьшее в истории число голосов, а в книгах обо мне напишут, что я был самым плохим и самым жалким президентом США, я хотя бы получил удовлетворение от того, что привел Клиффа Рейнарда Боукветта в замешательство“.

Уотерс взглянул на часы, висящие на стене.

— Ну что ж, господа, — сказал он. — Настало время, когда мне надо принять решение. Я чувствую, что вы уже достаточно ясно высказали свое мнение. Если у кого-нибудь есть еще какие-нибудь доводы, пожалуйста, высказывайтесь, но мне кажется, что вы все единодушно выступаете против проведения дальнейших военных действий и категорически возражаете против плана, предлагаемого полковником Тейлором.

В комнате наступило тягостное молчание, затем госсекретарь сказал:

— Я думаю, выводы напрашиваются сами собой, господин президент.

Уотерс еще раз оглядел комнату и быстро взглянул на выражение лица каждого из присутствующих. Возьмем помощницу Боукветта, у нее горели глаза. Уотерс хорошо знал такой тип женщин. Умная, некрасивая, думающая, что история Жанны Д'Арк может иметь когда-либо счастливый конец.

— Хорошо, — сказал Уотерс. — Свяжите меня с полковником Тейлором.

Откладывать решение больше было нельзя. Через мгновение лицо Тейлора появилось на экране. Не вызывало сомнений, что он все это время ждал решения, и Уотерс по его измученному лицу понял, как он тревожился.

„Судьба не была благосклонна к этому несчастному сукину сыну“, — подумал Уотерс.

— Полковник Тейлор, вы меня слышите?

— Да, господин президент.

— Полковник Тейлор, мы обсудили ваше предложение во всех деталях, и я должен сказать вам, что все мои советники единодушно возражают против дальнейших военных действий.

Тейлор вздохнул, как будто его сильно ударили.

— Да, господин президент.

— Все единодушно придерживаются мнения, что у вас очень мало шансов на успех операции и что было бы безрассудством осуществить эту операцию и это только бы ухудшило нашу международную репутацию.

— Господин президент...

— Не перебивайте меня, полковник. Я еще не закончил. Как я уже сказал, все мои советники возражают против того, чтобы осуществ-

лять эту операцию. Кажется, есть только два человека, которые еще не готовы вывесить белый флаг. По странному стечению обстоятельств, полковник, эти два человека — вы и я.

В комнате наступило напряженное молчание.

— Полковник Тейлор, приказываю вам начинать осуществление того плана, который вы изложили мне. Я сам договарюсь с советским командованием о том, чтобы они не предпринимали никаких односторонних действий. Сколько вам потребуется времени?

— Тридцать шесть часов, — быстро сказал Тейлор.

— Даю вам сорок восемь часов для того, чтобы у вас был запас времени. Я заявлю в прессе, что единолично принял это решение. Так тому и быть. Я надеюсь, вы меня понимаете, полковник. Иногда я, возможно, был бестолковым, но мне кажется, что я наконец догадался, кому принадлежат полицейские псы на этот раз. И я еще не готов к тому, чтобы отказываться идти вперед.

Тейлор открыл рот, чтобы ответить, но его опередила Дейзи. Она вскочила со стула и сделала шаг вперед.

— Вы не можете этого сделать. Вы не можете. У них нет ни единого шанса. Всем понятно, что у них нет ни единого шанса. Вы сошли с ума.

В комнате стало тихо, как в пещере. На экране было видно, как Тейлор чуть придвинулся вперед, как будто старался лучше увидеть, что происходит, хотя по законам физики это было невозможно.

Уотерс посмотрел на разъяренную женщину.

— Спасибо вам за то, что вы высказали свое мнение обо мне, — сказал он спокойно. — Садитесь, пожалуйста.

Дейзи села. На ее лбу выступили капельки пота, и блузка висела на ней, как на вешалке. Она отошла назад к своему стулу, но глаза ее все еще были устремлены на экран, на котором была видна фигура человека.

— Я хочу повторить еще раз, чтобы было ясно всем заинтересованным лицам, — сказал Уотерс. — Полковник Тейлор, я приказываю вам нанести удар по противнику, согласно имеющемуся у вас плану. Ответственность за это решение лежит целиком на президенте Соединенных Штатов. — Уотерс взглянул на израненное лицо на экране монитора. На мгновение ему показалось, что он увидел слезы в глазах полковника. Но, видимо, это был лишь оптический обман.

— Да, сэр, — ответил далекий голос.

Уотерс в последний раз взглянул в лицо этого человека, которого он никогда не сможет понять. Они были настолько разными, насколько это вообще возможно, и только судьба соединила их в этот короткий исторический момент.

— И да поможет вам Бог, — сказал Уотерс.

4 ноября 2020 года

Козлов вернулся из отсека связи. Он широко улыбался, и из-за черных зубов его рот был похож на заброшенную пещеру.

— Генерал Иванов сказал, что мы окажем вам помощь, — объявил он присутствующим членам группы планирования операции, явно очень гордый тем, что может внести свой вклад в общее дело. — Москва дала согласие. Ваш президент разговаривал с ними. Горючее будет выделено.

— Хорошо, — сказал Тейлор. Он только перед этим пытался выбрать вертолеты М-100, находящиеся в наиболее боеготовом состоянии, и сейчас особенно сильно ощущал потерю Мартинеса. Мартинес лучше всех бы разобрался, как осуществить дозаправку. — Прекрасно, Виктор. А как обстоят дела с выбором места дозаправки.

— Все в порядке, — сказал Козлов, — у нас все еще есть большие запасы топлива вот здесь, — он указал на карту, лежащую на рабочем столе, — к востоку от устья Волги. Это место удовлетворяет планируемыми факторам времени и места.

Все склонились над картой. Тейлор, Козлов, Мередит и Паркер, который выполнял сейчас обязанности начальника оперативного отдела, Такер Уильямс и Райдер, присутствие которого продолжало мучить Тейлора. Козлов указал Мередиту район, о котором шла речь, и Мередит отметил его на карте маркером. Запах изо рта русского офицера резко ударил в нос американцам. Но это не имело значения, так как не было сомнения в том, что Козлов делает все возможное, чтобы помочь, и поэтому все были рады его присутствию. Кроме того, он был единственным членом этой группы, который в течение последних нескольких дней хоть чуть-чуть спал.

— Мне чертовски не хочется делать остановку на дозаправку по пути туда, — сказал Тейлор. — Но совершать посадку на пути назад — это еще хуже. Если у нас есть хоть какая-то возможность проскочить незамеченными по пути туда, то после того, как мы ударим по ним, они используют все имеющиеся средства, чтобы найти нас. А мы еще высунем свои задницы.

— Машина выдала данные, — сказал Хэнк Паркер, отвернувшись от компьютера. — Если мы взлетим к востоку от Астрахани, там, где указал подполковник Козлов, у нас будет достаточно топлива, чтобы долететь до цели, совершить запланированную операцию и вернуться в район сбора.

— В районе Саратова, — подсказал ему Мередит. — Где раньше жили немцы Поволжья.

— У нас очень маленький запас времени на случай ошибки, — сказал Такер Уильямс.

Тейлор пожал плечами.

— Строго говоря, это очень „экономная“ операция.

— Все будет нормально, — сказал Козлов, который все еще был взволнован. Вначале он сомневался в том, что генерал Иванов согласится помочь, и его не меньше других удивило, что советское командование мгновенно дало согласие американцам. — Район, где вы будете осуществлять дозаправку, не является промышленно развитым, поэтому противник ограничился обходом наших сил в устье Волги. Вот здесь, к востоку, есть очень большие участки открытой, ровной местности. И это очень удобно.

— А генерал Иванов абсолютно уверен, что они смогут обеспечить нас топливом? — спросил Тейлор, все еще скептически относясь к этой неожиданной удаче. — И именно в этом месте? И именно в назначенное время?

— Да, конечно, — ответил Козлов мгновенно.

— Хорошо. Тогда совсем другое дело. — Он повернулся к Мередиту: — Мерри, разложи опять карту Баку. Давай еще раз обсудим это с Виктором и послушаем, что он об этом думает.

Мередит разложил на столе другую карту. Вначале оперативная группа попыталась уместиться вокруг небольшого экрана компьютера, но затем они решили использовать старое испытанное средство и разложили карты, что значительно облегчило работу Козлова.

— Виктор, — сказал Тейлор, — мы просмотрели местность. Карты и фотографии, сделанные с воздуха, убеждают нас, что лучше всего будет подойти с севера, используя в качестве прикрытия полуостров. Что вы об этом думаете?

На лице Козлова отразилось сомнение.

— Да, я думаю, вы сможете это сделать, если захотите. Но, возможно, лучше подойти другим путем. Видите ли, на полуострове за горным хребтом спрятана радиолокационная станция. А вы не рассматривали возможность подхода с востока? Со стороны моря? Там очень много нефтяных вышек. Я не знаю, как это по-английски?

— Буровые платформы? — спросил Мередит.

— Да, буровые платформы. Они сделаны из металла. И они создадут естественный эффект экранирования радара. Я это знаю, потому что наши радары никогда ничего не могли обнаружить в этом секторе.

— Черт побери, — сказал полковник Уильямс. Он жевал высушенные груши из сухого пайка. — Никакие сведения не могут сравниться с информацией, полученной из первых рук.

— Видите, подход с этой стороны очень удобен, — продолжал Козлов. — Здесь очень много ориентиров как для глаза, так и для компьютера. Кроме того, со стороны города вы не столкнетесь со средствами противовоздушной обороны. — Он показал рукой на угол карты, где был увеличенный план города. — Вот видите. Здесь есть телевизионная башня. Но вы лучше подойдите отсюда. Здесь будет высокое здание гостиницы „Москва“, а здесь парк имени Кирова. Вот здесь, с востока.

— Если станем подходить отсюда, то мы как раз пролетим над толпой, — сказал полковник Уильямс, — если эти типы еще будут там.

— Я думаю, что у них нет зенитного оружия, — сказал Козлов.

— Правильно, — сказал Тейлор. — Виктор, есть ли на парадной площадке какие-нибудь заграждения и что вот это здесь, прямо перед штабом? Возможно, здесь есть что-нибудь такое, что не видно достаточно четко на изображении компьютера.

— Нет, там ничего нет, конечно, если не будет бронетранспортеров. Эта площадка совершенно ровная. Я это очень хорошо помню. Весной вода долго оттуда не стекала. Из-за этого ботинки ужасно портились.

— Хорошо, вы видели наши М-100. Сколько, по вашему мнению, машин может разместиться здесь?

— Я думаю, только шесть. Может быть, семь.

— Отлично. Это больше, чем надо. Мы получили измерения, произведенные на основе имеющихся изображений, но лучше услышать это от человека, побывавшего на этой площадке.

— Вы знаете, — сказал Козлов, — там есть еще и крыша. Она не отмечена на схеме, но она железобетонная и служила в качестве вертолетной площадки. Она довольно большая. Вы можете приземляться на обычной вертолетной площадке?

Эти слова заинтересовали Тейлора.

— Нам повезло. И эта площадка является крышей здания штаба?

— Да, она использовалась для генеральского вертолета.

— Что ж, это еще лучше. Таким образом, мы можем войти в здание штаба вот отсюда?

Козлов непонимающе посмотрел на американцев. Формулировка Тейлора озадачила его.

Мередит быстро перевел вопрос на русский язык.

Недоумение исчезло с лица Козлова.

— Да, конечно. Хотя здесь может быть охрана.

Тейлор взял подробный план всех этажей здания, нарисованный Козловым.

— Хорошо, Виктор, вы уверены, что оперативный центр будет по-прежнему именно здесь?

— Он должен быть здесь. Это единственная большая комната в доме, и только здесь есть вся необходимая проводка.

— Хорошо. А это, должно быть, машинный зал?

Козлов покусывал губы своими темными, как кофе, зубами.

— Я уверен, что да. Вся специальная проводка идет только сюда, а затем сюда. Нам очень много пришлось поработать для того, чтобы переделать проводку в здании. А здание очень старое.

— А вы не думаете, что они могли провести новую проводку?

Козлов пожал плечами.

— Я не могу сказать наверняка, но это очень трудно.

— Ну, что же, нам придется рискнуть. Если один вертолет сядет на вертолетную площадку, скажем, три — на центральный двор, и два будут с воздуха прикрывать нас всех... пока группа с вертолетной площадки проберется в компьютерный зал и оперативный центр.

Козлов провел пальцем линию на плане.

— Возможно, удобно подойти отсюда. Здесь находится лифт, предназначенный специально

для генерала, но это слишком опасно. Я думаю... вот здесь есть лестничная клетка.

— Здесь? — спросил Тейлор, нагибаясь ниже над картой, чтобы рассмотреть план, нарисованный Козловым в вертолете. Тейлор пальцем показал на маленький заштрихованный квадрат.

— Да, это лестничная клетка. Вы должны пройти три лестничных пролета и тогда окажетесь в главном коридоре. Оперативный центр и компьютерный зал вот здесь. Все очень просто.

— Да, это просто, — сказал Уильямс.

Тейлор кивнул:

— Отлично. Если мы сможем спуститься по этой чертовой лестнице. Эта лестничная клетка отличный капкан.

Все посмотрели на Тейлора. Высохшая кожа на его лице стала почти восковой. У американских офицеров не было даже времени хоть немного смыть водой слой копоты и грязи. И хоть чуть-чуть снять накопившуюся усталость.

Тейлор усмехнулся.

— Но я не вижу другого выхода. Таким прямым путем подхода нельзя не воспользоваться. — Он посмотрел на Козлова. — Мы пробуем пойти этим путем, Виктор. Огневые подразделения основной диверсионной группы могут нанести удар с парадной площади. Если мы сможем, мы соединимся. Если нет, они отлично отвлекут от нас внимание противника. — Тейлор покачал головой. — Я ненавижу вести бой в лестничных клетках. Я потерял отличного сержанта таким образом, когда мы во второй раз брали американское консульство в Гвадалахаре.

— Классический пример хирургической операции, — прокомментировал полковник Уильямс, глядя на план из-за плеча Тейлора.

Тейлор выпрямился, пытаясь снять напряжение с мышц спины.

— По-моему, вовсе нет, Такер. Это классический пример воздушного налета. Удар наносится неожиданно. Ликвидируются все движущиеся цели. Делаешь свое дело. Расчищаешь район. Главный девиз — внезапность, скорость и использование всей имеющейся в наличии огневой мощи. — Тейлор повернулся к Мередиту и Паркеру. — Я хочу осуществить нападение при заходе солнца. Мы будем лететь с востока, то есть лететь из темноты. Я хочу атаковать в то время, когда еще будет достаточно светло, и мы сможем видеть ориентиры, и в то же время достаточно темно, чтобы мы могли незаметно подкрасться и разmozжить им головы. — Тейлор окинул взглядом всю оперативную группу. — Мы спустимся с неба, подобно самой смерти. Мы должны испугать их.

Тейлор посмотрел на Райдера. Ему было неловко смотреть на молодого уорент-офицера, а потом еще труднее отвести взгляд. Это сходство Райдера с молодым человеком, которого настигла такая жуткая смерть в Африке, — было плохим, очень плохим знамением.

— Шеф, — сказал Тейлор, — сколько времени вам потребуется на то, чтобы выполнить свою задачу в компьютерном зале?

Райдер переминался с ноги на ногу, его лицо выражало неуверенность. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Наверное, пятнадцать минут? — подсказал полковник Уильямс.

— Я полагаю, что примерно так, — сказал Райдер. У него был типичный акцент уроженца Среднего Запада.

— Никаких догадок, — строго сказал Тейлор, — скажите нам точно, сколько вам необходимо времени.

Молодой офицер покраснел.

— Если вся аппаратура в рабочем состоянии, — сказал он, — то, я думаю, полчаса будет достаточно. Видите ли, я должен вклиниться...

— Тридцать минут, — сказал Тейлор. — Они у вас будут. Теперь Мерри. Скажи мне, какая информация у тебя есть о возможностях сил ответного удара противника. Чем они располагают? Где они находятся? Каково время реакции? Ты ведь знаешь, что меня интересует.

— Да, сэр, — начал Мередит. — На территории самого штаба ...

Члены оперативной группы тщательно изучали схемы и цифры, снова и снова обращаясь к автоматизированным вспомогательным системам или к офицерам и сержантам штаба. На столе остывали забытые кружки кофе. Каждому из них было все это очень хорошо знакомо, и даже Козлов легко включился в обычную работу штаба. Предварительные распоряжения вместе с фотокопиями карт и оперативных планов поступали к команде добровольцев. Младшие офицеры собрались вокруг Хэнка Паркера, авторитет которого, казалось, возрастал с каждым часом. В это время Мередит инструктировал остальных относительно возможных опасностей и непредвиденных обстоятельств и заставлял их запоминать основные положения его инструктажа. Ни у одного из этих людей не осталось жизненной энергии. Они продолжали

работать только благодаря таблеткам и собственной силе воли. Важность каждой минуты заставляла их действовать очень быстро, но тем не менее они старались не спешить, чтобы не совершить ни одной ошибки или оплошности. Талант оперативного работника означал умение найти правильное соотношение между скоростью и тщательностью исполнения и умение мгновенно определить, когда этот баланс нарушается в силу изменения обстановки на поле боя. Сейчас самым большим их врагом было время.

В эти ранние утренние часы Тейлор и Такер Уильямс сидели вдвоем у стола, на котором стояли нетронутые чашки кофе. На самом деле это был не кофе, а лишь подогретая дезинфицированная вода с добавлением чего-то коричневого.

— Джордж, — сказал Уильямс, — мы должны немного отдохнуть. Темные круги вокруг глаз скоро будут видны у тебя из-под ботинок.

Тейлор кивнул.

— Мне только надо еще раз просмотреть данные о боекомплекте. — Он вздохнул, как будто годы наконец его одолели. — Боже, я чувствую себя как новобранец, попавший на склад снабжения. Старина Мэнни выбрал очень неудачное время для смерти.

— Я уверен, что он тоже страдает из-за этого, — сказал Уильямс. — Послушай, Джордж, где я полечу? Вместе с тобой в командном вертолете? Или ты хочешь, чтобы я летел в другой машине, ну так, на всякий случай?

— Ты не полетишь, Такер.

— Черта с два. Я тебе понадоблюсь, Джордж.

— Нет, — сказал Тейлор решительно. — Ты мне не понадобится. Еще один старый полковник ничего завтра не решит. — Он инстинктивно взглянул на часы. — Уже сегодня. Ты мне не нужен, Такер. А армии ты будешь нужен еще больше после того, как все закончится. Ты завершишь то, что уже начал делать. Расчищать все это дерьмо.

— Только не надо твоих знаменитых речей, Джордж.

Тейлор отмахнулся от своего старого друга.

— Никаких речей. Я просто не могу себе даже представить, что армии придется обходиться без нас обоих. Тогда не будет ни одного приличного скандала в течение по крайней мере десятка лет.

Какие-то мгновения они оба сидели молча. Слова не имели для них такого значения, как существовавшее между ними невысказанное взаимопонимание, которое исключало дальнейшее обсуждение этого вопроса: Тейлор командовал операцией и принял решение, что Уильямс не полетит. И Уильямс знал, что он не полетит. Все остальное было лишь ритуалом.

Уильямс выпил мерзкой воды, замаскированной под кофе.

— Джордж, — сказал он серьезно, — похоже, ты не веришь в успех операции.

Тейлор сложил свои высохшие губы трубочкой, как будто обдумывал, что сказать.

— По правде говоря, я не знаю, чего ждать. Слишком много неопределенностей. — Затем он усмехнулся. — Поэтому я делаю то, что напрашивается само собой, а там посмотрим, что выйдет.

Старый разведчик положил руку на плечо своего товарища.

— Джордж, — сказал он, — будь осторожен. Я буду скучать без тебя, ты понимаешь. — Он засмеялся. — Я не часто тебя видел в последние годы, но я всегда знал, что ты где-то там. Я всегда говорил себе: Такер, они могут называть тебя сумасшедшим, но ты не настолько сумасшедший, как этот сукин сын Джордж Тейлор. Это всегда успокаивало меня. — Он смял в ладони ткань военной формы Тейлора. — Я просто не готов одеть на себя мантию сумасшедшего дурака номер один армии США.

— Ты недооцениваешь себя, — сказал Тейлор с улыбкой, похожей на улыбку мертвеца.

Уильямс покачал головой и незаметно убрал руку.

— Хорошо, окажи мне одну любезность, — сказал он Тейлору, — не перебарщивай, хорошо.

Тейлор взглянул на измученное лицо человека, сидящего рядом с ним, свидетеля стольких разочарований, стольких напрасных попыток.

— Хорошо, если получится.

Впервые за последние дни Нобуру проснулся не от ночных сновидений. На этот раз он проснулся от взрыва бомбы.

Вначале все было как в тумане. Сон был тяжелым, и он проснулся в тот момент, когда почувствовал, как его тряхнуло и подбросило на кровати. Не понимая своего состояния, он сел прямо и, находясь в полусонном трансе, почувствовал, что падает, и постарался схватиться за темноту. Может, все это был сон?

Последнее эхо взрыва затихло, и тишина мгновенно заполнилась шумом выстрелов из автоматов и приглушенными звуками, которые, несомненно, были человеческими криками, доносящимися откуда-то из уголков сознания.

Нобуру поднялся, чтобы включить свет, и как раз в этот момент загудел аппарат внутренней связи. Донесение было сделано без обычных церемонных приветствий.

— Они перелезают через стену, — предупредил голос. Он уменьшил громкость, и голос в аппарате как бы съежился и начал звучать комично, как голос карлика, охваченного ужасом.

Нобуру быстро надел брюки.

— Бомба... — продолжал голос.

Нобуру схватил китель и просунул руку в рукав.

— Ворота...

По привычке, выработавшейся у него за долгие годы службы, Нобуру взял портупею и застегнул ее поверх еще незастегнутого кителя.

За стенами штаба застрочили пулеметы. Шторм голосов приблизился. Пол начал сотрясаться под ногами сотен людей, бегущих по близлежащим коридорам.

— Часовые из местной гвардии дезертировали...

Раздался еще один взрыв, но уже, несомненно, менее мощный.

Акиро ворвался в комнату. Черные глаза адъютанта горели.

— Господин генерал, — выкрикнул Акиро.

Но молодой человек не мог придумать, что еще сказать. Его только что разбудили. Нобуру заметил, что у его обычно очень аккуратного

помощника была расстегнута ширинка. Нобуру странно поразило, что он еще был способен замечать такие детали в тот момент, когда смерть уже касалась его своей холодной шкурой.

Нобуру пересек комнату и подошел к окну из пуленепробиваемого стекла, закрытому тяжелыми шторами. Он дотронулся до кнопки, и шторы раздвинулись.

Ничего не было видно. Бой шел с другой стороны здания штаба, и, несмотря на доносившиеся пулеметные очереди, из комнаты Нобуру был виден только спокойный ночной город, раскинувшийся на берегу залива. А за грядой зданий залитое лунным светом простиралось пустынное море. Это был великолепный романтический пейзаж, и отдаленный шум боя, казалось, до абсурда не сочетался с этой картиной, как будто к фильму подключили чужую звуковую дорожку.

У Нобуру мелькнула мысль, что в Токио предпочли бы такую картину происходящего, но не успел он улыбнуться своей мысли, как зажигательная бомба пронеслась по темному небу, оставляя за собой хвост пламени. Она упала на балюстраду, чуть ниже того места, откуда смотрел Нобуру, и пламя начало распространяться по плоской крыше.

— Пошли, — сказал Нобуру своему адъютанту, — и застегните ширинку.

Нобуру бегом пересек комнату и вышел в коридор. Акиро следовал за ним, стараясь убедить генерала не ходить.

— Господин генерал, — умолял Акиро, — вы должны остаться здесь. Вы должны оставаться там, где гарантирована ваша безопасность.

Только когда закрытые двери лифта преградили ему путь, Нобуру обратил внимание на молодого человека.

— Ничего нельзя гарантировать, — сказал он спокойно, — и меньше всего мою безопасность.

Раздвижные двери лифта открылись с еле слышным предупредительным позваниванием. Внутри стоял полковник Пьет Клоет, главный представитель Южной Африки при штабе. Рядом с ним стояли два сержанта. Все трое были сильно вооружены. Сам Клоет смотрелся устрашающе с висящим на груди пулеметом; оба сержанта были вооружены автоматами, обвешаны гранатами. В руках они держали переносные радиоустановки и коробки с патронами для пулемета Клоета. Нобуру не мог не восхититься видом южноафриканского полковника. Он знал, что достиг сам уже такого возраста, когда никого уже не мог утратить, а если он встанет с пулеметом наперевес, то просто рассмешит противника. Но полковник-южноафриканец был мужчиной в самом расцвете сил и полон энергии. Седина на висках Клоета поблескивала сталью.

— Крыша, — сказал южноафриканец генералу.

— Да, — ответил Нобуру, — вертолетная площадка — это наиболее тактически важная позиция.

Он вошел в лифт. Когда Акиро попытался войти вслед за ним, он загородил ему дорогу рукой.

— Идите в оперативный центр и следите за информацией, — приказал Нобуру. Он посмотрел на молодого человека. Этот отличный офи-

цер штаба был сейчас явно не в себе. Акиро не казался испуганным, он просто выглядел морально подавленным. Это был дисциплинированный человек, живший в дисциплинированном мире, который, проснувшись, вдруг оказался босиком в джунглях, наполненных непонятными звуками.

— И возьмите автомат, — добавил Нобуру.

Двери со скрипом закрылись. Во время короткого подъема в лифте они слышали вокруг себя приглушенные звуки боя, и все же бой казался нереальным, почти неуместным.

— Трассирующие снаряды, — заметил Клоет небрежно. Он поднял пулемет и теперь крепко держал его в руках. — Эти сволочи захватили главные ворота.

Дверь открылась. Нобуру вышел первым и, осторожно ступая, пошел по короткому темному коридору, ведущему к вертолетной площадке.

— Твою мать, — выругался один из сержантов-южноафриканцев, споткнувшись обо что-то металлическое.

Когда группа вышла из железобетонного укрытия, дующий с моря ночной ветер ударил Нобуру в грудь под расстегнутым кителем, взъерошил волосы, подобно волне ледяной воды. Медно-красные огни падали с неба, освещая здание штаба и близлежащие кварталы города. В темном небе было видно, как трассирующие снаряды то соединялись, то разъединялись, а в квартале домов прямо за бараками вздымалось ввысь пламя. Очевидно, первая атака была отбита. Движения людей почти не было видно. Нобуру быстро пересек вертолетную площадку и подошел к тому месту, откуда все было хо-

рошо видно. Южноафриканцы шли впереди под грузом оружия, тяжело ступая обутыми в сапоги ногами.

— Пулемет, — закричал Клоет, — открыть огонь. — В его голосе слышались интонации, полученные им в наследство от их старых врагов британцев, эти интонации проникли в бурскую кровь и возникли сейчас здесь, на берегу Каспийского моря. Не было сомнения, что Клоет говорит по-английски, но с сильным бурским акцентом.

Южноафриканцы начали стрелять из своего длинноствольного оружия по целям, которые старческие глаза Нобуру даже не могли и разглядеть.

Его тело ослабело, глаза стали плохо видеть. Но он очень хорошо помнил свою молодость. В тот момент, когда Нобуру спрятался за низкой стеной, идущей по краю крыши, яркие огни пламени вспыхнули из-под одной из сторожевых башен, похожих на длинный стебель с луковичеобразной площадкой наверху. На площадке стоял часовой. Сейчас этот цветок задвигался. Так как основание башни было охвачено пламенем, то она задрожала, затем как будто подпрыгнула, стараясь сохранить равновесие. И наконец, все сооружение потеряло устойчивость, и куски железобетона с грохотом рухнули на парадную площадь.

На фоне выстрелов раздались крики. Выкрикивая что-то непонятное, азербайджанцы бросились вперед через разрушенные главные ворота. Огромные стальные ворота взрывом сорвало с петель, а каменная кладка стены была вся в острых зубцах, как сломанная кость. Темные фигуры бежали вперед, и их силуэты выделя-

лись на фоне огня. Другие фигуры спрыгивали со стены в тех местах, где была разорвана проволока. Бегущие впереди открыли огонь из автоматов.

Вспыхнули новые языки пламени. Внутри территории штаба раздались пулеметные очереди. Немногие из оставшихся сторожевых башен поддерживали огонь вдоль длинной стороны стены, остальные же оставались темными и безмолвными.

Душераздирающие вопли. Падающие тела.

„Конечно,— думал Нобуру,— эти темные люди выкрикивают имя своего Аллаха. Никакие другие слова не могли бы заставить их пойти на такое!“

Пулеметы гарнизона сбивали нападающих с ног. Когда Нобуру подполз поближе, чтобы лучше видеть, совсем рядом от его лица и груди, обжигая, пролетели пустые гильзы.

— Сумасшедшие, — сказал один из южноафриканцев своему товарищу. Он сменил магазин и перегнулся через стену, окружавшую крышу.

— Огонь слева, — закричал Клоет. Его подчиненные начали стрелять в ту сторону, откуда раздавались пулеметные очереди.

Нобуру вглядывался в темноту, стараясь проследить за трассирующими пулями из оружия южноафриканцев, желая получше разглядеть своих новых врагов.

Внизу на парадной площади в огне пламени он увидел около сотни трупов. Некоторые тела лежали, сжавшись в комочек, другие — раскинув руки и ноги. Один человек отчаянно полз по булыжникам, как червяк, другой несколько

раз дернулся и замер. Снайперы спустились на землю и вдруг начали стрелять по зданию штаба. В ответ на них обрушился шквал огня.

Нобуру считал, что атака уже закончилась, когда новая волна людей ворвалась с криками в ворота. Впереди на фоне этого ада выделялась фигура человека с высоко поднятым знаменем. Его голова казалась огромной, как будто на ней был одет тюрбан. Вокруг него пронзительно кричали его сторонники.

Нобуру показалось, что он четко слышал слово „Аллах“, и затем оно звучало снова и снова. Он знал, что слух у него был не лучше, чем зрение, и, кроме того, ему могло только показаться, что голоса выкрикивают именно это слово. Но оно было вполне уместно. Он видел, как огонь из пулемета пригвоздил человека со знаменем к стене и тот упал.

Другая тень подхватила знамя.

Клоет выругался и приказал дать ему другую обойму.

Нобуру подумал, что надо вынуть пистолет. Но он понимал, что стрелять из пистолета с такого дальнего расстояния было бы просто красивым жестом, равносильным плевку в лицо противника. А он устал от красивых жестов. Это был бой для более молодых людей.

Все годы службы в армии он четко осознавал себя частью истории. Он знал, что обладает даром, необходимым для того, чтобы рассказать об этом в книгах, которые он собирался написать. Но это потом. Сейчас же он был частью чужей-то чужой истории. Сейчас сумасшедшие со знаменами и именем Аллаха на устах ворвались в жестокие законы цивилизации. Это были события из давно ушедших времен.

Пулеметы методично стреляли, возводя барьер из человеческих тел в том месте, где когда-то были стальные ворота. Но азербайджанцы один за другим просто перелезали через груды тел своих собратьев, продолжая свой мученический путь.

Темная фигура подняла руку, чтобы что-то бросить, но не успела. Взрывом гранаты разбросало кучу трупов, в которую упал этот человек.

— Терребок, — крикнул Клоет, не отрываясь от оружия, — принеси еще патронов.

Один из сержантов пробормотал что-то в ответ и быстро побежал к лифту.

— Сумасшедшие, — сказал Клоет громко, в его голосе слышалось восхищение, смешанное с осуждением. — Они сумасшедшие.

Автоматическое оружие, изготовленное в Хонсю или на мысе Доброй Надежды, работало прекрасно. Нападение опять свелось к перестрелке одиночными выстрелами между несколькими стрелками, ведущими огонь из гущи мертвых и раненых, и защитниками здания штаба.

Клоет открыл кожух пулемета, чтобы охладить его. Он откинулся к стене.

— Дерьмо, — сказал он. Затем, заметив Нобуру, засмеялся громко. — Ехать так далеко, чтобы стрелять в цветных. — Он широко улыбнулся, и его белые зубы ярко заблестели на открытом пороховой гарью лице. — Смешно, но я не помню, чтобы об этом говорили хотя бы на одном из инструктажей. — Забыв о вежливости, он пристально смотрел на Нобуру как человек, точно знавший, что все летит в тартарары и кто в этом виноват.

Нобуру ничего не сказал. Он просто посмотрел на тяжелые черты лица этого человека. Кожа Клоета блестела в свете горящих вокруг пожарищ, и он был одинаково похож и на трудновоспитуемого рядового, и на полковника.

— Знаете, они все ушли, — продолжал Клоет. Он пощупал рукой карман своего кителя и вынул помятую пачку сигарет. Там, вдали, опять слышались одиночные выстрелы. — Это наши местные националисты, — сказал он, держа помятую сигарету во рту. — Все оставшиеся силы безопасности союзников. За исключением пары до смерти напуганных офицеров, которые в любом случае ничего не стоят. Все они перебежали к этим сумасшедшим типам. — Он бросил сгоревшую спичку в сторону толпы. — Они взяли свое оружие и смылись. Слава Богу, что у нас на некоторых сторожевых башнях были часовые япошки. — Прищурившись, он посмотрел на Нобуру. — Я хотел сказать, японцы.

Вдалеке раздался новый звук. На этот раз пение. Азиатская мелодия была одинаково непривычна для слуха Нобуру и для слуха Клоета. Вначале были слышны только несколько голосов. Затем их поддержали другие. Скоро пение было громче пулеметного огня, оно отражалось от стен, разносилось по улицам, и отраженный звук казался совсем другим, и создавалось впечатление, что несколько отстоящих друг от друга групп поют одновременно.

— Кровавый концерт, — заметил оставшийся сержант. По тону его голоса было видно, что он нервничает.

Клоет кивнул самому себе.

— Их там очень много, — сказал он. Он говорил и продолжал курить, держа сигарету во рту. — Превосходство в численности, как ни говори, неплохо и с военной точки зрения.

— Вы не обязаны здесь оставаться, — произнес Нобуру по-английски, который он несколько лет изучал в колледже. — Это уже чисто японская война. Вы можете вызвать одно из ваших транспортных средств, чтобы вывезти своих людей. — Нобуру взглянул на огромную фигуру полковника, растянувшуюся прямо около его колен. — И вы сами тоже можете улететь.

Клоет засмеялся, причем так громко, что его смех был отчетливо слышен на фоне пения толпы.

— Это очень щедро с вашей стороны, генерал Нобуру. Чрезвычайно щедро. Но пока мы собираемся болтаться здесь.

Рядом с ним другой южноафриканец устало фыркнул от смеха. Но Нобуру не понимал, почему они смеялись.

— Как хотите, — сказал он, — можете остаться и принять участие в сражении. Но я освобождаю вас от выполнения условий вашего контракта, учитывая изменившиеся обс...

— Ну хватит, — сказал Клоет. — Я убежал бы отсюда, если бы мог. Но ваши местные дружки захватили взлетно-посадочную полосу, пока вы смотрели свои чудесные сны. Сейчас Баку — закрытый город. — Своими фарфоровыми, как у животного, глазами Клоет посмотрел вверх. — Можно пожалеть ребят на взлетно-посадочной полосе. Толпа настроена далеко не гуманно.

Два человека появились из защищенного прохода, ведущего от лифта и лестничной клетки. Один из них был очень большим и расхлябанным, и его руки и ноги казались вялыми, даже несмотря на тяжесть ящиков и коробок, другой, тащивший автомат, был небольшого роста и очень собранным. Это были сержант Терребок, принесший боеприпасы для Клоета, и Акиро.

Южноафриканец сбросил ящики с боеприпасами один за другим.

— Это последние, сэр, — сказал он Клоету. Затем он повернул лицо в ту сторону, откуда раздавалось пение. В профиль он был похож на собаку, почуявшую очень крупную дичь. — Страшновато, не правда ли? — сказал он.

Пулеметная очередь заставила его пригнуться и опуститься на колени.

— Господин генерал, — сказал Акиро. Несмотря на то что он говорил шепотом, его слова звучали очень резко. Затем он начал говорить очень быстро по-японски, чтобы южноафриканец не смог понять его. — У нас возникли непредвиденные трудности.

Нобуру чуть было не рассмеялся вслух. Ему показалось, что Акиро приобрел удивительный новый талант к преуменьшению.

— Ну, — сказал Нобуру, заставляя себя сохранять серьезность, — продолжайте же, Акиро.

— У нас нет достаточного количества боеприпасов для стрелкового оружия. Никто не предполагал... Казалось, нет необходимости иметь запасы боеприпасов, так как никто не думал, что может возникнуть подобная ситуация.

— Да, — согласился Нобуру, — не было абсолютно никакой необходимости. Что еще?

— Если они вдруг продолжат наступление на штаб, полковник Такахара не знает, сколько еще времени мы сможем поддерживать плотность огня, необходимую для отражения противника. Может, одну атаку, самое большее — две. — Акиро откинул голову, как лошадь, стряхивающая капли дождя. — Я все еще не могу поверить, — сказал он, — что американцы настолько умны, что могут манипулировать нашими союзниками.

Нобуру чуть было опять не поправил молодого человека. Но он понял, что это бесполезно. Когда они все погибнут, тогда будет существовать школа историков, возглавляемая Акиро, которая будет утверждать, что все произошло только благодаря махинациям американцев и их долларам. Нобуру знал, что это не так. Но его сограждане были жителями островов не только в прямом смысле. Возможно, самое худшее состояло в том, что ограниченность их островной территории проявлялась в утере способности понимать силу иррациональной веры.

— Вы можете сказать полковнику Такаhare, чтобы он уменьшил размер обороняемой площади. Мы будем защищать только сам штабной комплекс и узел связи. Перестаньте прикрывать остальные сооружения, — сказал Нобуру. — И чтобы солдаты держались группами не менее двух человек. Когда солдаты боятся, они расходуют больше патронов.

Нобуру ожидал, что Акиро мгновенно убежит выполнять приказание, но молодой человек продолжал стоять.

— Что-то еще? — грустно спросил Нобуру.

— Господин генерал, мы не смогли доложить о сложившейся ситуации в Токио. Или кому-нибудь еще. Что-то... не так. Ни одно из средств связи не работает. Кроме главного компьютера, который не принимает сообщений с голоса. Мы разрабатываем необходимый формат автоматического ввода данных, но... все было настолько непредвиденным.

— Что еще собираются делать американцы? — Нобуру вздрогнул. Возможно, он был глупцом, жившим в призрачном мире. Возможно, Акиро был прав, и это восстание финансировалось американцами.

Нет. Он все еще не мог в это поверить.

Почему не работает связь? Даже в самый разгар вчерашнего нападения американцев линии связи продолжали работать бесперебойно. Перебои в работе связи имели место только в непосредственной близости к зоне боевых действий. В чем же дело сейчас?

— Акиро? Что думает полковник Такахара? Может, это диверсия на нашей линии связи?

Акиро пожал плечами. Он умел работать на пультах управления. Но он не был офицером связи и не имел представления о том, что происходит.

— Полковник Такахара говорит, что это радиопротиводействие.

Радиопротиводействие? Тогда кто его осуществляет? Должно быть, это американцы. Только у них есть стратегические системы для радиопротиводействия. Однако... американцы не использовали свои стратегические системы противодействия во время боя два дня назад, и

отсутствие этого противодействия смущало Нобуру. Сегодняшняя ситуация была ему непонятна.

Неужели американцы их опять атакуют? Несмотря на то что они использовали „Скрэмблеры“?

— Акиро, скажите полковнику Такахаре, чтобы он передал автоматическое управление боевыми операциями на тыловой командный пункт в Тегеране. Это довольно легко сделать с помощью компьютера. Но это нужно сделать очень быстро, пока противник не нашел способа заглушить наши автоматические линии передачи тоже. Просто скажите полковнику Такахаре, что надо передать управление. Он знает, что нужно делать.

— Надо ли ему отключать наш компьютер? — спросил Акира.

— Нет. Вовсе нет. Передача управления осуществляется временно. Тыловой пост будет осуществлять контроль за боевыми действиями до тех пор, пока ситуация здесь опять не будет под контролем. Наш компьютер будет оставаться в полной боевой готовности. Я хочу иметь возможность взять управление на себя, как только радиопротиводействие прекратится и мы разгоним эту демонстрацию.

Но он не верил в будущее. То, что он сделал, было простой формальностью и было предписано правилами. Он потерял веру. Тени за стеной отобрали последние остатки его веры и вобрали эту веру в себя. На мгновение он опять представил себе толпы темнолицых поющих людей, окружающих их со всех сторон.

— Господин генерал, полковник Такахара говорит, что мощность радиопротиводействия на-

столько велика, что многие наши средства связи сгорели.

— Это не имеет значения. Я могу управлять боевыми действиями только с помощью компьютера, если такая необходимость возникнет. — Нобуру неожиданно посмотрел на себя со стороны, как будто его душа на короткое время покинула тело. Как велик был разрыв между ним и его предками, которые вели за собой людей, держа стальные палки в руках.

Громкое пение вдали продолжалось. Он знал, что его предки поняли бы значение этого звука. Воин из сновидения понял это.

Несколько шальных выстрелов попало в фасад здания. Нобуру услышал короткий разговор южноафриканцев.

— Что говорит молодой офицер, сэр, — спросил Клоета сержант, подносящий патроны.

Клоет засмеялся громко и презрительно.

— Он говорит старику, что он не может ни с кем связаться. И что у нас нет боеприпасов.

Акиро поднялся, чтобы уйти.

— Акиро...

Молодой человек послушно остановился.

Нобуру протянул адъютанту забытый им автомат.

— Благодарю, господин генерал, — сказал Акиро. Нобуру увидел даже в темноте, что его адъютант покраснел.

— Да, Акиро, самая главная задача полковника Такахары — сохранить компьютер.

— Слушаюсь, господин генерал.

Нобуру смотрел, как молодой человек, быстро двигаясь, пересек вертолетную площадку.

Да, компьютер. Там есть такие вещи, о которых не знает даже Такахара.

Некоторые возможности машины были известны только полным генералам и небольшой группе инженеров в Токио. Главная военная компьютерная система, считал Нобуру, была похожа на красивую жену богатого человека, она знала секреты, способные уничтожить человека, с которым она делила постель.

Вдруг пение прекратилось. В наступившей тишине было что-то болезненное и головокружительное. В этой тишине стали слышны крики смертельно раненных людей, которым не повезло, и они не потеряли сознание.

Душераздирающий вопль взорвал мир за стеной. Это был самый пронзительный звук, который Нобуру когда-нибудь слышал.

— Вон они идут! — закричал Клоет.

Часть стены не была видна из-за огня и пыли. С силой, подобной силе урагана, Нобуру отбросило назад ударной волной.

— Стреляй в дым, стреляй в дым.

Затем крыша у них под ногами содрогнулась от взрыва меньшей силы. Гранатомет, понял Нобуру. Либо они его украли, либо регулярные войска повстанцев примкнули к толпе.

Первые пронзительно кричащие фигуры бежали из-за дымовой завесы. Во внутренней части территории штаба кто-то зажег фары и прожекторы, чтобы помочь пулеметчикам, и новые вспышки пламени осветили небо. Но на этот раз вспышек было меньше, и большей частью небо освещалось светом пожарищ, пылающих в дальней части города.

Темные фигуры хлынули через ворота и разрушенную стену. Сила огня защитников, казалось, уменьшилась под напором штурма и громких криков толпы. Люди взбирались на груды трупов, в толпе появлялось все больше знамен, которые падали и опять появлялись.

Клоет поднялся, чтобы направить пулемет на бушующий поток людей.

Сержант-южноафриканец, стоящий сбоку от Нобуру, упал и растянулся на вертолетной площадке. Падая, он концами пальцев провел по лицу Нобуру и привлек этим к себе внимание генерала. Южноафриканец лежал, широко раскинув ноги, вместо лица — кровавое месиво. Он непонятным образом продолжал издавать стоны, почти похожие на слова.

Клоет отвернулся, глаза его горели. Он жестко взглянул на своего подчиненного, бесцеремонно вытащил его пистолет и выстрелил ему в переносицу. Сержант вздрогнул и затих.

Полковник-южноафриканец посмотрел в глаза Нобуру и почему-то прочитал в них осуждение.

— А что делать в такой ситуации? — сказал Клоет.

Нобуру кивнул, затем инстинктивно взял автомат убитого сержанта и наклонился над заграждением. Прицеливаясь, он начал различать черты людей, рвущихся к штабу. Они были очень близко. Война приближалась к нему.

Нобуру начал стрелять. Почувствовав отдачу от автомата, он тут же испытал знакомое чувство, даже после того, как несколько десятилетий держал в руках только парадное оружие. Он тщательно прицеливался, стараясь

стрелять одиночными выстрелами, чтобы ни один патрон не пропал даром. Азербайджанцы падали целыми рядами. Но каждый новый ряд подходил все ближе.

Взрывная волна сбила с ног идущих впереди. Нобуру почувствовал, как его что-то ударило в висок. Но он продолжал стоять, замечая все, что происходит вокруг, и продолжая стрелять.

— Банзай!

Громкие крики японцев растворились в шуме криков нападающих. Близкие выстрелы из автоматов стали сильнее и были похожи на приглушенный рев.

— Банзай!

В затухающем свете пламени Нобуру видел, как его людиврезались в толпу атакующих азербайджанцев. Японцы бежали, стреляя на ходу. Нобуру увидел сверкание штыков. Пламя, как миниатюрное солнце, освещало двор. В первом ряду атакующих японцев Нобуру узнал полковника Такахару с самурайским мечом над головой. Острое лезвие меча отражало лучи света. Левой рукой Такахара стрелял из пистолета.

— Банзай!

Первые ряды нападающих начали отступать под неожиданным напором контратаки. Нобуру стрелял перед рядами своих солдат, стараясь им помочь. Он знал, что для него дни доблестных атак прошли. Но он решил, что будет делать то, на что он был способен.

— Чертовы японцы, — услышал он слова, сказанные оставшимся в живых сержантом-южноафриканцем. Это было сказано не то с восхищением, не то с жалостью. — Они такие же сумасшедшие, как и местные жители.

Нобуру увидел, как упавший азербайджанец неожиданно поднялся и выстрелил прямо в живот Такахары. Офицер пошатнулся. Нобуру показалось, что для Такахары было важнее удержать меч лезвием вверх, чем устоять на ногах. Незапачканное кровью лезвие меча ярко сверкало. Затем другой выстрел сбил Такахару с ног, и он упал на землю. Свет от лезвия меча задрожал и исчез среди трупов. Нобуру поднял автомат, чтобы выстрелить, но какой-то другой японец опередил его, проткнув штыком человека, застрелившего Такахару. Солдат, видимо, хорошо усвоил правила работы со штыком. После удара он наступил ногой на спину жертвы и выдернул штык.

Сила атаки ослабевала. Во дворе осталось где-то около двух десятков японцев, которые стреляли через парадную площадь в сторону главных ворот и пролома в стене. Последние вспышки пламени помогали им. Нобуру вдруг понял, что он никогда не видел смерть такого большого количества людей с такого близкого расстояния. Огромная площадь между зданием штаба и главными воротами кишела ранеными, как змеиное гнездо. Но, приглядевшись, было видно, что вокруг раненых царило какое-то страшное спокойствие и ожидало момента, когда можно будет забрать их к себе навсегда. Из здания штаба можно было пройти к главным воротам, ступая с трупа на труп и ни разу даже не поставив ногу на бетон или булыжник.

Голос по-японски приказал возвращаться к оборонительным сооружениям у здания штаба. По пути назад солдаты осматривали тела убитых, стараясь найти боеприпасы для продолже-

ния боя. От запаха пороха, словно от сухого перца, першило в горле.

— Боже, — произнес чей-то голос. Нобуру обернулся и увидел, что сержант, подносявший боеприпасы, склонившись, рассматривает огромную рану в голове своего товарища.

Клоет зажег сигарету и протянул открытую пачку Нобуру.

— Я не курю, — сказал Нобуру.

Южноафриканец кивнул, как будто он это прекрасно понимал.

— Отличная работа, — сказал Клоет. Он произнес эту фразу по-английски со своим жутким акцентом. — Я имею в виду ваших ребят.

— Да.

— Боже, у вас кровь хлещет, как из недорезанной свиньи.

Нобуру не понял, в чем дело.

— Сбоку, около виска, — сказал Клоет и поднял руку, чтобы показать, где находится рана. Его пальцы пропахли порохом.

Нобуру вспомнил, как что-то ударило его в голову. И сейчас он почувствовал, как теплая кровь медленно течет из раны и, остывая, дальше по шее. Он мог даже не трогать рану рукой.

— Ничего страшного, — сказал он.

— Вам надо ее забинтовать, — твердо сказал Клоет.

Но Нобуру это больше не беспокоило. Он понял, что эта атака помогла ему, даже обрадовала его. В конце ее ему уже не пришлось ни о чем думать. Воин из сновидения улыбался ему.

— В любом случае никаких серьезных последствий не будет, — искренне сказал Нобуру.

Полковник военно-воздушных сил США Джонни Тоот был счастливым человеком. Четыре тяжелых боевых самолета „Белый свет“ с аппаратурой радиоэлектронной борьбы на борту, находящиеся в его непосредственном подчинении, вышли на рубеж патрулирования и работали прекрасно, однако с опозданием на двадцать четыре часа.

Но опоздание — это относительная вещь. Проклятые близорукие военные мыслители из сухопутных войск не понимали, что нельзя рисковать дорогими самолетами и экипажами в безнадежно скверную погоду. Конечно, говоря точно, он немного отставал от графика, но его самолеты включились в работу сразу же после беспосадочного сверхзвукового перелета из Штатов и работали сейчас превосходно, создавая радиопомехи вдоль огромной полосы от Кавказа к востоку до Средней Азии и в направлении Северного Ирана. Сегодня на земле никаких переговоров не будет.

Самолет „Белый свет“ был спроектирован с учетом полета от скорости, превышающей звуковую, до скорости вертолета и мог зависать над целями. И в том, и в другом случае они были невидимы для систем раннего обнаружения, используемых в районе боевых действий. Долгие годы работы по программе создания самолета „Белый свет“ давали Тооту то греющее чувство спокойствия, которое возникает у человека, сделавшего выгодное вложение денег, когда все остальные разоряются. Он сам вложил свои деньги в отличную недвижимость в те годы, когда свирепствовала болезнь Рансимана, поэтому сейчас он совсем не волновался о своем будущем после ухода в отставку.

— Как вы думаете, нам надо связаться с армейским командованием? — спросил второй пилот по внутренней связи.

Тоот не мог поверить своим ушам.

— Ты что спятил, Чаббс?

— Нет, — сказал Чаббс осторожно. — Я просто думал, что нам следует дать им знать, что мы вышли на рубеж атаки. Вы же знаете, что мы обязаны это сделать.

Тоот вздохнул. Очень немногие люди понимали характер взаимоотношений между видами вооруженных сил.

— Может быть, на пути назад, — сказал он, так как всегда был готов на компромисс. — Вначале мы должны до конца выполнить поставленную перед нами боевую задачу. Никто не скажет, что военно-воздушные силы США не внесли своего вклада в общее дело.

Тоот внутренне содрогнулся, представив себе, как какой-нибудь полуграмотный армейский офицер с грубыми ручищами, давая показания перед комиссией Конгресса, заявит, что все бремя операции пало только на сухопутные войска. Военно-воздушным силам не нужна была новая головная боль при том ограниченном бюджете, который у них был. Тоот ясно понимал, что основная задача армии США состояла в том, чтобы перекачивать себе средства из жизненно важных программ ВВС.

Военно-воздушные силы прошли целый период неудач. Все началось в Заире, когда южноафриканцы обманули их и атаковали бомбардировщики В-2 на земле. Да, это было зрелище! Можно было только радоваться, что из-за полной неразберихи ни одному журналисту не уда-

лось разнюхать истинную стоимость одного бомбардировщика В-2, использующего технологию „Стелс“. Затем сухопутные войска начали отнимать у них славу. Кажется, это началось с того момента, когда они стали выполнять грязную работу полицейских в годы эпидемии болезни Рансимана. А может быть, все началось с их хулиганской высадки в Латинской Америке. Ведь для этой миссии можно было нанять полицейских, свободных от дежурства, и тогда были бы сэкономлены миллиарды долларов из бюджета страны. И все это время было до неприличия трудно найти подходящую задачу для первоклассных пилотируемых бомбардировщиков, программу создания которых Конгресс наконец-то начал финансировать в 90-х годах прошлого века. Да и то этого бы не произошло, если бы конгрессмены не добились равного распределения финансовых средств среди своих конституционных округов. То незначительное число боевых операций, в которых участвовали военно-воздушные силы США, ко всеобщему ужасу, показали, что самые устаревшие и самые медленные из имеющихся на вооружении самолетов в наибольшей степени удовлетворяли общим требованиям видов вооруженных сил. Слаборазвитые страны просто отказывались покупать первоклассные системы ПВО, которые предстояло преодолевать бомбардировщикам-невидимкам, использующим технологию „Стелс“. И что еще хуже, они отказывались предоставлять выгодные объекты поражения для этих бомбардировщиков. А потом была та унижительная история с транспортными самолетами Военного авиатранспортного командования. Естественно, все то время, пока ВВС пытались

получить новые истребители и бомбардировщики, никто не думал о транспортных самолетах. И когда военно-транспортная авиация не смогла осуществить переброску подразделений сухопутных войск в Африку и Латинскую Америку и обратно, правительство было вынуждено использовать коммерческие грузовые и пассажирские самолеты.

Поэтому сейчас им представилась отличная возможность продемонстрировать, на что способен самолет „Белый свет“. Стоимость каждого самолета в 2015 году доходила до девяти миллиардов долларов, и конгрессмены, представляющие конституционные округа, в которых находились основные военные заводы-подрядчики, бросались на амбразуру, защищая эту программу и добиваясь ее финансирования. Было бы, конечно, отлично, если бы можно было синхронизировать действия с операцией сухопутных войск, как это было предусмотрено первоначальным планом. Но, в конце концов, главное было ввести самолеты в бой. Его вышестоящее командование приняло решение начать выполнение задачи на двадцать четыре часа позже даже без согласования с другими видами вооруженных сил. Всегда существовала опасность, что сухопутные войска попытаются заблокировать участие военно-воздушных сил, утверждая, что больше нет необходимости для поддержки радиопротиводействием или что это будет мешать проведению наземных операций. Никогда нельзя доверять этим типам. Им не дано видеть всю картину целиком, у них мышление пешеходов. Они совершенно не способны понять стратегические приоритеты. И они умирали банкротами.

— Что там происходит, Питер, — вызвал Тоот своего стрелка, который в этот момент запускать в небеса созданные человеком молнии и разрушал электронные системы противника стоимостью в миллиарды долларов.

— Все отлично, сэр. Мы запускаем столько горячительного, что спалим почти все передатчики, расположенные в районе до Индийского океана. Когда взойдет солнце, у них останутся в руках консервные банки и обрывки проводов. Токио окажется в дерьме.

— Хорошо. Продолжай в том же духе, — сказал Тоот. Затем он вызвал штурмана. — Эй, Джимми, доставишь нас к рассвету обратно в наше воздушное пространство, понял?

— Будет сделано, сэр.

Полковник Джонни Тоот прекрасно знал, что хитроумная технология и электронные средства защиты пятого поколения делали его самолет невидимым как днем, так и ночью. Но Тоот тем не менее предпочел бы лететь в темноте. Возможно, это было неразумно, но под покровом ночи он чувствовал себя в большей безопасности. Кроме того, ему хотелось вернуться обратно до обеда, так как ему нужно было сделать очень важный звонок. Поддержка сухопутных войск — это, конечно, очень важно, но покупка недвижимости это куда серьезнее.

4 ноября 2020 года

Ночью они распяли людей на крестах и ушли, оставив кресты стоять рядом с воротами. Акиро с трудом успевал за Нобуру в море трупов. Его начало мутить. Ветер трепал пропитанную кровью форму распятых японских офицеров, как будто это было мокрое полотнище.

„Азербайджанцы распяли людей без знания дела“, — подумал Нобуру. Одному они проткнули пикой предплечье вместо запястья, другому они не пригвоздили ногу, и она болталась. Двух из троих распятых людей Нобуру узнал, это были офицеры с аэродрома. Возможно, третий человек был из вновь прибывших, и он не знал его. Нобуру посмотрел вверх на лица людей, полные удивления и муки. За ним стоял Акиро, его уже не рвало.

— Хорошо, что они их убили, — сказал Нобуру, опустив глаза и посмотрев на ряды горящих домов города и на груды человеческих тел, оставшихся после отступления толпы.

— Зачем? — умоляюще спросил Акиро. — Зачем они это сделали?

Нобуру улыбнулся:

— Они считают нас христианами. Видишь ли, они всех иностранцев считают христианами. Я боюсь, наши союзники не настолько образованны, как этого хотелось бы Токио.

Сзади, около ворот, опять зарычал бульдозер, сдвигая тела и расчищая проход для деблокировочной группы, которая должна была в конце концов прибыть. В городе было очень тихо, слышался только рев бульдозера. Утренний свет казался неестественным и уродливым из-за дрожащих столбов дыма и запаха смерти. Бульдозер сдвигал мерзкие отбросы, которые когда-то были человеческими телами, разворачивал кишки трупов, и от этого отвратительный запах становился еще ужаснее. Иногда к этому мерзкому запаху мертвых тел добавлялся знакомый запах нефтеперерабатывающих заводов, доносящийся с побережья. Даже через тысячу лет после закрытия буровых вышек и нефтеперерабатывающих заводов в Баку все еще останется этот запах нефти и смерти.

Нобуру понимал, что в лабиринте старого города, на побережье, еще дальше в кварталах жилых домов, построенных для рабочих как воплощение их мечты о рае, или же в болезнетворных трущобах, где семьи жили хуже, чем их далекие предки, люди замерли в ожидании. Сейчас улицы были пусты. Свет дня, поражение, чума и истощение загнали людей обратно в дома. Но они все еще были где-то здесь, они ждали.

Ждали возвращения темноты. Они наверняка придут ночью опять. Нобуру предчувствовал это.

В центре связи была сумятица. Офицеры разведки предполагали, что американцы использо-

вали самолеты-постановщики помех „Белый свет“. Но знать это наверняка было невозможно. Мир был слишком полон неожиданностей. Зато они быстро убедились в том, что великолепный компьютер, управляющий боевыми действиями, чудо XXI века, полностью вышел из строя. Когда радиопротиводействие наконец прекратилось, в центре связи остались только два работающих прибора: старый электроламповый радиоприемник, доставшийся им в наследство от советских войск, с помощью которого работникам штаба удалось связаться с сохранившим им верность гарнизоном на севере, и главная компьютерная система. Эта система была гордостью японцев. Она была способна выдержать помехи любой мощности. Компьютер напоминал замок, в котором современный воин мог найти свое последнее убежище. Конечно, сохранить эту систему было важнее, чем любое число офицеров, даже таких храбрых, как Такахара, или солдат, подобных тем, которые были распяты на крестах.

Черная птица села на одного из валяющихся на улице мертвецов и несколько раз дернула головой, как бы проверяя что-то. Вдалеке раздалось тихое жужжание. Офицеры переглянулись.

— Деблокировочная группа? — спросил Акиро.

— Нет, слишком рано.

Акиро взглянул на улицу, где валялись обрывки бумаги и разбитые стекла, и ему показалось, что на ней застыла смерть.

Жужжание прекратилось. Это было еще одно необъяснимое обстоятельство в этой веренице событий.

Пройдет много времени, прежде чем придет деблокировочная группа. Возможно, целый день или больше. По полученным непроверенным данным стало известно, что фундаменталистские элементы в Иране призывали к священной войне на освобожденных территориях против японцев и русских. Азербайджанцы исповедывали ислам и должны были повиноваться этому призыву. Возможно, это и станет общим делом для жителей всех солнечных республик Средней Азии, таким же, каким для них была война против Советов. Хотя точных сведений у Нобуру не было. Без средств связи мир казался одним большим знаком вопроса. Но даже если они объединятся сейчас, то все равно очень скоро сунниты и шииты начнут убивать друг друга. Это было естественным путем развития этого мира, таким же естественным, как смена времен года.

Конечно, это не имело никакого логического смысла. Но этими людьми руководил дух, и логика других рас и религий не имела для них никакого значения. Вера была для них всем.

Люди в городе, а также некоторые подразделения повстанцев отозвались на призыв своего Бога. Часть повстанческих сил оставалась верной Японии. Это была гражданская война внутри другой гражданской войны. Расколотый мир продолжал рассыпаться на еще более мелкие, почти неуправляемые осколки. Он заранее знал обо всем этом. Воин из сновидения шептал ему об этом, улыбаясь глупости Нобуру, когда тот старался урезонить иранских, арабских и среднеазиатских генералов, которые только и ждали того дня, когда японцы снова победят славян и весь остальной мир, а потом славяне

и японцы тоже уйдут с лица земли, и тогда дети Аллаха начнут расовую резню.

Согласно сообщениям, полученным с помощью старого радиоприемника, деблокировочная группа должна была пробиваться в город из ближайшего оставшегося верным японцам гарнизона. И никто не знал, какие препятствия и засады ожидали эту группу на пути. В идеале вертолеты и самолеты вертикального взлета и посадки должны были бы осуществить разведку, быструю деблокировку и транспортировку войск, боеприпасов и раненых. Но ночью средства радиоэлектронной борьбы вывели из строя электронную аппаратуру почти на всех тактических самолетах, находящихся в данном районе. Единственное, что можно было сделать в создавшемся положении, — это направить деблокировочную группу на бронетранспортерах, которым придется вслепую, без всякой связи пробираться по горным дорогам. Поэтому для ожидания и беспокойства оставалось еще много времени.

Боеприпасы. Больше всего им нужны были боеприпасы. Если толпа вернется сейчас, они смогут войти в штаб в буквальном смысле прогулочным шагом.

Нобуру был вынужден оставить за тыловым командным пунктом контроль за боевыми операциями. Уставшие офицеры штаба из всех сил старались отремонтировать хотя бы несколько систем связи. Он мог бы управлять боевыми действиями с помощью главного компьютера, но он осознавал, что поступить так значило проявить обычное тщеславие. Ему нужен был работоспособный штаб. В настоящий момент тыловые подразделения имели больше возможностей опреде-

лечь нанесенный ущерб и скоординировать усилия всех союзнических подразделений. При теперешнем состоянии его штаба все команды Нобуру были бы подобны блужданию в потемках. Сейчас он не мог даже по радиотелефонной связи связаться с тыловым командным пунктом. Поэтому он решил подождать и попытаться обдумать все как следует. Он отдал только один строгий приказ главному компьютеру: „Скрэмблеры“ не должны использоваться опять без его личного разрешения. После этого связи больше не было.

Сзади он слышал неизменное жужжание компьютера. Это была тихая электронная мелодия, воспевающая совершенство. Компьютер был готов выполнить его волю. Совершенная машина хотела выполнять его команды, но человек, слабый и ненадежный, не мог ей ничего приказывать.

Черная птица вдруг выпорхнула из своего гнезда, свитого из человеческих останков, и села на голову одного из распятых офицеров. И опять птица не попыталась клевать человеческое тело. Она просто села на голову мертвеца, как на насест, и начала чистить свои черные перья.

Акиро вынул пистолет.

— Нет, не надо, — сказал Нобуру.

Но молодой человек выстрелил. Он не попал в птицу, она взлетела в небо с испуганным криком. Голова распятого под черными крыльями птицы на мгновение дернулась от выстрела, а затем упала на грудь.

Акиро всего трясло. Он выглядел так, будто его оставили на плавающей льдине. Он продолжал держать в руке пистолет.

— Позаботьтесь о том, чтобы тела убрали, — спокойно сказал Нобуру. — Их надо снять с крестов.

В 12.57 по восточноевропейскому времени у президента Уотерса начался сильный сердечный приступ. За последние четыре дня он мало спал, и сейчас, пожалуй, было неплохо оказаться в постели и постоянно чувствовать заботу сидящей рядом жены. Перед тем как он потерял сознание, тысячи воспоминаний нахлынули на него. Последним, кого он видел, был его отец. Президент Уотерс увидел себя мальчиком, за которым гнались собаки с горящими глазами. Впереди в густом тумане он увидел фигуру своего отца. Он старался бежать быстрее и быстрее, но двигался все медленнее и медленнее и на ходу звал этого сильного, надежного человека. Но отец не слышал его. А собаки уже окружили его. Он старался бежать еще быстрее, подняв руки вверх, чтобы безжалостные морды не смогли достать до них, и молил своего отца вернуться.

Президент проснулся от невыносимой боли. Он позвал отца. Затем перед ним прошла вся его жизнь и перед смертью он произнес имя своей жены.

Пролетев над невысокими холмами, которые русские почему-то высокопарно называли Уральскими горами, американский боевой вертолет опустился ниже. Они шли в южном направлении, пролетая над изредка разбросанными деревнями, дома которых больше напоминали музейные макеты жилищ первобытного человека. Война еще не дошла до этих поселений, и здесь

дым поднимался из труб, а не из руин. Бортовые датчики М-100 регистрировали не танки, а неработающие тракторы. Жалкие дороги были покрыты снегом. И разбросанные то здесь, то там поселения были похожи на серые островки в покрытом льдом море. Покосившиеся дома выглядели такими потерянными, что казалось, война наверняка обойдет их, как их обошли при прокладке обычного водопровода.

Тейлору вдруг пришла в голову мысль, что это не та земля, из-за которой следует воевать. Это был просто путь, по которому прошли великие забытые воины Востока, безграмотные гении, сказания о подвигах которых народ выткал на коврах и отчеканил в серебре и бронзе. Затем с запада на восток здесь прошли русские в белых рубахах, сражаясь за Веру, Царя и Отечество, которые принесли местному населению письменность и артиллерию.

Объективно говоря, это была земля, за которую не стоило вести войну. Тем не менее Тейлор отлично знал, что такое война, и понимал, что человек всегда будет любить голые равнины или холмы, где он родился, и даже в неволе он передаст эту любовь по наследству своему сыну. Но людям никогда не нужны были особые оправдания, чтобы начать войну.

Тейлор почувствовал усталость. Волнение, связанное с подготовкой и планированием невозможного, улеглось, и наступил момент, когда это невозможное стало казаться уже неизбежным. Сейчас им предстоял лишь долгий, скучный перелет, и он чувствовал ужасную усталость во всем теле, которая усиливалась под грузом прожитых лет.

Долгие часы полета перед дозаправкой, а затем еще большее расстояние до цели. Тейлор взглянул на покрытые снегом просторы. Пейзаж был так не похож на тот, где он испытал первые потрясения в своей жизни.

Он откинулся на спинку сиденья.

— Утенок, — сказал он второму пилоту. — Возьми управление на себя. Мне надо отдохнуть.

Вице-президент Мэддокс осторожно переводил взгляд с одного лица на другое. Он чувствовал себя неуютно в новой роли.

— Верховный судья уже едет сюда, сэр, — сказал глава аппарата Белого дома. В тоне его голоса появились новые, уважительные нотки.

Мэддокс посмотрел на него. Ну, нет. Он к этому типу не подойдет. Тот был и останется человеком Уотерса, он всегда был невнимателен к вице-президенту, называл его деревенщиной с университетским дипломом... Одним из первых шагов нового президента будет назначение нового главы аппарата Белого дома.

— Мартин, — сказал Мэддокс человеку, судьбу которого он только что решил, — не могли бы вы заглянуть к миссис Уотерс еще раз? Посмотрите, пришла ли она хоть немного в себя. — Он думал об известном старом снимке, на котором Джеки Кеннеди в розовом платье стоит рядом с новым президентом. — Я действительно думаю, если бы она смогла присутствовать при моем вступлении в должность, это успокоило бы общественность.

— Да, сэр.

Мэддокс обвел взглядом всех сидящих за столом. „Серьезная компания. Никого из них я

бы не хотел взять с собой на охоту в выходные дни“.

— Как насчет того решения? — спросил он.

Госсекретарь вскочил. Мэддоксу было очевидно, что он с нетерпением ждал возможности продолжить свои обычные нравоучения.

„Чертовы янки, — подумал Мэддокс. — Никто и никогда их ничему не научит“.

— Мы больше не можем терять время, — продолжал госсекретарь. — Вы должны понять, сэр, президент Уотерс был болен и, возможно, физически слаб, когда принимал это решение. В такой ситуации любой человек может потерять самообладание. Вспомните Франклина Рузвельта в Ялте. Человек в плохом физическом состоянии может принять неверное решение.

— Не знаю, — сказал Мэддокс медленно. — Я по натуре боец. Я не знаю, захочет ли американский народ иметь президента, — это слово звучало сейчас особенно веско в его устах, — который боится показать кулаки.

— Дело не в борьбе, — продолжал госсекретарь. — Дело в поражении. И я уверен, что американский народ не захочет понести ненужные, бесполезные потери. Все это... просто безумие. Только Господь знает, как нам придется за него расплачиваться. Кроме того, это сведет на нет все наши дипломатические усилия.

Мэддокс оглядел всех, кто сидел позади госсекретаря, и не увидел ни одного человека, которому он мог бы доверять. Он испытывал симпатию к председателю Комитета начальников штабов, и то только потому, что он был похож на старую охотничью собаку, которая была у него в детстве

— А что вы на это скажете, генерал?

Председатель насторожился, как пес, почувший опасность.

— Господин вице-президент, — сказал он грубоватым голосом, каким обычно говорили генералы в Вашингтоне. — Я хочу быть с вами совершенно откровенным. Я старый солдат и не возражаю против того, чтобы задать противнику хорошую трепку. Но, честно говоря, шансы на успех этой операции очень малы, и она может обернуться полным крахом.

Мэддокс прищурил глаза. Да, когда собака становится такой старой, что не может охотиться, ее приходится пристрелить.

Мэддокс улыбнулся.

— Ну что же, хорошо. Вы все должны посоветовать мне, как поступить в этой ситуации. Я имел дело со всем этим только в военной школе. Мой отец послал меня туда, чтобы я научился себя вести. — Его улыбка стала больше похожа на усмешку. — Не уверен, что я этому научился. В любом случае, боюсь, что я совсем не разбираюсь в этих вещах. Мне действительно необходим хороший совет. — Его лицо как яркой вспышкой озарилось приветливой улыбкой. — К тому же я находился в Калифорнии все это время. Поэтому, ради Бога, высказывайте свое мнение.

— Господин вице-президент, — сказал секретарь, — пока вы находились на побережье, на президента Уотерса было оказано давление. И он принял...

Дверь отворилась. В комнату вошла миссис Уотерс. Ее глаза были безжизненны. Вслед за

ней вошли верховный судья, глава аппарата Белого дома и фотограф президента.

Мэддокс вскочил.

— Сэр, — прошептал госсекретарь, — у нас очень мало времени. Нам надо остановить...

— Легче на поворотах, — отрезал Мэддокс. На его лице появилось выражение глубокого сочувствия, столь же безупречное, как и его отличный галстук из черного шелка. Широко разведя руки, он направился к вдове президента.

— Вы уверены, что это то самое место? — спросил Тейлор. Козлов заметил, что американец старался сохранить профессиональное спокойствие, но в его голосе слышалось нетерпение, смешанное с отвращением. — Может быть, нам дали неверные координаты?

Козлов взглянул на экран, на котором светилось изображение выбранного района дозаправки. Степь была невероятно пустой. Там, где должны были быть советские самолеты-заправщики, была лишь серая земля, холодная и пустынная, расположенная между Каспийским морем на юге и морем снега на севере. Если бы его заставили дать этой местности название, Козлов бы назвал ее „ничейной землей“.

Он оглянулся и посмотрел вверх на изуродованное осуждающее лицо Тейлора.

— Я ничего не понимаю, — честно признался Козлов. — Я разговаривал с самим генералом Ивановым... и со штабом... и они меня уверили...

— Все координаты точны, — объявил Мереди. — Это то самое место.

Козлов видел, как целая вереница чувств сменялась на лице американца: отвращение, сильное беспокойство, разочарование, а затем опять вернулось каменное выражение, никогда не сходившее с лица Тейлора.

— Дерьмо, — сказал Тейлор.

В командном отсеке наступила тишина. Каждый обдумывал возникшую ситуацию. Потoki воздуха раскачивали вертолет, автоматические системы ярко светились и тихо жужжали. Система фильтрации просто возвращала знакомые запахи.

Козлова мучил стыд. Он все больше и больше чувствовал себя обязанным этим американцам, которые готовы были продолжать борьбу не только за свои интересы, несмотря на высокую цену, которую им, возможно, придется заплатить. И все же американцев не покидала сила духа, даже в черные, тяжелые моменты жизни. Именно силы духа не хватало его стране в течение долгого времени. Его соотечественников били, мучили, морили голодом, стараясь убить их дух. Обреченность передавалась из поколения в поколение, народ забыл, что такое надеяться, а надежда почти так же необходима для здоровья человеческого существа, как витамины.

И все же он старался сохранить достоинство, несмотря на все это. Он гордился тем, что он русский даже в самые страшные часы. Но сейчас... казалось, что его страна опять специально старалась унижить и опозорить его. Военная машина, которой он отдал всю свою сознательную жизнь, не могла даже доставить топливо, которое позволило бы другим людям продолжить войну великой России.

Сколько лжи, полуправды и пустых обещаний было забыто сразу же после того, как они были произнесены. Почему генерал Иванов не сказал правду хотя бы в этот единственный раз?

Возможно, это была просто некомпетентность. Возможно, при всем желании самолеты-заправщики не могли вовремя прилететь в назначенный район.

— Может быть, — сказал Козлов с надеждой, — они просто задерживаются из-за военных действий?

Тейлор холодно взглянул на Козлова. Все остальные американцы, втиснувшиеся в крошечное помещение, тоже посмотрели на него. Затем американский полковник отвел взгляд и повернулся к Мередиту и Паркеру.

— Мы садимся, — сказал Тейлор. — Хэнк, свяжись с другими. Мы сядем и подождем. Сейчас мы только зря расходует топливо.

— Да, сэр, — сказал капитан.

Козлов опять взглянул на офицера, на груди которого была нашивка с фамилией „Паркер“. Их представили друг другу прошлым вечером. Но ему нужно было запомнить так много новых лиц. Например, Райдера, этого испуганного молодого человека с чемоданом, который сейчас сидел в дальнем конце отсека. Козлов вдруг подумал, что главное чувство, испытываемое человеком во время боевых действий, — это не страх или волнение и не трусость или храбрость, а обычная усталость. Казалось, что усталость — это единственное чувство, которое он ощущал в последнее время. Возможно, именно поэтому начальникам удавалось заставить людей платить столь самоубийственно высокую

плату за выполнение задания — люди были просто слишком усталыми, чтобы думать о своей судьбе.

— Рассредоточьте хорошенько все вертолеты на местности, — сказал Тейлор, — чтобы самолеты-заправщики могли между ними маневрировать. Все должны замаскировать машины, прежде чем выйдут даже по нужде.

— С помощью обычной автоматической системы маскировки? — спросил Мередит.

Тейлор поджал губы, затем согласился.

— Конечно, это не слишком хорошо. Но мы должны быть готовы к быстрым действиям. И давай посадим наших ребяток немного к югу, чтобы эти жирные птички не сели прямо на нас. Мы наведем их потом, когда у нас будет с ними связь.

Капитан Паркер уже передавал приказ остальным пяти машинам М-100. Это были великолепные боевые машины. Козлов знал, что ему нужно как можно лучше запоминать детали этой операции, чтобы по возвращении иметь возможность составить полный отчет. Но он очень устал.

Полковник Тейлор повернулся и протиснулся в проход, ведущий в кабину пилота. Козлов почувствовал облегчение, так как это была временная передышка от дальнейших вопросов, а следовательно, и того чувства стыда, которое он испытывал, отвечая на них. Кроме того, ему трудно было смотреть на этого человека: от напряжения последних дней шрамы еще сильнее выступили на лице американца, подчеркивая его уродство. Сейчас Тейлор напоминал Козлову дьявола.

За стенами командного отсека раздался приглушенный гул моторов: это боевые машины начали опускаться на русскую землю.

Дул хотя и южный, но очень холодный ветер. Ветер проносился над иранским плоскогорьем, затем охлаждался, пролетая над Каспийским морем, и сейчас дул с такой силой, что приходилось закрывать глаза. Вертолеты М-100 были очень устойчивы, и внутри невозможно было определить силу ветра. Но здесь, в этом месте, где мертвая, бесцветная трава простиралась от горизонта до горизонта, ничто не преграждало путь ветру. Куда ни посмотри — никчемное пустынное место, в котором невозможно было укрыться от ветра.

Тейлор взглянул на часы, затем на небо.

Ничего.

Начинало темнеть.

Сама мысль о том, что все может так бесславно закончиться, была невыносима. Все эти годы он очень хотел получить возможность нанести ответный удар настоящему врагу, скрывающемуся за спинами тех, которых называли врагами его страны. После борьбы и потерь, ожесточенного планирования и потрясения при виде прижатого к стене президента становилось больно при мысли о том, что все это закончится в этой пустыне только из-за отсутствия топлива.

Он знал, что это будет конец, и не мог понять, почему никто другой, казалось, даже не осознавал этого. Поражение сейчас, в этот день, в этом месте, определит порядок в мире на целое поколение или даже больше. Им придется

уйти обратно в свое истерзанное полушарие, а японцы получают то, к чему они так долго стремились.

Он старался избавиться от своих предрассудков. Но это было очень трудно. Он во всем винил японцев. И не мог ничего поделать. Больше всего на свете он хотел встретиться с ними в последний раз, держа оружие в руках.

Он снял шлем, и ветер взъерошил его спутанные волосы. Он подумал о Дейзи и горько улыбнулся. Он не мог поверить, что был настолько глуп и вообразил, что между ними было что-то серьезное. Ни одна женщина, даже поблекшая, не могла связать с ним свою жизнь. У него было одно, и только одно, предназначение: воевать. Все остальное было просто бесполезной мечтой.

Не может быть, чтобы все закончилось здесь. Когда они так близко подошли к цели. Он взглянул на небо, там никого не было.

До его слуха донесся чей-то голос, прежде чем ветер унес его прочь. Он обернулся. К нему шел Мерри Мередит. За спиной офицера разведки М-100 казались естественными пятнами на фоне ландшафта. Автоматическая система маскировки развернула свои веера, а ее датчики, определив цветовую гамму земли, окрасили их внешнюю поверхность в нужный цвет. Маскировка была эффективной на любом фоне, кроме снега. Обшивку не могла окрашиваться в белый цвет и становилась лишь пятнисто-серой. Но здесь, в высохшей голой степи, маскировка работала отлично. Чтобы увидеть вертолеты, противник должен был точно знать, где их искать.

Все это — и техника, и испытания, и волшебство, и жертвоприношения... Нет, не может быть, чтобы все вот так закончилось.

Мередит нагнал его. Его кожа стала грубой от холода, но глаза горели как обычно.

— Сэр, — сказал Мередит.

— В чем дело, Мерри?

— У меня появилась идея. Возможно, она вам не понравится. Но это все, что я могу предложить.

— Относительно чего?

— Относительно выполнения задачи. Есть возможность осуществить наш план без дополнительного топлива.

— Каким образом?

— Если исходить из того, что у нас нет достаточно топлива, чтобы долететь до Баку и вернуться в безопасное место на советской территории...

— Допустим. Дальше, — согласился Тейлор.

— Отлично. Тогда куда еще мы можем полететь? После того как нанесем удар по Баку?

Тейлор вопросительно взглянул на Мерри. Сейчас Мередит был похож на возбужденного мальчишку.

— А если в Турцию? — спросил начальник разведки. — Итак, у нас нет возможности вернуться назад. Ну так мы будем продолжать двигаться вперед. Я рассчитал расстояние. Мы сможем это сделать, хотя и с трудом. Из Баку полетим на запад через Армению и сядем на территории Турции около границы. Турция сохраняет нейтралитет — у них свои серьезные проблемы, связанные с движением фундаменталистов, — и поэтому они будут соблюдать меж-

дународное право. Нам придется взорвать машины, как только мы сядем. Но мы сможем выполнить задание. Они интернируют нас до окончания военных действий — ну и что же? По крайней мере, мы сможем нанести удар, а не возвращаться обратно домой, поджав хвост...

Это было отлично и так просто. Тейлор понимал, что он бы никогда до этого не додумался. Он был слишком стар и слишком прямолинеен: необходимо вернуть подразделения на свои позиции во что бы то ни стало. Тем не менее в истории было известно множество примеров, когда подразделения в силу обстоятельств оказывались на нейтральной территории. В международном праве существовали специальные законы на этот случай.

Ну что ж, он и его люди не будут участвовать в дальнейших боевых действиях. Но если они сейчас не выполняют задания, то никаких дальнейших боевых действий вообще не будет.

Тейлор пристально смотрел на юг, представляя себе волны моря за горизонтом, а за ним и другие земли.

— Госдепартаменту это не понравится, — тихо сказал Тейлор, как будто его мог подслушать какой-нибудь высокопоставленный чиновник. Но он улыбался. — Ну и черт с ним. Мне всегда хотелось побывать в Турции.

Он протянул руку своему молодому подчиненному.

Вдруг сильный взрыв прогремел на горизонте, совсем недалеко. И вскоре они почувствовали удар взрывной волны. Горячий сильный порыв отогнал южный ветер. Несмотря на то что

взрыв был на расстоянии нескольких километров, его раскат был оглушительным. Район взрыва находился на севере, как раз в том месте, где советские самолеты-заправщики должны были ждать М-100.

За первым взрывом раздался второй.

— Ловушка, — закричал Тейлор. — Твою мать, это ловушка. Русские нас предали.

Они оба побежали к М-100.

Райдер стоял у заднего трапа М-100. Когда Тейлор и Мередит подбежали к нему, молодой человек стоял как огорошенный и наблюдал за тем адом, который бушевал на ближнем горизонте.

— Лезь внутрь. Лезь внутрь, — закричал Тейлор, размахивая летным шлемом, который он все еще держал в руке.

Утенок Кребс понял ситуацию быстрее всех остальных. Двигатели М-100 уже работали.

— Мерри, — закричал Тейлор, — поднимай всех в воздух.

Огромные веера маскировки начали убираться в фюзеляж М-100.

Тейлор впихнул Райдера в пункт управления вслед за Мередитом. Он бросил свой шлем на пол и, пробираясь в носовую часть, пересчитывал экипаж. Вслед за ним Паркер убрал трап.

Тейлор сурово взглянул на ничего не понимающего Козлова. Он чуть не вытащил пистолет и не застрелил русского прямо на месте. Но он не мог терять ни минуты.

Тейлор оттолкнул русского и протиснулся через люк, ведущий в кабину.

Он бросился на сиденье, хватая на ходу наушники. Затем подал знак Кребсу.

— Взлетай.

М-100 начал подниматься в небо.

На горизонте вспыхнули еще два ярких взрыва, осветив степь ярко оранжевым, желтым и красным светом. Над степью начал подниматься черный дым. Затем раздались один за другим еще около десяти взрывов. Каждый новый взрыв раздавался все ближе к начавшему набирать высоту вертолету.

— Эти сволочи русские, — прорычал Тейлор в наушники. — Твою мать, эти сволочные русские. Они нас предали.

— Фокстрот один-четыре. Взлетаем. Прием, — доложил один из М-100. Затем раздался голос пилота еще одного вертолета, по интонации было слышно, насколько он был потрясен неожиданным нападением. Вслед за поднявшимися в небо М-100 раздалась целая очередь взрывов.

— Ракеты, — сухо доложил второй пилот. — Похоже, это управляемые ракеты класса „воздух-земля“. Компактные взрывчатые вещества обычного типа и боеприпасы объемного взрыва. Не смогли точно прицелиться, а то нам никогда не взлететь.

„Эти чертовы русские, — подумал Тейлор. — У них даже и в мыслях не было посылать самолеты-заправщики. Вместо этого они сообщили японцам или иранцам координаты выбранного места. Но в обмен на что? Они смогут добиться большего на мирных переговорах? В обмен на что?“

Тейлор подумал о Козлове, и его начало трясти от злости.

— Один М-100 остался на земле, — раздался голос Паркера по внутреннему телефону.

— Всем станциям доложить по очереди, — приказал Тейлор.

Вертолет на земле.

— Это Один-пять, — доложил экипаж другого вертолета. — Его сбили. Огненным шаром.

От взрывов внизу их подбросило вверх и кабину сильно тряхнуло. Тейлор схватился за поручни сиденья.

— Набирай, — закричал он, застегивая ремни безопасности.

— Я набираю максимум, — закричал в ответ Кребс.

По внутреннему телефону зазвучал голос Мередита, он изо всех сил старался сохранять спокойствие:

— Проверь, что с Один-пять. Он слишком медленно взлетает. Его не видно в огне.

— Всем станциям, — прокричал Тейлор в микрофон, — черт вас дери, докладывайте.

М-100 доложили по очереди. Не ответил только Один-пять. Все остальные машины поднялись над огненным ковром.

— Мерри, — приказал Тейлор, — начинай разрабатывать новый маршрут. Оставь все остальные дела. Хэнк, — вызвал он начальника оперативного отдела и боевой подготовки. — Мы возвращаемся на курс полета и летим в Баку.

Кребс недоверчиво взглянул на Тейлора.

— Не беспокойся, Утенок. У нас теперь новый план.

Уорент-офицер покачал головой.

У самого их хвоста раздались мощные взрывы, и ударной волной подбросило набирающий скорость вертолет.

— Хэнк, — позвал Тейлор. — Попытайся вызвать изображение места, куда упал Один-пять. Посмотри, что там осталось.

— Вас понял.

Вдруг серое небо как бы расколосось на две части. Впереди простиралось зелено-серое бурное море и его далекие берега. Вид моря, казалось, обещал безопасность.

— Ты знаешь, — горько сказал Тейлор Кребсу, — должно быть, их системы в ужасном состоянии. Мы нанесли им вчера серьезный удар. Иначе они бы нас сбили. — Он чувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Он пристально смотрел на море. Оно было похоже на ожившую стальную глыбу. — Огонь был слишком беспорядочным. Им следовало ударить по нашим вертолетам всеми ракетами сразу.

— Изображение на экране, — перебил его голос Паркера.

Тейлор поднял голову и посмотрел на центральный экран монитора. На радиолокационном изображении местности в рентгеновских лучах сквозь огонь и дым можно было видеть останки М-100, разбросанные на расстоянии нескольких акров.

— О Боже, — прошептал голос по внутреннему телефону.

Тейлор нажал на кнопку — и изображение исчезло.

— Забудь об этом, — сказал он холодно. — Нам повезло.

Ничего не могло остановить его сейчас. Никакие потери — ни свои, ни иранцев, ни повстанцев, ни японцев, ни даже русских.

Он снял наушники и встал с кресла. Он хотел поговорить с Козловым. Этому сукину сыну придется ответить на его вопросы.

Звук голоса Кребса остановил его.

— Твою мать, — с отвращением сказал старый уорент-офицер. Он посмотрел на Тейлора. Но Тейлору не нужны были дальнейшие объяснения. На экране появились яркие вспышки, и Тейлору все стало ясно.

— Насколько я понимаю, они хотели убедиться, что ничего не осталось, — сказал Кребс.

— Бандиты, — сказал Тейлор по командной связи. — Вверх на девять часов.

Кребс начал разворачивать М-100 вверх и влево.

— Я сам поведу машину, — сказал Тейлор, взяв в руки рычаги ручного управления. — Ты будешь стрелять.

На индикаторе боевых действий было видно, как остальные четыре машины последовали за ним. Но боевой порядок был слишком очевидным, слишком предсказуемым.

— Один-один, Один-два. Я Фокстрот Один-ноль. Идите вверх. Идите один над другим. Один-три, Один-три. Оставайся со мной. Конец связи.

По внутренней линии связи раздался голос Мередита.

— Мы их засекли. Я даже слышу их. — Затем он на минуту замешкался.

— Какие это машины? — требовательно спросил Тейлор.

— Японские боевые вертолеты. Последняя модификация „Тошиба“.

— Вас понял. Начинайте осуществлять программу мер радиопротиводействия. — Боевые машины противника быстро приближались. Сорок миль. Тридцать миль. — Что еще, Мерри?

Опять наступила минутная пауза.

— Голоса, — сказал Мередит, — похоже, это южноафриканцы.

Тейлор схватил рычаги управления. Время сыграло с ним злую шутку. Прямо здесь, над Каспийским морем.

„Ну что ж, так тому и быть“, — подумал он.

— Подтверди осуществление всех мер радиопротиводействия, — сказал Тейлор. Он решил сохранять выдержку. Ничего особенного в том, что это были южноафриканцы. Но он никак не мог до конца отделаться от возникавших в памяти воспоминаний. Дерзкий молодой капитан, парящий над скудной африканской растительностью. Тот же молодой капитан, охваченный ужасом. Пистолет, приставленный к голове мальчишки с перебитым позвоночником. Муравьи, ползущие по глазам мертвого человека. Путешествие по реке в самом центре умирающего континента.

Да. Тейлор помнил южноафриканцев.

Вдруг изображение на мониторе стало нечетким.

— Сволочи, — сказал Кребс. — У них какие-то новые сволочные штуки.

— Мерри, — почти выкрикнул Тейлор, с трудом сдерживаясь. — Хэнк, ударь по ним во всю силу. Уничтожь их к чертовой матери.

— Двадцать восемь миль, — сказал Кребс. — Сближаемся.

Изображение на мониторе цели стало еще менее четким.

— Перевести боевой комплект на автоматическое наведение, — сказал Кребс. — Будем надеяться, что это сработает.

Тейлор чувствовал, как холодные капельки пота выступили по всему телу. Он ожесточенно начал крутить ручки, пытаясь сделать изображение на экранах более четким.

— Двадцать пять миль.

Тейлор пытался разглядеть хоть что-нибудь через ветровое стекло. На экранах мониторов ничего видно не было. Он изо всех сил старался увидеть вражеские самолеты.

— Я вижу их, — выкрикнул Мерри. — Изображение четкое.

— Передай его на системы управления оружием, — приказал Тейлор.

Другие вертолеты доложили об искажении изображения на электронных экранах их мониторов.

„Помни, — сказал сам себе Тейлор. — Твое состояние передается другим. Они так же напуганы, как и ты. Сохраняй спокойствие. Сохраняй спокойствие“.

— Этого сделать нельзя, — доложил Мерри. — Боевая система не позволяет переключить изображение на другой источник.

— До цели двадцать миль, — объявил Кребс.

Вдруг М-100 пошел носом вверх, и Тейлор почувствовал сильную вибрацию под сиденьем. Это начала стрелять главная пушка.

„Что сейчас видит противник? — думал Тейлор. — Если системы работают нормально, то

противник видит сотни смазанных, одинаковых изображений, бесчисленное количество имитированных целей, за которыми скрывались М-100. Или же на экране у противника будут только помехи и рябь“.

Тейлор опустил защитный козырек шлема.

— Лазерная тревога, — сказал он по командной связи. Кребс, стоящий рядом, тоже повернул защитный козырек вниз.

Защитные линзы сделали небо более темным, а из-за того, что, двигаясь вперед, М-100 поднял нос вверх, получить четкое изображение стало еще труднее. Тем не менее Тейлор верил, что он сможет сфокусировать те темные точки, которые и были самолетами противника.

— Полная боевая скорость, — приказал он. — Мы их догоним.

— Тринадцать миль, — сказал Кребс. — Мы их не найдем.

— И они нас тоже, — сказал Тейлор. Под кабиной вертолета, имеющей специальную виброизоляцию, главная пушка продолжала расстреливать драгоценные боеприпасы, но с каждым выстрелом точность стрельбы падала.

— Я их все еще хорошо слышу, — сказал Мерри. — Они растеряны. Они нас потеряли. Они ведут стрельбу из всех имеющихся орудий.

— Десять миль.

Тейлор всматривался в черные точки. Он насчитал десять точек. Но он не видел ни одного вражеского вертолета. Небо было заполнено множеством снарядов и лазерных лучей. Но снаряды, выпускаемые М-100, имели гораздо большую скорость, чем мог уловить челове-

ский глаз, а современные лазеры противника не были настроены на спектр видимого света. Небеса вокруг смертоносных пуль и лучей буквально сотрясались от электронного насилия. Тем не менее он видел только серое небо и линии черных точек, идущих встречным курсом в сторону его уступающего по численности подразделения.

— Семь миль. Господи...

— Спокойно, — сказал Тейлор, забыв о своем страхе.

Темные трубчатые фюзеляжи, шум моторов и лопастей винтов.

— Четыре мили, — сказал Кребс. — Господи, сэр. Нам надо идти вверх. Мы идем прямо на них на встречном курсе.

„Нет, — думал Тейлор. — Если они еще не нанесли нам удар при этом угле, то они его уже не нанесут. Но первый, кто отвернет в сторону, обнажит уязвимый угол и потерпит поражение“.

М-100 выпустил целую серию снарядов в сторону приближающегося противника.

— Всем станциям, — сказал Тейлор. — Точно по курсу.

— Две мили...

Боевые машины „Тошиба“ были уже четко видны. За последние годы их внешний вид изменился не сильно. По форме они были похожи на вертолеты с турбовинтовыми двигателями по бокам или на самолеты с несущими винтами. На что именно, решайте сами.

— Держите курс, — закричал Тейлор.

Пушка М-100 продолжала вести стрельбу. Но снаряды летели в небо, не попадая в цель.

— Одна миля — и сближение.

Когда-то всадники скакали навстречу друг другу с обнаженными саблями, сейчас же их потомки неслись по небу, выстроившись в длинную линию из металлических машин, изрыгая молнии.

— Бей, черт побери, бей, — молил Тейлор главную пушку.

Теперь он мог видеть вражеские боевые машины очень хорошо. Фальшивая иранская маркировка, маскировочная пятнистая окраска. Низко подвешенная лазерная установка.

— Мы сейчас столкнемся...

Тейлор крепко держал руку на рычаге управления. Прямо.

Рассекая воздух и издавая оглушительный шум, М-100 пронесся мимо линии противника.

— Всем станциям, — сказал Тейлор. — Следуйте за мной. У нас радиус разворота больше, чем у них.

Он чувствовал себя сейчас более уверенно. Конструкция корпуса М-100 была создана лет на десять позже, чем конструкция „Тошиба“. М-100 обладал бóльшими преимуществами с точки зрения маневренности.

— Все идут за мной? — требовательно спросил Тейлор.

Четыре остальных вертолета один за другим доложили о получении команды.

— Завершить разворот. Мы уязвимы только сзади.

Он взглянул на монитор. Гудящее облако в том месте, где были самолеты противника, тоже начало поворачивать. Но они двигались медленнее, и Тейлор это чувствовал.

— Утенок, — сказал Тейлор, — отключи автоматические системы. Они только нейтрализуют действие друг друга. Возьми ручное управление главной пушкой. И давай.

— Точность наведения ухудшается, — сказал Кребс.

— Ты сможешь сделать это, Утенок. Давай. Когда мы начинали, у нас с тобой не было всех этих чертовых приспособлений.

Кребс кивнул, хотя по его лицу, там, где оно не было закрыто лазерным козырьком, можно было видеть, что он сомневается.

— Всем станциям, — сказал Тейлор. — Рассредоточиться. Перейти на ручное ведение огня.

Так как разворот был очень крутым, то ремни безопасности сильно натянулись. Когда они уже почти вышли из разворота, самолеты противника еще находились только в середине маневра. У них было мало времени. Но вероятность успеха все же была.

Насколько он помнил, у японских боевых машин не было ручного управления ведением огня.

Излишняя гордыня.

— Одиночный огонь, — приказал Тейлор.

Он вводил вертолет в разворот так, как будто вел необъезженную лошадь. Вскоре он уже мог различать черные точки боевого порядка вертолетов противника, описывающих длинную дугу в небе. Они шли четким строем. Это были очень дисциплинированные летчики.

Сейчас все вертолеты команды Тейлора летели самостоятельно, не соблюдая никакого боевого порядка. Каждый сам выбирал наилучший угол атаки.

Тейлор шел на полной скорости, стараясь подойти к противнику с фланга, прежде чем японские машины смогут привести свои орудия в состояние боевой готовности.

— Не знаю, — неуверенно сказал Кребс, держа руку на рычагах управления боевыми орудиями.

— Твою мать, чего ты не знаешь? — спросил Тейлор. — Я же знаю, что надо убрать этих сукиных сынов.

Кребс выстрелил.

Ничего.

— Небольшая проба для наведения прицела, — сказал он, как бы извиняясь. Сейчас, когда он начал стрелять, его голос зазвучал спокойнее.

Тейлор направил М-100 прямо в центр боевого порядка противника, наблюдая за тем, как четкие очертания боевых машин входят в последнюю стадию разворота.

— Давай, малышка, — сказал Кребс. Он опять выстрелил.

Мгновенно черный вертолет вспыхнул и начал падать, нарушая боевой порядок противника, отдельные части разлетелись в разные стороны.

Тейлор закричал от радости, как необузданный молодой капитан, который когда-то летал, как во сне, в небе над Африкой.

— Здорово, твою мать, — сказал Кребс восхищенно. Он опять выпустил целую очередь снарядов.

Еще один японский боевой вертолет развалился на части в небе.

— Вы меня запомните, — сказал Тейлор своим врагам. — Вы меня запомните.

Вслед за этим загорелись и развалились еще две японские боевые машины. Другие М-100 тоже вели огонь.

Было очень мало времени. С каждой секундой очертания вертолетов противника становились все четче. Тейлор боялся, что они смогут завершить маневр под нужным углом и обстрелять их перекрестным огнем лазеров.

Тейлор пристально смотрел на вражеские машины, стараясь понять, какой боевой порядок они используют.

— Утенок, — вдруг выкрикнул он. — Стреляй по третьему. Это их командный пункт.

— Вас понял, — сказал Кребс уже своим обычным, по-военному резким голосом. Хотя он говорил совершенно спокойно, но не было сомнения, что своим сухим тоном он пытается скрыть ту переполняющую его радость, какую испытывал и сам Тейлор, непередаваемую словами радость разрушения.

С помощью своих оптических приборов старый уорент-офицер следил за тем, как вертолеты противника делают разворот. Он выпустил один снаряд, затем еще один.

Командный вертолет исчез в ярком белом пламени. Когда вспышка погасла, было видно только, как его черные обломки падают в море.

Взорвался еще один боевой вертолет противника.

Оставшиеся боевые машины перестали выполнять разворот. Вместо того чтобы попытаться сблизиться со своими преследователями, они стали от них уходить.

„Неверное решение“, — хладнокровно подумал Тейлор.

— Всем станциям. Правое плечо вперед, — выкрикнул он, используя подсознательно старую пехотную команду.

Два из оставшихся боевых вертолетов взорвались одновременно, как будто в них выстрелили из двухстволки.

Оставались еще две боевые машины противника. Тейлор знал, что они сейчас испытывают. Ужас. Понимание того, что все уже кончено, борется в них с надеждой, что все образуется, несмотря на отсутствие всякой надежды. И страшная неуверенность, которая мешает им действовать, хотя и не парализует их действия полностью. Но это знание не трогало его.

Сейчас они находились в тылу вертолетов противника. Их попытка уйти от преследования была безнадежной, так как у американских М-100 скорость была больше. Но летчики противника не могли об этом знать. В этот момент они знали наверняка лишь то, что они пока живы.

Тейлор чувствовал, как рядом с ним напрягся Кребс. Он выпустил еще одну очередь снарядов.

Японская боевая машина начала вертеться, как флюгер во время шторма, и распалась на части еще до того, как огонь из горящего бака с горючим перекинулся на весь вертолет. Затем огненное облако охватило его целиком, на землю посыпались обломки.

Единственный оставшийся вертолет противника направился на юго-восток. Тейлор ощущал, как летчик судорожно двигает рычагами,

увеличивая тягу и стараясь набрать скорость бóльшую, чем позволяли законы физики.

Затем последний черный вертолет вспыхнул, и его обломки стали падать, как капли черного дождя.

Мгновение все молчали. М-100 непроизвольно опять выстроились в боевой порядок. Но никакая тренировка не могла помочь им найти слова, способные выразить чувства, которые они сейчас испытывали.

Небо было устрашающе чистым.

— Всем станциям, — наконец сказал Тейлор. — Переключиться на автоматическое управление полетом. Следующая остановка — объект „Блэкджек“.

Баку.

Он глубоко вздохнул.

— Утенок, — сказал он, — я пойду потолкую с нашим русским другом.

— Я клянусь, — сказал Козлов. От удара Тейлора у него изо рта текла кровь. — Клянусь, я ничего не знал.

Тейлор сурово взглянул на него. Ему хотелось открыть люк и вытолкнуть русского. Он не знал, были ли в Каспийском море акулы, но ему очень хотелось, чтобы природа постаралась и не упустила возможность запустить туда несколько акул специально для этого случая.

Тейлор почувствовал новый прилив ярости и поднял кулак.

— Не надо, — вдруг сказал Мередит. — Я ему верю.

Не опуская кулака, Тейлор удивленно посмотрел на начальника разведки.

— Взгляни на него, — продолжал Мередит, как будто Козлов не мог слышать, о чем они говорят. — Он дьявольски испуган. Он находится в этом состоянии с момента посадки на место дозаправки. Он понятия ни о чем не имел. — Он сделал вид, что сплевывает. — Это несчастный простой офицер, которого мучает зубная боль, а вовсе не камикадзе. Иванов и его тоже надул.

Тейлор опустил кулак, но не разжал его. Он весь горел от ярости.

— Черт побери, — прорычал он, — я просто хочу знать одну вещь. Ответь мне прямо, как вы, чертовы русские, смогли совершить такое. А вся эта ерунда о расположении штаба в Баку — ты говорил правду? Твой рисунок был точным? Или ты все это выдумал?

Козлов открыл рот, чтобы ответить. Двух передних гнилых зубов не было. Он открыл и закрыл рот, кровь ручейком стекала по подбородку русского офицера и капала на военную форму. Он вытер рот рукавом и попытался сказать:

— Все... все правда. Вы верите? Я здесь с вами. Я тоже верил...

Тейлор покачал головой и с отвращением отвернулся.

— Я ему тоже верю, — сказал Райдер. С начала полета он впервые заговорил в присутствии Тейлора. Тейлор хотел рывкнуть что-то в ответ, но Хэнк Паркер заговорил первым:

— Он говорит правду. Даю голову на отсечение.

Вдруг Тейлор почувствовал себя, как большой кот в маленькой клетке.

— Черт подери, — сказал он, поворачиваясь спиной к Козлову. — Твоя страна выиграет в результате этой операции столько же, сколько и моя.

— Я понимаю, — сказал Козлов осторожно, его большие десны продолжали кровоточить.

— Тогда почему? Почему Иванов сделал это?

— Я не знаю.

— Зачем продавать своих единственных друзей? Боже, ведь никто в мире, кроме нас, больше не испытывает к вам симпатии. Кто еще пытался спасти вас?

Испытывая невыразимый стыд, Козлов поднял глаза и посмотрел на пульт управления.

— Я ничего не понимаю. — Он опять вытер подбородок рукавом. — Возможно, произошла ошибка. Я не знаю.

Тейлор ударил опухшей рукой по боковой панели. Рука болела. В ярости он сорвал свежую повязку, которую наложил перед вылетом на операцию.

Боль оставалась, но это больше не имело значения.

— Я тоже не знаю, — устало сказал Тейлор.

— Он нам нужен, — сказал Мередит. — Он нам будет нужен на земле.

— Хорошо, — согласился Тейлор. Он повернулся к Козлову: — Но один неверный шаг, и я сам пристрелю тебя.

Козлов кивнул. Он был мертвенно бледен, а кровь, текущая по подбородку, — ярко-красной. Сейчас он казался меньше, как будто сжался от стыда, и Тейлор почувствовал себя так, как будто ударил ребенка.

— И оружие тебе не дадим, — добавил Тейлор. — Ты нас поведешь, а мы будем стрелять.

Козлов кивнул, он покорно воспринял это новое унижение.

Потеряв интерес к дальнейшему разговору с русским, Тейлор повернулся к Хэнку Паркеру. Потом он склонился над пультом боевого управления и вдруг резко выпрямился.

— Виктор, — сказал он, разглядывая Козлова, стоящего в другом конце небольшого отсека. Русский пальцем ощупывал рот. — Я хочу, чтобы ты мне честно сказал еще об одном. Вы... ваши знали что-нибудь о „Скрэмблерах“? И вы решили ничего не говорить нам?

Козлов вытер испачканные кровью пальцы о брюки. Он откашлялся, и чувствовалось, что все горло у него забито.

— Я не знал. Я лично ничего не знал. — Он на минуту замолчал, затем опять начал говорить, уже более решительно. — Генералу Иванову что-то было известно. Но, честно говоря, я не знаю, что именно. Он ничего не сказал мне... до тех пор, пока это не случилось.

— Ну, что вы за народ? — с отвращением сказал Тейлор, качая головой. Он повысил голос, и в нем чувствовалась ярость и покорность. — Хоть кто-нибудь в вашей стране помнит, что это значит говорить — правду?

Козлов слегка пожал плечами, потом попытался свести их вместе, как бы стараясь исчезнуть. Он не мог смотреть Тейлору в глаза.

Вдруг стратегическая система связи включилась, это было совершенно непрошеное вмешательство. На другом конце провода усталый голос произнес позывные. Даже они там, в Вашингтоне, устали.

Меридит подтвердил начало связи.

— Полковник Тейлор находится у вас? — спросил офицер связи с другого конца провода.

— Вас понял. Он стоит рядом.

— Включите видеоизображение. С вами будет говорить президент США.

„О черт“, — подумал Тейлор, мечтательно вспоминая, что были времена, когда монархи по неделям и месяцам не могли связаться с солдатскими лагерями.

К всеобщему удивлению, на экране появилось не знакомое лицо президента Уотерса, а приятно загорелое и пышущее здоровьем лицо вице-президента, лишь с небольшими кругами от усталости вокруг глаз. Когда Тейлор встал напротив экрана монитора, вице-президент отшатнулся. Они никогда раньше не встречались.

Вице-президент взял себя в руки и наклонился вперед, вся его поза говорила о доверительности и искренности.

— Полковник Тейлор, — сказал он.

— Да, господин вице-президент.

Странное выражение появилось на лице человека на экране.

— Полковник Тейлор, я теперь президент, так как около часа назад у президента Уотерса был инфаркт и он умер во сне.

— Да, сэр, — сказал Тейлор, в уме просчитывая, какие последствия это будет иметь для выполняемой им задачи. Остальное для него не имело сейчас значения.

— Полковник Тейлор, похоже, что вы сейчас не один?

— Да, сэр. Несколько членов моего штаба находятся здесь.

Новый президент посмотрел в сторону, казалось, что он собирается говорить с кем-то, кто находится вне поля действия видеокамеры. Затем он опять посмотрел на экран и сказал:

— Не могли бы вы попросить всех выйти из комнаты, в которой вы находитесь? Я хочу поговорить с вами с глазу на глаз.

Плохой знак. Единственный вопрос был в том, насколько плохой? В другой раз Тейлор, возможно, сказал бы, что его члены штаба должны продолжать выполнять свои обязанности. Но он чувствовал, что это было бы сейчас роковой ошибкой.

— Мерри, — сказал он, отвернувшись на мгновение от монитора.

— Да, сэр, — сказал Мередит. Он быстро начал выводить остальных в узкий проход, ведущий в кабину пилота. Хэнк Паркер вышел первым и направился в кабину, так как он имел право управлять самолетом и сейчас мог спокойно отдохнуть в удобном кресле Тейлора.

После некоторого замешательства все вышли из командного отсека и закрыли люк.

— Господин президент, я один.

Мэддокс кивнул, слегка покусывая нижнюю губу. Было очевидно, что он старается справиться с потрясением от вида шрамов Тейлора и оценить ситуацию.

— Полковник Тейлор, — сказал он. Он говорил так, как говорят жители южных штатов. — Мне не хотелось смущать вас в присутствии ваших подчиненных... однако мне кажется, что задача, которую вы в настоящее время выполняете, возможно, была плохо продумана.

Тейлор даже не моргнул глазом. Он готовил себя к этому заранее.

— Почему, господин президент?

Мэддокс, казалось, был удивлен. Тейлор слышал, как невидимый на экране человек сказал:

— Вам не надо ничего ему объяснять, господин президент. Вам надо только приказать ему поворачивать назад, и он обязан повиноваться.

— Полковник Тейлор, — продолжал Мэддокс. — Я боюсь, у нас нет времени на то, чтобы объяснить вам все наши... соображения. Я приказываю вам немедленно прекратить выполнение задания.

— Господин президент, — сказал Тейлор в отчаянии, хотя он изо всех сил старался скрыть это отчаяние. — Мы уже находимся в районе цели. Через час...

— Полковник, я не собираюсь спорить с вами. Лучшие умы в Вашингтоне посоветовали мне остановить все то, что вы собираетесь там делать. Поэтому разворачивайтесь и возвращайтесь туда, откуда вы начали выполнение этой операции. Вы уже хорошо поработали, и могу уверить вас, родина будет признательна вам.

— Нет, — сказал Тейлор.

Мэддокс посмотрел на него, не веря своим ушам.

— Что вы сказали?

— Нет, господин президент, я не прерву выполнение операции. Я считаю, что люди, которые не понимают ситуацию здесь, в этом районе, дают вам плохие советы. Я никогда раньше не отказывался выполнять приказы президента. Но сейчас я четко вижу свой долг. Я собираюсь

продолжить выполнение этой операции в соответствии с приказом, полученным от президента Уотерса.

— Боже, полковник, что вы собираетесь делать?

Тейлор отключил стратегическую линию связи. Затем он снял защелку шифровального блока, отсоединил его и изо всех сил ударил им о заднюю стенку, затем вставил блок на место и защелкнул держатель, как будто ничего не произошло. Прощай, Вашингтон.

Он пошел вперед, открыл внутренний люк, ведущий к проходу в кабину пилота.

В тусклом свете столпившиеся там офицеры выглядели смешно, они сгрудились в кучу, как ученики школы, затевающие какую-то шалость. Тейлор чувствовал неприятный запах, идущий изо рта Козлова.

— Джентльмены, — сказал Тейлор. — Президент Соединенных Штатов умер сегодня утром естественной смертью. Вице-президент принял присягу и взял на себя президентские полномочия. Трудностей переходного периода не было. Теперь, — он нагнулся, чтобы помочь Райдеру выбраться из толпы людей, в которой он стоял, — мы должны начинать выполнение операции.

Мэддокс сидел, выпрямившись, как струна. Он не помнил, когда он был вот так зол в последний раз. Оказалось, это было несколько десятилетий назад.

— Ну. — Он оглядел комнату, испытывая отвращение от того беспорядка, который он унаследовал. — Вы слышали, что он сказал. И

что, черт подери, вы собираетесь с этим делать? — Он взглянул на госсекретаря, затем на председателя Комитета начальников штабов. Старый генерал удивленно покачал головой. „Ему придется уйти, — подумал Мэддокс. — В свое время, конечно. Нельзя немедленно начинать вычищать всех, кого назначил Уотерс“.

— Господин президент, — начал госсекретарь, — возможно, мы могли бы предупредить японцев. Объяснить им, что это не санкционированная нами акция.

„Совершенно никчемные люди, — думал Мэддокс. — Как только Уотерс справлялся с такой безнадежной шайкой“.

— Господин госсекретарь, — начал Мэддокс, лениво растягивая слова, как будто сейчас был страшно жаркий, летний день. — Вы можете уговорить меня на многое. Но вы не сможете убедить меня в необходимости выдавать противнику наших солдат, и то, что это сумасшедший уродливый сукин сын, не имеет значения. У кого еще есть разумные идеи?

— Военный суд, — предложил кратко председатель Комитета начальников штабов.

Мэддокс взглянул на него.

— Генерал, — произнес он так, как будто это слово состояло только из двух слогов, — я имел в виду более срочные меры.

Председатель покачал головой.

— Слишком поздно, сэр. Мы даже не можем остановить их. Я знаю полковника Тейлора. Он прикажет всем работать на одной линии связи и спрячет ее путем перестройки частот. С военной точки зрения... Боюсь, мы можем только ждать и наблюдать. И надеяться на лучшее.

Мэддокс пришел в ужас.

— Черт подери, — сказал он. — Ответьте мне на один вопрос, и мне нужен правдивый ответ. Есть ли у этого сукина сына хоть один шанс из тысячи?

— Да, у него есть шанс, — сказал председатель. — Именно один, может, два, учитывая, что это Джордж Тейлор.

Президент Мэддокс чувствовал себя несчастным. Да, это было неблагоприятное начало его президентства, и даже если оно закончится в январе с введением в должность нового президента, представителя другой партии, он не собирается навлекать на себя позор, которого можно избежать.

— Ну что ж, — сказал он с отвращением. — Клянусь перед Богом, я просто не знаю... — Он смотрел на госсекретаря, но обращался ко всем присутствующим в комнате. — Я скажу вам, что мы будем делать. Если ему эта операция не удастся и он вернется живым и станет болтать, то мы отдадим под суд его и всех военнослужащих, участвовавших в ней. — Мэддокс откинулся на спинку стула. Впервые за весь день он чувствовал себя так, как будто действительно управлял ситуацией. — С другой стороны, если этому сукину сыну удастся выполнить задание и он задаст им жару, все присутствующие в этой комнате забудут о том, что этот разговор имел место. Вы меня поняли?

Валя вошла в бар гостиницы. Крепко держа свою сумочку, чтобы унять дрожь в руках, она оглядывала мрачное помещение, прислушиваясь к гулу голосов уже пьяных в этот ранний час

мужчин и продажных женщин. Сегодня американцы были одеты в военную форму и казались более подтянутыми. Из темноты вдруг раздался громкий смех, но он показался ей натянутым и официальным. Она не видела ни одного знакомого лица.

Это невозможно. Это невозможно.

Она села за стойку, стараясь сохранить грациозность и привлекательность. Но это было невероятно трудно. Тело от побоев следователя болело, и небольшое сиденье казалось очень неудобным.

Она вглядывалась в темноту, все еще стараясь рассмотреть лица людей, сидящих за дальними столиками. Комната была вся в сигаретном дыму, так как русские женщины много курили, и слабый свет с трудом проникал в глубину комнаты. Но это даже хорошо. Валя нервно потрогала лицо. Стараясь скрыть синяки, она наложила больше грима, чем обычно. К счастью, отечность спала, и остались только сине-коричневые пятна.

Она продолжала идти вперед, слабо надеясь, что молодой американец все же находится здесь, ее возлюбленный всего на одну ночь, и что он, улыбаясь и махая рукой, бросится к ней и начнет спрашивать, почему она не смогла встретиться с ним прошлым вечером, как обещала, и спасет ее.

Но его здесь не было. Никто не собирался спасать ее. Бармен не обращал на нее внимания, и она облокотилась на стойку, стараясь вглядеться в темноту. Нет, его здесь не было. Здесь не было и того человека, за которым ей поручили следить ее мучители.

Затем она увидела его. Он сидел к ней спиной. Повернувшись массивным телом, он позвал по-английски официанта. Серебряный рисунок и золотая эмблема украшали его погоны.

Она не сможет этого сделать. У нее нет сил.

Тем не менее она осторожно поднялась с высокого сиденья, стараясь причинять себе как можно меньше боли. Сейчас ей даже трудно было представить, что она сможет выдержать на себе тяжесть мужского тела. Ей казалось, что все ее тело было в ушибах. Но она напонила себе, что в мире существовали еще более страшные вещи, о чем с удовольствием рассказывал ей следователь.

За столом офицера не было женщин. Было еще рано, и офицер и его товарищи пили пиво из коричневых бутылок и разговаривали. Валя пробралась между столами, ударившись воспаленным бедром о край стула. Громила повернулся и опять позвал официанта, на этот раз более раздраженно.

Она не сможет этого сделать. Она не знает, что ей нужно говорить.

На мгновение она остановилась, страстно желая найти причину, чтобы ничего больше не делать. Ей очень хотелось сейчас тяжело заболеть, причем настолько серьезно, чтобы это заставило ее мучителей прекратить все это. Она опять вспомнила темную комнату с единственной лампочкой, вопросы и невыносимые побои. Она вспомнила угрозы и то чувство, которое испытывала, лежа в холодном поту на бетонном полу.

„Один шаг за другим, — говорила она себе. Как солдат. Ничего не произойдет. Ты бывала и в худших переделках“.

Она встала за спинкой стула, ожидая, когда он обратит на нее внимание. Но он продолжал разговаривать с двумя другими мужчинами, сидящими за его столом. Наконец один из собеседников поднял глаза на Валю. Громила тоже повернул голову и взглянул в ту сторону, куда смотрел его собеседник; складки жира нависли над его воротником.

— Здравствуйте, — сказала Валя. Громила посмотрел на нее. В его взгляде было любопытство, смешанное с подозрением. Он не ответил.

— Мы раньше встречались, — продолжала Валя.

Громила кивнул:

— Я знаю.

— Позавчера ночью, — сказала Валя, стараясь сохранить спокойствие. Ей хотелось заплакать и убежать. Вместо этого она старалась придать своему голосу легкую сексуальность кинозвезды. — Я была с подругой по имени Таня.

— Я знаю, — повторил громила. — Я никогда не забываю женщин, которые уходят от меня, когда на столе еще полно выпивки.

Их глаза впервые встретились. Валя увидела ненависть в его темных зрачках.

„Я не могу сделать это“, — сказала она себе.

Валя положила руку на плечо громилы, так что ее пальцы легли на холодную цветную эмблему. У нее было чувство, что ее заставили дотронуться до змеи. Но она не убирала руку.

Она улыбнулась как можно приветливее.

— О, — сказала она, смеясь, — вы меня не поняли. Я думала, вы не находите меня привлекательной и хотите остаться с Таней. Я думала, вам понравилась Таня.

Выражение глаз громила несколько смягчилось. Затем его лицо осветилось широкой улыбкой и стали видны крупные, белые, чисто американские зубы. „Предназначенные для пережевывания американских бифштексов“, — подумала Валя.

— Я? — засмеялся громила. — Я? Влюблен в старушку Таню? — Его собутельники тоже начали смеяться. — Это невозможно.

— Вы обидели меня, — солгала Валя. — Я думала, вы хотите, чтобы я ушла. — Она старалась вспомнить несколько разговорных английских выражений, которым не учат в советских школах. — Вы так смотрели на Таню.

— Я и не знал, что ты хочешь переспать со старушкой Таней, Билл, — сказал один из его собутельников. — Оказывается, она в твоём вкусе.

Громила опять засмеялся, но на этот раз менее натянуто.

— Старушка Таня, — сказал он. — Никто, кроме Джимбо, не согласится посоревноваться с этой кобылкой.

Третий сидящий за столом офицер покачал головой, как будто бы попробовал что-то мерзкое.

— Старый Джим слепой, как летучая мышь.

— Я думаю, Джимбо нравятся девушки в теле, — сказал громила. Из-за акцента его трудно было понять. Он не двигался, и Валина рука все еще лежала на его плече. — Боже, я помню, как в Хуачуке сукин сын вечно торчал в Пако или Агуа Приета и развлекался с какой-нибудь здоровенной мексиканкой. Однажды чуть было не опоздал на поверку.

— Да, вот это были денечки, — согласился третий. — Во всяком случае, мексиканки мылись достаточно часто. — Он посмотрел Вале в лицо, затем скользнул взглядом по ее фигуре, а потом опять посмотрел ей в глаза. У него было беспрельдно наглое выражение лица.

Громила вывернулся из-под Валиной руки. Она подумала, что он собирается избавиться от нее, и уже начала впадать в панику. Она готова на все, даже встать на колени. Валя представила себе огромного следователя с рыхлым лицом, склонившегося над ней. Она вспомнила более молодого красивого офицера, который уверял ее, что от нее требуется лишь подружиться с одним человеком. Он говорил это таким спокойным тоном, что она сразу почувствовала, что наступил конец света.

Громила ногой толкнул стул, стоящий у самого стола.

— Садись, — сказал он Вале. — Что ты будешь пить?

Валя почти упала на край стула, ударившись задом, а позвоночник задрожал в ожидании боли. Только через некоторое время боль пришла.

— Что-нибудь. Мне все равно. Что-нибудь крепкое.

Вдруг громила наклонился близко к Вале и пристально посмотрел на нее. Она вся съежилась.

Громила присвистнул:

— Ого, это твой парень преподнес тебе такой подарочек, милашка?

Валя почувствовала, как от смущения кровь стала приливать к лицу.

— Это несчастный случай, — сказала она. — Я упала с лестницы.

Громила слегка улыбнулся и откинулся на спинку стула.

— Угу. Я сам тоже падал с такой лестницы пару раз.

Он просунул руку у нее за спиной и подвинул ее стул к своему. Положил тяжелую руку ей на плечо, затем провел ею по спине и опустил на холмик ее худеньких ягодич.

Он кивнул и сказал.

— Да, ты довольно тощенькая, но ты мне подойдешь. — Он наклонился поближе к ней так, чтобы его друзья не могли слышать. Губами он касался Валиных волос. От него пахло, как из бочки прокисшего пива. — Сто американских долларов, — сказал он, — и ни цента больше.

4 ноября 2020 года

Нобуру снилась желтая лошадь у соленого озера. Он приблизился к лошади, но животное не обращало на него никакого внимания. Лошадь, пощипывающая пучки чахлой травы, выглядела крайне усталой, и ее спина так сильно прогнулась, что, казалось, она могла бы сломаться даже под тяжестью ребенка. Нобуру был одет в хороший английский костюм, впечатление от которого портило только отсутствие запонок. Он искал их в песке и опасался, что лошадь может съесть их по ошибке. Он окликнул животное. Он знал его имя. И лошадь подняла голову, покорно поворачиваясь в сторону Нобуру. Желтая лошадь была слепая. Через мгновение она снова повернула свою морду к чахлой траве.

Затем появились темнолицые люди. Из небытия. Они шли отовсюду. Они стремительно выскакивали из моря, причитая на незнакомом языке. Нобуру подумал, что они пришли убить лошадь. Он побежал к безучастному животному, решив защитить его. Но темнолицые люди не интересовались лошастью. Нобуру ошибался. Они пришли за ним.

Бесчисленные руки скользили по нему, цепляясь за него, сжимая в крепких объятиях. Он отбивался, так как чувствовал, что это будет самая страшная из всех пыток. Но толпа держала его в своей власти. Сжимавшие его руки становились все сильнее. Он чувствовал чуждый запах их дыхания. Он пытался остановить их, объяснить, что невозможно убить человека без запонки. Невыносимо было думать, что он может закончить свою жизнь не полностью одетым.

Затем на небе появился дракон. Все вокруг вспыхнуло. Он мог видеть темные очертания императорского дворца в Токио, выделяющиеся на фоне яркого неба. Он совсем не видел дракона. Тот был темным и бесформенным. Но он знал, что дракон здесь. Он чувствовал движение воздуха от взмахов его крыльев. Темнолицые люди исчезли. Вместо них к нему приблизились мертвецы в ветхих военных формах. Изуродованные чумой, с белыми черепами, просвечивающими сквозь сгнившее мясо, они жаждали расправы и шли к нему. И он знал их. Он знал их давным-давно. Это были старые знакомые из его подсознания. Но они никогда раньше не подходили так близко. Самый страшный из них устремился вперед, дотрагиваясь до Нобуру светящимися пальцами.

— Они возвращаются, — сказал Акиро.

Нобуру сделал глубокий вдох. Он почувствовал запах смерти. Он старался вздремнуть, отдохнуть немного. Но было бы значительно лучше продолжать бодрствовать. Его сны противоречили действительности. Хмельной от ви-

дений, шатаясь, он направился назад к своему пункту наблюдения на крыше штаба.

Да. Сейчас их можно было слышать. Взмывающих вверх по холму в свете угасающего дня темнолицых людей. Поющих.

— Я не могу этого понять, — сказал Акиро. — Я не могу этого понять. — Он говорил это не Нобуру, а себе рассеянным тоном человека, полностью потерявшего всякую уверенность и ожидающего смерти.

— Вы распределили боеприпасы? — спросил Нобуру. Он потрогал повязку на голове. Она развязалась во время короткого сна. Он все еще не был уверен в реальности происходящего. Воин из сновидения плясал на обрывках действительности. Нобуру чувствовал себя так, как будто он очнулся после нездорового наркотического сна, и неземное пение и скандирование на улицах, казалось, соединяли мир снов и реальность.

— Господин генерал, — откликнулся Акиро, обрадовавшись, что он может доложить о конкретном деле, — распределение закончено. Люди имеют в среднем по восемнадцать патронов на каждый автомат. Мы также доставили оружие, снятое с убитых солдат противника. Имеется приблизительно семьдесят патронов на каждый пулемет. По одной гранате на каждые два человека.

Да. Так много было непредвиденного. Толпа постепенно поднималась вверх по улицам, продолжая причитать. Если им повезет, то боеприпасов может хватить, чтобы отразить только первую атаку.

— По-прежнему нет прямой связи с тыловым штабом или с Токио? — спросил Нобуру.

Акиро опустил голову.

— Казалось, что ситуация улучшается. Однако час спустя опять начались помехи.

— Те же, что и прошлой ночью?

— Нет, другие. Офицер службы связи сказал, что вчера ночью были заградительные помехи, сегодня помехи похожи на пиявок, которые присасываются к работающим приборам и выводят их из строя.

Что это могло означать? В течение всей своей военной карьеры Нобуру никогда не был полностью лишен информации. Он считал наличие информации само собой разумеющимся. Сейчас, будучи уже старым, он чувствовал себя так, как будто попал на несколько столетий назад и должен был провести свое последнее сражение в неизвестности.

„Ну что ж, — думал он, — сейчас это не имеет большого значения“. Даже если бы внешне линии связи были бы восстановлены, все равно было бы уже поздно. Дружественные силы были слишком далеко. Он посмотрел на карту, анализируя плохо развитую сеть дорог с точки зрения возможности снятия осады. Преимущество было полностью на стороне противника. Через час, возможно раньше, чужие люди в последний раз перелезут через стены, будут просачиваться в двери, карабкаться в окна. Все было кончено.

Он хотел сказать что-нибудь еще, чтобы ободрить Акиро, но слова не приходили ему в голову. Даже его дар убеждения изменил ему под конец.

— Идем, — сказал Нобуру. — Мы попробуем провести последний сеанс радиосвязи. Для порядка.

Они стали спускаться по внутренним переходам здания штаба, ступая между рядами раненых людей, лежащих в коридорах. То тут, то там солдаты, находящиеся в сознании, пытались подняться при появлении командира. Но все попытки терпели неудачу. Два офицера и сержант перетаскивали коробки с документами в комнату, где хранилась машинка для уничтожения бумаг. Проходя мимо, Нобуру почувствовал жар от машины и мельком увидел руки, бросающие бумаги в ее топку. Времена бережного контроля и регистрации документов прошли.

Они преодолели пространство коридора, загроможденного служебной мебелью, в котором не было раненых. Нобуру остановил Акиро, схватив его за руку.

— Кто-нибудь назначен... позаботиться о раненых? — спросил Нобуру. — На всякий случай.

— Господин генерал, — печально ответил Акиро, — необходимые боеприпасы отложены. Два сержанта получили задание.

— Это надежные люди? — спросил Нобуру.

— Лучшие из тех, кого могли найти, — ответил адъютант.

„Какая пустая трата сил“, — подумал Нобуру. В первый раз он почувствовал степень своей подлинной привязанности к молодому человеку. Акиро наконец научился сочувствовать людям, хотя это сочувствие пришло слишком поздно.

„Но это же вечная истина, — подумал Нобуру. — Понимание всегда приходит слишком поздно. Несомненно, с ним так и случилось“.

Они прошли по комнате, в которой невозмутимый главный компьютер смотрел свои электронные сны. Компьютер был оставлен в рабочем состоянии, но его клавиатура была заблокирована, чтобы посторонний не мог воспользоваться ею, не зная соответствующего кода. Для толпы компьютер был бесполезной добычей. Но если азербайджанцы не разрушат его, то компьютер будет бесценным после захвата штаба группой деблокировки.

И деблокировочная группа придет. Скоро. Просто она не подойдет вовремя, чтобы спасти защитников штаба. Это подсказывала Нобуру интуиция старого солдата.

Он остановился, затем отступил на несколько шагов и открыл дверь комнаты, где находился компьютер. Машина одиноко мигала в слабо освещенном помещении. Глядя на нее, Нобуру чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовал себя один из его предков, прощаясь со своей любимой лошадью. Нобуру управлял волшебными лошадьми новой эры. В последний час не было теплой шерсти, которую можно погладить, не было глаз, вымаливающих любовь, никто не прижимался влажной мордой. Машина просто стонала, живя и плавно двигаясь в галактике чисел.

Нобуру, который до сих пор считал, что он ожесточился с годами, удивился своим горьким размышлениям о том, что эта машина была значительно более ценной для его родины, чем ее солдаты. Он сам вместе со всеми своими многочисленными офицерами ничего не значил по сравнению с могуществом и величием этой машины. Войну теперь делали машины, тогда как

люди, участвовавшие в ней, просто бродили без цели в мечтах о прошлой славе.

Нет. Он знал, что даже сейчас это не было правдой. Удобная формула была такой же ложью, как и все в его жизни.

Он закрыл дверь, оставив определять судьбу мигающей машины другим людям. Токио мог бы еще послать электронные команды на самоуничтожение, если бы такое решение было принято. От него ничего не зависело. Он не мог даже в сложившейся ситуации признаться Акиро, что он, командующий на театре военных действий, не имеет полномочий отдать распоряжение об уничтожении главного компьютера.

Они вошли в центр управления. В комнате было удивительно спокойно. Вместо множества штабных офицеров в ней находилась лишь охрана, состоящая из офицера и сержанта, тогда как остальные работники штаба — программисты, технические советники и специалисты по огневой поддержке находились наверху, обеспечивая последнюю редкую линию обороны.

— Радиостанция здесь, — сказал Акиро, показывая дорогу. Нобуру последовал за ним к старой советской радиостанции типа тех, которые можно увидеть в военном музее.

— И что ... она работает? — спросил Нобуру.

— Это единственный способ установить связь, — ответил Акиро. — Это старый высокочастотный приемник. Верные нам гарнизоны используют их. Но очень сильные помехи.

Как он смеялся над древней техникой, которой оснащены советские войска. Казалось, что конца не будет этим урокам смирения.

Нет. Это было неверно. Конец будет, и очень скоро.

— Он работает ... так же? — спросил Нобуру. Даже будучи лейтенантом, он никогда не работал с такой примитивной техникой.

— Так же. Вы нажимаете здесь и затем говорите в микрофон.

— И никто не отвечал?

— Да, часами.

Нобуру поднял микрофон с отбитыми краями. Он посмотрел на молодого человека, чтобы быть уверенным, что он все сделал правильно.

— Наш позывной — Замок, — добавил Акиро.

Нобуру нажал кнопку передачи.

— Любая станция, которая слышит меня, говорит Замок... Я — Замок. Мы окружены местными повстанцами... и нуждаемся в немедленной поддержке. — Эти старые передатчики не были, конечно, защищены от перехвата. Было невозможно описать то беспокойство, которое он ощущал как профессиональный солдат. То, что противник перехватит сообщение, было столь же вероятно, как и то, что его услышат собственные станции. — ... Помните, что весь личный состав штаба честно служил императору ... и сражался до последнего вздоха. — Слова застревали у него в горле. Это был последний долг командира перед подчиненными. Но он не мог заставить себя закончить на ноте фальшивого энтузиазма. — Я — Замок. Конец передачи.

Два человека стояли около старой радиостанции в полной тишине. В центре управления была такая тишина, какая бывает в театре после

окончания спектакля, когда уже даже уборщицы ушли домой. Каждый по-своему надеялся, что радио оживет, принеся им слова надежды, новости о приближении подкрепления или, по крайней мере, подтверждение, что какая-нибудь удаленная станция знает, что они еще живы. Но эфир молчал.

Нобуру взглянул на молодого человека. Не смотря на следы усталости на лице, Акиро выглядел невероятно юным. Нобуру хотел бы отправить молодого человека назад, в безопасный офис Генерального штаба или в какую-нибудь аудиторию академии. И к молодой жене, которой Акиро пренебрегал, как пренебрегали своими женами все честолюбивые молодые офицеры. Просто он хотел вернуть Акиро в тот мир, где взрослые люди только играли в солдат и вся жизнь была еще впереди.

Нобуру взял молодого человека за руку и немного удивился, что Акиро был совершенно такой же теплый при прикосновении, как и другие люди. Этот маленький штабной тигр.

— Пошли, — сказал он ему. — Нам лучше подняться навверх.

Они вернулись на вертолетную площадку на крыше. Полковник Клоет все еще был там, держа в одной руке окурок сигареты, а в другой — ручной пулемет. Около него с закрытыми глазами лежал оставшийся в живых южноафриканский сержант. Невозможно было определить, то ли этот человек просто отдыхает, то ли крепко спит. Нобуру не мог не восхищаться небрежным отношением жителей Южной Африки к неминуемой смерти. Однако каждая культура смотрит в лицо неизбежному по-своему.

И неизбежное скоро наступит. Огромная скандирующая толпа фактически окружила комплекс главного штаба, хотя основная часть азербайджанцев оставалась вне поля зрения, спрятанная в зданиях, узких переулках, за камнями, стенами и обломками. Можно было видеть только несколько одиноких фигур, спешащих в сумерках. Толпа расположилась как раз под гребнем холма. За ничейной землей выгоревших руин.

Клоет втянул в себя последнюю порцию дыма и щелчком отбросил окурок сигареты за стену. Черты его лица оставались жесткими и четко выделялись в угасающем свете дня.

— Шумное стадо, — сказал он. — Не так ли, генерал?

Нобуру кивнул. Клоет никогда особенно не беспокоился о том, чтобы в полной мере соблюдать военный этикет по отношению к Нобуру, и он не шелохнулся, чтобы подняться или отдать честь. Казалось, что своим отношением он говорил: „Теперь мы все равны, и мы будем равны еще больше до того, как снова взойдет солнце“.

— У вас остались патроны? — спросил Нобуру, трогая повязку на голове. Рана зудела.

Клоет усмехнулся.

— Достаточно для того, чтобы разозлить этих педерастов. После этого я могу только разобрать на части этот предмет, — он похлопал по своему оружию, — и швырнуть в них.

Пение прекратилось. Некоторое время несколько нестройных голосов еще звучало, но скоро и они нерешительно замолкли в надвигающейся темноте. Когда завываний толпы не ста-

ло слышно, раздался другой шум — шум двигающихся тяжелых машин.

— Деблокировочная группа, — произнес Акиро дрогнувшим от удивления голосом.

Нобуру схватил его за плечо.

— Нет. Если бы это были они, то они бы стреляли.

Над механическим грохотом возвышался единственный голос. Он звучал подобно мусульманскому призыву к молитве.

В ответ толпа завывала так громко, что бетон задрожал под ногами Нобуру.

Клоует поднялся, пристально вглядываясь в бледную ночь, окутавшую внутренний двор и стены.

— Танки, — закричал он. — У этих ублюдков есть танки.

Как бы подтверждая его слова, раздался первый выстрел. Снаряд попал в дальнее крыло здания штаба, и воздух содрогнулся от взрывной волны.

— Они подходят, — пронзительно крикнул с боковой позиции голос по-японски.

С воплями толпа хлынула из тени. Вдали, на краю города, горели трущобы. Нобуру было интересно, почему во времена бедствий бедняки сжигали себя первыми? Отчаяние? Желание очистить свою жизнь в огне?

Единственное японское орудие, открывшее огонь, после нескольких выстрелов перестало стрелять. Его люди прекратили огонь, ожидая, когда они смогут лучше всего использовать каждый выпущенный снаряд. Им не нужны были теперь приказы. Каждый знал, что он должен делать.

Нобуру видел три танка, ползущих к воротам и проломам в стене. Из-за шума толпы было плохо слышно, но создавалось впечатление, что за первыми машинами следовали другие.

Итак, это произошло. Противотанкового оружия не было. Никто не мог представить, что оно может здесь понадобиться.

Танки стреляли поверх толпы, ударяя по зданию штаба. Выстрелы казались редкими и случайными, но они могли помочь в достижении цели.

Самые отчаянные в толпе ринулись к воротам, пролезая через бреши в стене. Они спотыкались о насыпи разрушенной кладки, неистово стреляя и пронзительно крича.

Японцы удерживали позицию.

Клоет вытащил тонкий нож „коммандос“ и дважды воткнул его в отвалившийся кусок штукатурки, прежде чем убрал его в ножны.

— Господин генерал, — кричал Акиро, — вы должны укрыться!

Нобуру повернулся к молодому человеку. Акиро стоял прямо около него, не желая прятаться до того, как это сделает старший по званию. Но глаза адъютанта сверкали в сумерках от страха.

— Сейчас, — сказал Нобуру. Он хотел посмотреть в глаза своей смерти.

Акиро снова заговорил, затем задохнулся и пошатнулся в сторону Нобуру, схватившись с непривычной грубостью за генерала. Нобуру почувствовал на своем лице теплую влагу от кровавого прикосновения молодого человека.

Адъютант удивленно сжал руку Нобуру. Он оставался на ногах, но при этом внутренности вывалились из его разорванных брюк. Он смотрел на Нобуру с укором напрасно обиженной любимой собаки хозяина.

— Акиро... — сказал Нобуру.

Адъютант ослабил свою хватку и свалился на бетонную крышу. Освободившись от напряжения мускулов тела, внутренние органы молодого человека выскользнули из него, как будто спасаясь бегством от его смерти и пытаясь уцелеть самостоятельно.

Глаза Акиро оставались открытыми, и его голова слегка двигалась на неповрежденном позвоночнике. Он смотрел на Нобуру с надеждой, которую тот не мог вынести, как будто Акиро ожидал, что мудрый старый генерал все уладит и опять все будет хорошо.

— Акиро... — прошептал Нобуру, протягивая руку, чтобы остановить продолжающие сотрясать молодого человека судороги, выбрасывающие остатки его внутренностей.

Губы адъютанта произнесли слово, которое Нобуру не мог разобрать.

— Акиро... — повторил Нобуру.

Тело молодого человека ослабло, и страшная дрожь прекратилась. Ругаясь, Клоет начал стрелять короткими очередями из ручного пулемета. Затем откликнулись другие ручные пулеметы и несколько автоматов. Нобуру продолжал ждать, когда остальные его люди откроют огонь. Затем он понял, что других не было.

Он поднял автомат Акиро, вытер влажные следы смерти о брюки, встал на колени рядом с Клоетом и сержантом из Южной Африки. Три

человека стреляли из-за края крыши. Теперь Нобуру перестал думать. Он испытывал состояние экстаза от действия, стреляя так же спокойно, как если бы он был в тире.

Первый танк вырвался вперед толпы. Он стрелял прямой наводкой по зданию штаба, сопровождая каждый выстрел главного орудия трассирующими пулями из пулемета. Груды тел, сраженных японским орудием, лежали на земле, но казалось, что конца толпе нет. Пространство между штабом и стеной было плотно покрыто живыми и мертвыми.

В огне выстрелов Нобуру увидел одного из своих людей, бросившегося от боковой двери в атаку без оружия. В последние секунды до того, как человек кинулся на броню танка, Нобуру разглядел в его руке гранату.

Взрыв заставил многих в толпе упасть на землю, но он не остановил танк.

— Сукины дети, — выругался Клоет. У него кончились патроны.

Танк выстрелил опять. Здание под ними задрожало.

Сержант примкнул штык к винтовке. Клоет вытащил револьвер. Он бесстрашно встал, ругаясь и целясь в движущиеся мишени. Нобуру выстрелил и увидел, как темная фигура упала.

Тогда как оставшиеся японцы вели огонь последними патронами, снизу на них обрушился шквал трассирующих пуль из пулеметов.

Нобуру услышал необычный шум.

Что-то было не так. Послышался громкий свист, новый звук, который он не мог объяснить. Как будто огромные крылатые змеи спустились с небес. Драконы.

Ведущий танк пропал в огромной белой вспышке, которая ослепила Нобуру ярким светом. Оглушающий звук, похожий на звук колокола, последовал за взрывом. Его видение мира превратилось в беспорядочную мозаику сумасшедшего. Но он видел горящий танк.

— Я ничего не вижу, — простонал сержант-южноафриканец. — Я ничего не вижу.

Взрыв был таким ярким, что казалось, будто солнце спустилось на землю. От удара страшной силы рана на голове Нобуру запульсировала под сбившейся повязкой. Он попытался посмотреть на небо.

Еще два взрыва заставили его опять припасть к крыше.

„Слава Богу, — думал он, погружаясь в себя. — О, слава Богу!“ Он обнаружил, что мысль о том, что он еще жив, приятна.

Шипение и свист становились все громче. Стало слышно гудение двигателей.

Кто-то услышал. Кто-то перехватил одну из его радиопередач. Кто-то распорядился послать десантную группу деблокировки. Между выстрелами Клоет взглянул на Нобуру.

— Похоже, ваши товарищи прорвались, — сказал он. Затем он разрядил пистолет в толпу.

Собравшиеся в кучу атакующие дрогнули, когда была разрушена их прикрытая броней поддержка. Танки сулили им волшебную победу. Теперь танков больше не было. В толпе слышались высокие голоса, выкрикивающие что-то, похожее на ободряющую молитву.

Нобуру все еще не видел машин в темном небе, принесших освобождение. Он пытался определить их по звуку двигателей, но в ушах

у него звенело. Взрыв оглушил его, и он наполовину лишился слуха.

Его раздражало, что он не мог различить машины, но, какими бы они ни были, они были желанными.

Как по невидимому сигналу, толпа опять ринулась вперед. В стремительной атаке первые фигуры достигли здания. Нобуру поднялся в полный рост, чтобы использовать свои последние пули там, где они были больше всего нужны. Но он уже слышал отдаленное эхо сражения внутри штаба.

Возможно, группа деблокировки прибудет все-таки слишком поздно. Всего на несколько минут.

Он следил за бегущей в свете огня фигурой сквозь прицел автомата. Когда он уверился в том, что убьет этого человека, он нажал на спусковой крючок.

Выстрела не последовало.

Он вынул пистолет, но человек, в которого он целился, уже укрылся у стены штаба. Ниже, в центре штаба, что-то взорвалось.

— Сукины дети, — крикнул Клоет. — Что они так копаются!

Нобуру выстрелил и сразил бегущего человека. Фигура завертелась, схватившись за колено.

Их было слишком много. Пытаясь войти в здание, атакующие уже цеплялись за окна второго этажа. Последние японские автоматы замолчали.

Шум двигателей нарастал. Столб огня обрушился с небес, за ним последовал другой, за-

тем — третий. Нобуру узнал характерный звук пушки Гатлинга.

Тяжелые снаряды взрывались во внутреннем дворе. Они были настолько мощными, что не просто убивали свои жертвы, а рвали их в клочья.

Клоет быстро пригнулся, прижавшись к крыше. Нобуру последовал его примеру. Южноафриканец смеялся, как безумный.

По ту сторону стены ярость толпы сменилась воплями отчаяния. Нобуру чувствовал, как незваные гости карабкались, чтобы укрыться от богоподобного оружия, и он мог бы представить себе снаряды, падающие во внутренний двор. Иногда старое оружие бывает лучше всего.

Нобуру похолодел. Звуки сражения внутри здания штаба усиливали его ужас.

Он понял, что ни одна из новых японских машин, находящихся в этом районе, не была оснащена пушками Гатлинга.

Сзади него смеялся воин из сновидения, смеялся и смеялся.

Шум вертолетов был теперь оглушающе близко. Он мог различать их раздутые черные очертания на темно-синем небе. Каждый раз, когда один из вертолетов стрелял из пушки Гатлинга, конус огня был все короче и ближе. Снаряды издавали резкий, хрустящий звук, когда они попадали на булыжную мостовую между телами мертвых и раненых.

— Американцы, — сказал Нобуру Клоету.

Возможно, шум был слишком сильным. Южноафриканец просто изумленно посмотрел на него, ничего не понимая.

— Американцы, — закричал Нобуру, приложив руку ко рту.

Клоет посмотрел на него так, как будто бы генерал сошел с ума.

Струя воздуха от несущего винта начала срывать с них одежды.

Огромные вертолеты приземлялись, ища место, где можно сесть.

Воин из сновидения ликовал, заставив Нобуру рассмеяться.

Нет. Он не сдастся так легко. Он оттолкнул призрак.

Один из садящихся вертолетов держал курс прямо на вертолетную площадку.

— Пошли, — закричал, поднимаясь, Нобуру. — Мы должны сообщить кому-нибудь о...

Шум был слишком сильным. Он пополз по направлению к проходу, ведущему к лифту и лестничному колодцу. Передача сообщения через компьютер с заблокированной системой займет слишком много времени. Единственной надеждой была старая радиостанция.

Она должна работать. Необходимо было проинформировать Токио.

Он повернул голову, чтобы поторопить Клоета и сержанта. Но крыша взорвалась фейерверком искр. Лишь мгновение он наблюдал за корчащимися в конвульсиях фигурами двух южноафриканцев. В следующее мгновение их тела разлетелись на куски, когда приближающаяся боевая машина стала очищать вертолетную площадку с помощью пушки Гатлинга.

Нобуру забился в самый дальний угол прохода, ведущего с крыши, и сидел там, пока не прекратилась стрельба. Он чувствовал себя так,

как будто его ужалили дюжины ос. Он предполагал, что это были осколки кирпичной кладки, и радовался, что все еще мог двигаться.

Как только огромное черное чудовище приземлилось на крыше, он бросился в укрытие лестничного колодца.

— Сюда, — закричал Козлов. Тейлор следовал за русским по вертолетной площадке, нагнувшись под боковым несущим винтом М-100. Крыша была гладкой, с разбросанными останками нескольких трупов, настолько развороченных снарядами, что в них едва можно было признать людей.

Мерedit двинулся за Тейлором с оружием наготове, прикрывая старшего по званию. Хэнк Паркер с переносной радиостанцией следовал за ними, следя за молодым уорент-офицером, у которого в портфеле были волшебные ключи.

Несколько оставшихся в живых людей из толпы, находившихся во внутреннем дворе, стреляли вверх по крыше, но казалось, что они слишком ошеломлены и потрясены, чтобы их стрельба достигала цели. Тем временем остальные М-100 садились на другой стороне парадной площадки, их пушки Гатлинга обстреливали живых и мертвых, освобождая выбранные ими зоны посадки. Американские солдаты прыгали из люков по трапам, расчищая себе путь к зданию штаба с помощью короткоствольных автоматов. То здесь, то там американцы падали навзничь под пулями противника, но, так как на них были легкие бронежилеты и шлемы, они поднимались из мертвых и бросались за своими товарищами в бой.

Тейлор наблюдал за происходящим до тех пор, пока не убедился, что три выделенных для штурма вертолета совершили посадку. На небольшой высоте последний М-100 патрулировал над ближайшими улицами, время от времени выпуская клин огня, который предупреждал всех о том, что надо держаться на расстоянии.

Времени было немного. Когда вертолеты Тейлора приближались к Баку, группы деблокировки пробивались в город по многим направлениям. М-100, осуществлявший прикрытие, направлял огонь то в одну, то в другую сторону, избирательно поражая длинные колонны и блокируя как можно больше улиц с помощью горящих боевых машин. Но все главные орудия М-100 нуждались теперь в калибровке, а запасы боеприпасов для Гатлингов значительно уменьшились. Тут и там боевые машины групп деблокировки прокладывали себе путь в лабиринте улиц. Хуже всего было то, что бортовые компьютеры М-100 показывали, что самолеты противника над Каспийским морем летели курсом, направление которого не вызывало сомнений.

Тейлор последовал за остальными по коридору, засыпанному битым кирпичом. Козлов дернул стальную дверь и был готов опрометчиво броситься в лестничный колодец. Но Мередит оттолкнул его. Козлов припал назад к стене как раз, когда Мередит швырнул в темноту гранату. Затем начальник разведки упал и увлек за собой Козлова.

Взрыв в бетонном лестничном колодце был настолько громким, что, казалось, все здание может рухнуть.

— Пошли, — закричал Тейлор.

Но Мередит оказался проворнее. Он бросился вперед, стреляя короткими автоматными очередями в дым и ступая по осыпавшейся штукатурке, которая скрипела у него под ногами. Тейлор бросил мимо него компактную сигнальную ракету в проем лестничного колодца.

Никто не выстрелил в сторону света, который был ненамного ярче, чем тусклое зарево дыма, оставленного гранатой. Ничего не было видно.

Но времени ждать не было.

Вспомнив знакомый прием, отработанный в Лос-Анджелесе, а затем усовершенствованный в Мексике, Тейлор хлопнул Мередита по плечу.

— Пошли.

Мередит обстреливал лестницу, выпуская вниз автоматную очередь при каждом повороте. Пули ударялись о стены, отскакивали от них, создавая живые паутины огня.

— Один этаж свободен, — кричал Мередит.

Тейлор повернулся к Хэнку Паркеру и показал на Козлова и Райдера.

— Эти двое останутся здесь до тех пор, пока я не свистну. Затем спускайтесь по лестнице как можно быстрее.

Полковник поспешил за Мередитом.

— Три этажа, — вслед ему крикнул Козлов. — Здесь три этажа лестницы.

Тейлор догнал Мередита, затем прошел мимо него, сменив его в этом заученном упражнении для двух человек. Мередит прикрывал его. Дым раздражал легкие Тейлора, и он чувствовал слабое головокружение. Он понял, что еще не полностью оправился от вчерашней не-

удавшейся попытки спасти экипаж оставшегося в холодной степи М-100. Дым въелся в него.

Но он продолжал идти, крепко прижав к себе короткоствольный автомат. Он полностью забыл о боли в руке.

За пределами лестничного колодца раздавались оружейные выстрелы и крики на трех разных языках. На всех этажах японские защитники врукопашную сражались с азербайджанцами, а за ними шли американцы, уничтожающие и тех и других.

Но остальные действия американцев были только отвлекающими. Это были вспомогательные удары. Все зависело от того, удастся ли им доставить Райдера в компьютерный зал до того, как кто-нибудь взорвет машину.

— Проход свободен, — закричал Тейлор. На следующей лестничной площадке он припал к стене. Мередит спотыкался на бетонных ступенях. Младший офицер хлопнул Тейлора по плечу и двинулся мимо него как тень. Это было лучшее из того, что они могли сделать. Это был аварийный вариант. Времени на тщательную и обдуманную операцию по расчистке пути не было.

На этот раз Мередит прошел весь путь вниз по лестнице, не стреляя, так как на выпущенные им раньше автоматные очереди ответа не было. И пулям некуда было бы лететь, кроме как отражаться от пола лестничного колодца и возвращаться к стреляющему.

Скорость, скорость. Все рискованные действия были сейчас оправданны.

— Путь вниз свободен, — закричал Мередит. — Я около двери.

Тейлор вынул спортивный свисток. Он свистнул два раза, затем быстро спустился к Мередиту. Остальная часть команды последовала за ним. Тейлор выстрелил из ракетницы, чтобы осветить им путь. Трудно было поверить, что японцы до сих пор не объявили тревогу. Бои в коридорах здания не стали менее интенсивными, и Тейлор предполагал, что у защитников и без того было слишком много хлопот. Они все равно ничего не смогли бы сделать, даже если бы знали о той угрозе, которую представляет для них его малочисленная группа.

Он шел вслед за Мередитом, пробираясь сквозь плотные клубы дыма. Раньше его легкие могли выносить любую нагрузку, но, когда человек стареет, все меняется.

Левой рукой Мередит держался за ручку двери, ведущей в подвал, а в правой сжимал автомат. В искусственном свете ракеты он был похож на красивое животное, сильное и смертоносное.

Тейлор приготовил еще одну гранату. Дым рассеялся, и оба офицера смогли взглянуть в глаза друг другу. Они оба знали, что главный момент настал. Если японцы или кто-нибудь еще устроил засаду, то это произойдет сейчас.

Тейлор уже принял решение. Он решил, что на этот раз он войдет в эту дверь первым. Если с ним что-нибудь случится, Мерри знает, что делать.

Выражение глаз молодого человека было настороженным, ноздри раздувались.

Козлов, Паркер и Райдер примкнули к ним, когда они были внизу.

— Сейчас налево, — сказал Козлов. — Насколько я помню, надо пройти мимо трех две-

рей. Центр управления находится в конце коридора. Последняя дверь слева по коридору, до входа в центр управления, — вход в компьютерный зал. Это очень просто.

Тейлор кивнул, хотя совсем не был уверен, что это будет просто.

— Вначале мы пойдем в центр управления. — Он посмотрел на Паркера и Козлова. — Итак. Я обезврежу центр управления. Мерри прикроет правую сторону коридора. Вы вдвоем пойдете в компьютерный зал вместе с этим светловолосым парнем. Затем вы смените Мерри. Все все поняли?

Все кивнули в знак согласия.

— Хорошо, — сказал Тейлор. — Всем прижаться к стене. — Он показал на то место, куда они должны были отойти. Затем он повернулся к Мерри. — Готов?

Мерedit крепче сжал ручку двери.

— Давай, — сказал Тейлор.

Мерedit резко распахнул дверь. Тейлор бросил гранату в коридор. Мерedit захлопнул дверь снова, и оба отскочили от двери, чтобы их не ударило, если она откроется.

Ударной волной дверь сорвало с петель. Она отошла от дверной рамы и упала на лестницу.

Тейлор мгновенно бросился в коридор, он прижимался к левой стене, давая одну очередь за другой. Действия Мерeditа были зеркальным отражением того, что делал Тейлор, только он прижимался к правой стене и стрелял в сторону дыма.

— Давай, — закричал Тейлор.

В искусственном свете дымового тумана раздались похожие на кашель выстрелы из автома-

тов противника. Мерри стрелял еще и еще раз, целясь туда, где, как бриллианты, сверкали яркие вспышки выстрелов. Тейлор перекатился по полу в его сторону, чтобы помочь ему вести огонь, затем встал и побежал к центру управления.

„Уже так близко, — думал он, — уже так близко. Пожалуйста. Боже, не испортить все сейчас“.

Он слышал, как другие быстро бежали за ним.

Дверь в конце коридора была заперта. Тейлор собрал все свои силы и всей тяжестью тела ударил по двери — она открылась. Перекатываясь по полу, он влетел в комнату, где было очень светло и чувствовалась приятная прохлада, поддерживаемая с помощью кондиционеров.

Вслед за ним другие, выполняя свою задачу, начали искать компьютерный зал. Тейлор оказался один. Он быстро вскочил с ковра, с автоматом наизготове. Все произошло в доли секунды. Человек, стоявший у пульта управления, выстрелил в него, но промахнулся, и Тейлор короткой очередью пригвоздил его к пулту. Другой человек поднял пистолет, но Тейлор действовал быстрее и выпустил в него полную обойму на уровне талии. Теперь магазин был пуст.

В другой стороне большой комнаты стоял японский офицер с микрофоном в одной руке и пистолетом в другой. Его голова была забинтована испачканной кровью повязкой, и он был похож на шейха-вероотступника. В той части комнаты, которая разделяла Тейлора и японского офицера, никаких предметов не было и ничего нельзя было использовать в качестве при-

крытия. Японец опустил микрофон и поднял пистолет.

Тейлор не пытался бежать. Он смотрел на человека взглядом, который выражал всю ненависть, скопившуюся в нем за долгие годы жизни. Губы его злобно скривились. Он пристально смотрел на своего врага, как будто перед ним было животное. Он методично вынул пустую обойму и полез в патронную сумку, чтобы достать другую.

Японский офицер держал пистолет в вытянутой руке, целясь в Тейлора. Он не мог бы промахнуться с такого расстояния. Тейлор чувствовал, как невидимые линии от пистолета касаются его тела, но не отводил глаза.

Он продолжал перезаряжать автомат.

Он ждал и ждал. Он начал сердиться на то, что японский офицер не стреляет, что он продолжает целиться. Ему даже хотелось выкрикнуть своему врагу: „Стреляй же, черт тебя побери!“

Тейлор вздрогнул, он узнал лицо человека под грязной окровавленной повязкой. Это был генерал Нобуру Кобата, командующий вооруженными силами Японии на этом театре военных действий.

„Почему этот сукин сын не стреляет?“

Японский генерал смотрел на Тейлора взглядом, значение которого тот не мог понять. Этот взгляд ничего не говорил Тейлору, а выражение его лица тоже было незнакомо. Больше всего это было похоже на страх. Но этого не могло быть. Преимущество было на стороне японца, именно ему сейчас принадлежал выбор между жизнью и смертью.

Взгляд японца уже не был таким пристальным, веки подергивались. Он смотрел теперь не на Тейлора, а сквозь него, как будто он увидел привидение.

Пистолет в руке генерала задвигался. Он опять направил его в сторону Тейлора, как бы предупреждая, стараясь отпугнуть. Тейлор видел, как он двигает палец к курку. Он чувствовал это так отчетливо, как будто его собственная рука двигалась к курку пистолета.

Их глаза встретились.

Тейлор вставил в автомат новую обойму и, ни на секунду не замешкавшись, выстрелил в японца. Нобуру вздрогнул и выстрелил в ковер прямо у ног Тейлора. Генерал отступил назад неровными шагами, как будто танцуя современный танец. Тейлор выстрелил в него еще и еще раз.

— Черт тебя дери, — сказал он своему врагу. — Черт тебя дери, сукин сын. Черт тебя дери. Черт тебя дери, черт тебя дери.

Он дышал так, как будто только что пробежал самую длинную дистанцию в жизни. В полуобморочном состоянии, отчаянно прижимая к себе автомат, как испуганный рядовой, он подошел к тому месту, где лежал Нобуру.

Японец лежал не двигаясь, с широко открытыми глазами. Тейлор остановился около тела, его трясло от непонятного, невыразимого страха. Как будто Нобуру мог вдруг ожить, вскочить и укусить его.

Тейлор выпустил в тело оставшиеся пули, затем плюнул в лицо Нобуру. Он пнул его ногой в бок, затем опять, еще сильнее.

— Ты сукин сын, — сказал он. — Ты мерзкий сукин сын.

Выстрел из автомата, раздавшийся в коридоре, вернул его к действительности. Он вставил новую обойму и бросился бежать.

Дым слегка рассеялся. Он увидел Мередита, лежащего на полу, опершись на один локоть и используя в качестве прикрытия перевернутый шкаф для документов. Пока Тейлор смотрел на него, Мередит дал две очереди в дальнюю часть коридора.

Тейлор пополз по коридору к начальнику разведки, покрывая огнем каждую дверь, мимо которой он проползал. У двери в последнюю комнату лежали два японца, распластавшись у машины для уничтожения бумаг. Еще один лежал прямо за Мередитом.

Взрывом гранаты на этаже сверху потолок сотрясло так сильно, что на них начала падать белая пыль.

Тейлор встал за тем же углом, за которым прятался Мередит.

— Тебе нужна помощь? — спросил он, удивляясь тому, что он говорит совершенно нормальным голосом.

— Сукины дети, — сказал Мередит дрожащим голосом. — Я чуть не промахнулся в этого сукина сына.

Тейлор заметил, что у молодого человека из шеи идет кровь.

— Мерри, с тобой все в порядке?

— Сукин сын, — повторил Мередит, задыхаясь. Хотя он очень тяжело дышал, но это было дыхание здорового человека. Рана была легкой, но чуть-чуть в сторону — и его бы не стало. —

Я не заметил этого подонка. Он подкрался ко мне сзади. С этим чертовым ножом.

Тейлор взглянул на мертвого японца. В его руке не было ножа, это были ножницы. Но в сознании Мередита навсегда останется, что это был нож. Вот так люди запоминают боевые действия: наполовину реально происходящие события, наполовину плод воображения. И так они записывают эти воспоминания в своих мемуарах, которые историки потом цитируют как бесспорные свидетельства очевидцев. Тейлор уже давно понял, как рождается история. Он знал, что ей никогда нельзя полностью доверять, и все же он продолжал читать исторические книги, стараясь найти правду, более глубокую, чем та, которую ему давал собственный жизненный опыт. В коридоре позади него послышался шум. Тейлор повернул автомат в ту сторону. Это был Паркер. За ним следовал Козлов, который все еще был без оружия.

— Полковник Тейлор, — позвал Паркер. Его голос звучал взволнованно. — Сэр, вас хочет видеть уорент-офицер.

Тейлору казалось, что он больше не выдержит. Что еще могло случиться?

— Что случилось? — требовательно спросил Тейлор.

— Ничего, — сказал Паркер.

Затем Тейлор заметил, что капитан ухмыляется, как будто он только что выиграл голубую ленту на сельской ярмарке.

— Просто вы ему нужны. Это невероятно, но вы ему нужны, чтобы принять решение.

Тейлор сердито остановился. План ведь был ясен. У мальчишки Райдера были инструкции,

сейчас было не время играть в игры. Деблокировочная группа могла пробиться в здание штаба в любую минуту. Какой-нибудь сумасшедший или фанатик мог взорвать весь штаб к черту. Наверху шел бой, и на фоне артиллерийского огня раздавались крики и истошные вопли.

Тейлор бросил свой автомат Козлову, который неуклюже поймал его.

— Он может тебе понадобиться, — сказал Тейлор. — Я хочу, чтобы вы вдвоем остались здесь вместо майора Мередита. Мерри, пошли со мной.

Тейлор не стал ждать, чтобы посмотреть, как выполняется его приказ. Сгорая от злости, он бежал по коридору, думая о том, какую еще дерьмовую чушь придумал Райдер. Задача ведь была яснее ясного.

Тейлор ворвался в компьютерный зал. Райдер вскочил, но потом успокоился, когда увидел, кто вбежал. Он сидел перед центральным терминалом огромного компьютера. И улыбался.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — прорычал Тейлор.

Райдер не обратил внимания на интонацию его голоса, он глупо улыбался.

— Посмотрите вот на это, сэр, — сказал он. — Просто посмотрите. Это невероятно.

„Боже, — думал Тейлор. — Что теперь?“ Он подошел к главному компьютеру, кипя от ярости, что Райдер не направил всю свою энергию на то, чтобы уничтожить боевые системы японцев. Райдер был похож сейчас на мальчишку, играющего с большой машиной.

Тейлору хотелось закричать на него, но он вовремя остановился. Главное было выполнить задание, напомнил он себе. Даже если один из главных исполнителей окажется не на высоте.

— В чем проблемы? — спросил Тейлор, изо всех сил стараясь говорить спокойным голосом. Мередит встал позади него.

Райдер весело посмотрел на них.

— Сэр, проблем нет. Все отлично. Посмотрите.

Тейлор склонился над экраном. Но он не умел читать символы языка японского компьютера.

— Хорошо, — сказал он, — расскажи мне, что это означает.

— Эта колонка цифр справа, — сказал Райдер. — Вы видите?

Тейлор утвердительно кивнул.

— Это узлы управления японской системой противокосмической обороны, или как вы ее там называете.

— Хорошо. Так что это значит? — Не успел он спросить, как начал понимать, почему уорент-офицер был так взволнован.

— Да, — радостно сказал Райдер, — мы знали, что японцы запрограммировали самоликвидацию всех тактических систем оружия. Но мы никогда даже и не мечтали...

Тейлор положил руку на плечо молодого человека, стараясь вернуть их обоих к реальности.

— Ты хочешь сказать, — спросил Тейлор, — что этот компьютер может приказать японской системе противокосмической обороны осуще-

ствить самоуничтожение? Разрушить заградительный щит островов?

— Ну, — сказал Райдер, — они, возможно, не взлетят на воздух в буквальном смысле. Может быть, в результате этого приказа просто выйдут из строя все электронные схемы. А спутники останутся на орбитах, но не смогут выполнять свои функции.

Тейлор сильнее сжал плечо молодого офицера.

— Ты абсолютно уверен в этом? Здесь не может быть ошибки?

Райдер пожал плечами, как будто речь шла о пустяках.

— Абсолютно. Это яснее ясного. Взгляните сюда. Видите, я сказал компьютеру, что я японский генерал. Генерал Нобуру Кобата.

Мерedit перебил его.

— Сделай это, — попросил он. — Разрушь эту систему, пока еще есть время. Если мы уничтожим ее противокосмическую оборону, Япония не сможет защищаться даже от дерьма. Тогда все изменится.

— Да. Это бы все изменило.

— Это трудно сделать? — спросил Тейлор Райдера.

— Легче легкого, — сказал уорент-офицер так, как будто этот вопрос удивил его. — Сэр, вы хотите, чтобы я сделал это?

Тейлор прислушался к звукам боя наверху.

— Да. Сколько времени это займет?

Райдер не ответил. Он начал нажимать на клавиши. Изображение на экране изменилось, и уорент-офицер начал сортировать множество

чисел. Над головой послышались тяжелые шаги. Бой опять усилился.

Ожидая, пока Райдер введет программу, Тейлор повернулся к Мередиту. Начальник разведки прижимал платок к шее. Платок был весь в крови.

— Мерри, ты уверен, что все в порядке?

Офицер разведки медленно кивнул.

— Просто глубокая, рваная рана. Даже не больно. Боже, я думал, моя песенка спета.

— Мерри, генерал мертв.

Начальник разведки взглянул на него.

— Я убил его, — продолжал Тейлор. — Мне повезло. Этот сукин сын держал меня на прицеле и не стрелял. — Тейлор покачал головой, все еще не понимая. При воспоминании об этом он вздрогнул. — Он держал меня на прицеле.

— Вы уверены? Вы уверены, что это был он?

— Да. Можешь доложить об этом, как о достоверно установленной смерти. Если ты хочешь посмотреть, то он лежит в центре управления. Хотя боюсь, что зрелище не из приятных. — Тейлор опустил глаза. — Меня понесло. Я вспомнил Счастливого Дэйва и Мэнни.

Мередит отнял носовой платок от раны. И посмотрел на него. Тейлор открыл свой индивидуальный пакет и вынул бинт.

— Вот. Воспользуйся этим. А где твой индивидуальный пакет? Я должен предупредить тебя о нарушении инструкции номер пятнадцать.

— Когда мы выберемся отсюда, вы сможете предупредить меня о чем угодно, сэр.

— Я все еще не понимаю этого, — сказал Тейлор. — Он мог нажать на курок...

В коридоре Паркер или Козлов дали очередь из автомата. Затем еще одну.

Райдер в последний раз нажал клавиши на панели компьютера, затем повернулся лицом к Тейлору и Мередиту.

— Ты готов начать, шеф? — спросил Тейлор.

— Все уже сделано, — сказал Райдер бесстрастно. — Японской системы противокосмической обороны больше не существует.

Тейлор посмотрел на уорент-офицера, он сомневался, уж не шутит ли Райдер, он не мог поверить, что все было так просто, после всех лет борьбы, поражений, мечтаний о лучших днях.

— Шеф, — высказал вслух Мередит то, о чем думал Тейлор, — а это не шутка? Ты действительно абсолютно уверен, что японская система противокосмической обороны ... выведена из строя?

Райдер пожал плечами:

— Если компьютер не делает ошибок.

— Боже, — произнес Мередит.

— Отлично, — сказал Тейлор теперь уже деловым тоном. Он приказал себе не думать ни о чем, кроме тех дел, которыми занимается в настоящее время. История и великие решения могут подождать.

В коридоре опять послышалась стрельба.

— Шеф, — сказал Тейлор требовательно, — нам еще надо вывести из строя системы, находящиеся на этом театре боевых действий. Ты можешь найти „Скрэмблеры“? — Он чуть было не добавил, что нельзя терять время. Но Райдер отлично делал свое дело. Тейлор не хотел его нервировать в этот момент.

Уорент-офицера совершенно не волновало присутствие в комнате трех других человек. Он был специалистом, квалифицированно выполняющим то, чему его учили. И он был бесконечно счастлив.

Пальцы Райдера бегали по клавиатуре так, как будто он был виртуозом-пианистом, играющим гаммы и арпеджио. Тейлор, который в течение стольких лет работал с компьютерами и даже пытался заставить себя изучать их, несмотря на то что основные его интересы находились совсем в другой сфере, восхищался уверенностью и умением Райдера. Тейлор понимал, с какими сложными комбинациями работал Райдер, но он работал так, что создавалось впечатление, что на свете не было ничего более легкого.

Такой человек мог бы сделать гораздо более удачную карьеру, если бы не был военным. Тейлору было интересно, какая удивительная история вынудила, повлияла или неукротимо повлекла этого молодого человека с мальчишеской внешностью на военную службу. Это было одно из чудес света, что в армии всегда появлялся человек, необходимый ей в момент отчаяния.

— Шеф, — сказал Тейлор. Он не мог не перебить Райдера. — Мы сможем сделать это?

Райдер слегка махнул рукой, как бы стараясь отмахнуться от обеспокоенности полковника. Его пальцы продолжали танцевать по клавиатуре.

— Тактическое оружие находится в другом файле. Эта программа не открыта для пользователей. Я хочу сказать, что у нее совершенно другая логика. И я думаю, они не хотели бы,

чтобы любой Том, Дик или Гарри уничтожали их самолеты, танки или личный состав.

— Шеф, если есть возможность найти хотя бы одну вещь, найди „Скрэмблеры“.

Райдер кивнул и опять занялся своим делом.

Вдалеке раздались три выстрела. Тейлор и Мередит переглянулись.

— Это выстрелы за стенами здания штаба, — произнес Мередит, выразив словами то, о чем подумали оба.

Через мгновение в комнату вошел Хэнк Паркер. Его лицо было все в саже, и на этот раз он не улыбался.

Он протянул плоский микрофон радиоприемника, висящего у него на плече.

— Сэр, говорит капитан Звук с вертолета, осуществляющего внешнее наблюдение. Деблочкировочные колонны уже в городе. Он больше не имеет возможности сдерживать их. Его главная пушка не работает. Он старается остановить их с помощью пушек Гатлинга, но у него почти нет снарядов.

— Что говорит Новак? — спросил Тейлор, имея в виду командира отвлекающей группы, ведущей боевые действия на крыше здания и во дворе штаба. — Какова ситуация на земле?

— Они говорят то же самое, — ответил Паркер. — В лучшем случае у нас остались считанные минуты. Если мы не поднимемся в воздух, они смогут захватить нас на земле.

Тейлор повернулся к Райдеру:

— Давай, шеф.

Вдруг Райдер отпрянул от пульта управления. Это был жест, выражающий победу. Моло-

дой человек широко улыбался, и весь экран снизу доверху заполнился цифрами.

— Я нашел их, — вскричал Райдер. — Мы нашли их! Мы вошли в программу.

— Отлично, — сказал Тейлор. — Давай уничтожь их и пошли отсюда. Мерри, ты...

— Нет! — взвыл Райдер.

Тейлор повернулся. Он услышал по рации Паркера еще один доклад офицера, находящегося в вертолете прикрытия: он доложил, что у него кончились снаряды для Гатлингов и умолял наземную группу поторопиться, пока авангард противника не дошел до здания штаба. Тейлор хорошо знал этого офицера, это был прирожденный десантник, который пошел в армию, потому что любил ее. Хотя он мог бы вести спокойную жизнь, он предпочел вместо этого служить своей стране в тяжелые времена. Тейлор также знал, что, несмотря на то что у него не осталось ничего, кроме бесполезных орудий, офицер останется в небе до тех пор, пока его товарищи не взлетят в небо. Тейлор был уверен, что так же поступит и хладнокровный командир штурмовой группы, сражающейся у них над головой на крыше или где-то в здании штаба. Офицер был типичным американцем польского происхождения и обладал чувством юмора, которое, казалось, было совершенно неуместным в этом столетии. Все эти люди останутся на своих постах до тех пор, пока работа не будет закончена.

Райдер побледнел. Он взглянул на Тейлора, в его глазах была растерянность.

— Что случилось? — спокойно спросил Тейлор.

— Я ... я не могу определить, какая это система, — сказал Райдер, — у меня нет нужного кода.

— Черт их дери. Уничтожь их все, — сказал Тейлор, начиная терять терпение.

Райдер покачал головой.

— Сэр ... программа составлена так, что ... нужно уничтожать каждую систему отдельно. — Он повернулся вполоборота к пульту управления. Яркая звездочка указывала на один буквенно-цифровой код. Райдер нажал на клавишу. Буквенно-цифровой код исчез, а яркая звездочка передвинулась к следующему коду.

— Видите, — сказал Райдер. — Единственное, что надо сделать для того, чтобы уничтожить какой-нибудь объект, — это нажать на клавишу. Вот здесь. Но неизвестно, что вы уничтожаете. Возможно, танк или просто радиостанцию. Или одного из „Скрэмблеров“. Я не знаю. Но надо каждый раз нажимать на клавишу. А в этом массиве тысячи объектов. — Райдер опять нажал на клавишу, разрушая следующий объект, следующую неизвестную систему где-то на дальнем поле боя. — Но на это уйдет много времени, — сказал он. И опять нажал на клавишу.

За стенами здания раздалось еще несколько взрывов. От взрыва где-то рядом потолок задрожал. Верхний свет замигал. Но компьютер работал на собственном миниатюрном источнике энергии — он находился в своем независимом мире.

Все внимание Райдера было сконцентрировано на компьютере. Он нажимал на клавишу каж-

дый раз, когда звездочка сдвигалась вниз. Казалось, что на уничтожение каждой системы уходило две или три секунды. Так просто. И все.

— Дай мне микрофон, — приказал Тейлор Паркеру. — И приведи сюда Козлова.

Паркер передал ему микрофон. Мередит бросился в коридор, чтобы привести русского.

Тейлор забыл, какими позывными они пользовались сегодня. Он забыл все, кроме того, чем был занят сейчас.

— Новак, — вызвал он командира наземной группы, — ты меня слышишь?

Он с надеждой ждал ответа. Затем на командной линии связи раздался знакомый голос:

— Bravo четыре-пять. Прием.

— Я хочу, чтобы вы прекратили бой. Начиная отводить своих ребят. Садитесь в вертолет как можно быстрее и поднимайтесь в воздух. Начинайте немедленно. Прием.

— Будет выполнено. Вам нужна помощь?

— Нет, не нужна. Поднимайтесь в воздух. У Звака нет больше боеприпасов. Когда вы будете в воздухе, ваши машины смогут принести нам больше пользы. Мы почти все сделали, — солгал Тейлор. — Отбой. Звак, сукин сын, не совершай безумных поступков. Я хочу, чтобы, как только Новак поднимется в воздух, вы направились в Турцию. Мы будем выходить из окружения по отдельности, и ты сейчас ничем не можешь. Война еще не кончилась. Ты меня слышишь?

— Вас понял, — это был голос человека, который предпочел трудную военную службу безопасной обеспеченной жизни.

— И не мешай, — сказал Тейлор. — Рассматривай эти слова как приказ. Отбой.

Райдер продолжал нажимать на клавишу, стирая строчку за строчкой. Его веселое настроение давно исчезло.

Мерedit привел из коридора Козлова. Тейлор отдал микрофон обратно Паркеру.

— Вы хотите, чтобы я опять пошел прикрывать коридор? — спросил Паркер.

Тейлор проникся уважением к этому офицеру, которого он недавно еще совсем не знал. Все они были отличными храбрыми солдатами. Какое счастье, что у его страны есть такие люди!

— Нет, — сказал Тейлор. — Я хочу, чтобы все послушали меня. Шеф, продолжай нажимать на клавиши и слушай меня. — Тейлор посмотрел на лица присутствующих. Мерedit, такой красивый и умный. Козлов, с его большими зубами и наивной честностью. Паркер — крепкий, мужественный человек. И Райдер. Для Тейлора время начало разрушаться с тех пор, как его глаза встретились с глазами Нобуру. Лицо Райдера стало превращаться в лицо другого уорент-офицера, того, едва знакомого ему мальчишки, пострадавшего во время крушения в африканской саванне. И казалось, что совсем недавно Тейлор поднял руку, на которой он ощущал укусы муравьев, и выстрелил в переносицу мальчишке. И тут он увидел, что опять находится в штабе.

Пока Тейлор в своем воображении поднимал невидимую руку с невидимым пистолетом, Райдер сидел за компьютером.

Нет. Больше никогда.

Тейлор устремил свой взгляд на Мередита. Измученный мальчик, поздно повзрослевший на

улицах охваченного эпидемией города. Честный лейтенант, стоящий навтыжку перед столом начальника, в то время как боевые вертолеты бороздили небо над Лос-Анджелесом.

И Мэнни тоже был там. И Счастливчик Дейв. Но они стояли поодаль от Мередита и остальных, образуя совсем другую группу. Тейлор знал, к какой группе он принадлежит. Ему давно было пора к ней примкнуть.

— Мерри, — сказал Тейлор. — Ты возьмешь на себя обязанности командира. Твое задание — вывести подразделение, совершавшее штурм, из боя и переправить все машины и людей через турецкую границу. Я остаюсь здесь.

— Нет, — сказал Мердит. Это не было жалобой или напыщенной формальностью исполненного долга. Это не было просто произнесенное, но идущее не от сердца слово. Это был крик. — Нет, — повторил Мердит. — Сэр ... вы слишком нужны армии. Я могу остаться.

Тейлор на мгновение закрыл глаза и потряс головой.

— Черт подери, — сказал он мягко. — Ты — солдат, Мерри, а солдаты обязаны исполнять приказы. — Шум и грохот боя на улице подчеркивал каждое его слово. — Времени больше нет. И нет необходимости всем нам ...

Мердит поднял подбородок. Лицо его стало таким серьезным, что Тейлор чуть было не рассмеялся.

— Я останусь с вами, — сказал Мердит непреклонно. — Остальные могут идти.

Чтобы успокоиться, Тейлор опустил руку на плечо Райдера. Он почувствовал, что молодой

человек дрожит. Но его пальцы не прекращали двигаться по клавиатуре.

От страшного взрыва все здание содрогнулось. Свет погас, и единственным освещением комнаты было мягкое свечение мониторов компьютера. Затем свет опять включился.

Никто не пошевелинулся. Офицеры, стоящие в комнате, прямо смотрели на Тейлора. Он понял, что последние надежды на то, что эта операция закончится пристойно, исчезли. И он не мог этого вынести.

— Пожалуйста, — сказал Тейлор самое неподходящее из всех возможных слов. Он тщательно подбирал слова, чтобы они относились ко всем. Но когда он говорил, его глаза были устремлены на Мередита. — Послушайте меня. Вы все, что у меня есть. У меня больше ничего нет. Ни детей. Ни жены. Вы мои дети. Разве вы этого не понимаете? — Он пристально смотрел на Мередита. Ему хотелось обнять молодого человека, защитить его сейчас и навсегда. — Вы — единственные сыновья, которые у меня есть. И ни один отец не хочет видеть смерти своих сыновей. — Затем он обратился к Мерри: — Мерри, пожалуйста, уходи отсюда. Забери их всех отсюда. Ради Мэнни и Счастливчика Дейва.

Мередит открыл рот. Его губы приготовились сказать „нет“, но он не произнес ничего.

Звуки боя ворвались в здание штаба и раздавались где-то у них над головами.

По рации раздался еле слышный голос:

— Где вы? Все уже в воздухе. Ваш вертолет находится под обстрелом. Где вы?

— Идите, — сказал Тейлор. — Уже пора.

Тейлор торопливо залез во внутренний карман своей гимнастерки. Он вынул старый кавалерийский флажок. От прикосновения его пальцев флажок развернулся. Красный цвет флажка давно превратился в блекло-розовый, а белый стал желтым. Цифры были съезжившимися и согбенными, как спина старика. Он протянул флажок Мередиту.

— Там в Вашингтоне живет женщина, — сказал Тейлор. — Здесь ты найдешь ее адрес. — Он на мгновение отвел глаза. — Это не будет для нее много значить. Возможно, совсем ничего. Но я хочу, чтобы это было у нее.

Мерedit взял флажок. Его пальцы на секунду коснулись пальцев Тейлора, и он ощутил его тепло в последний раз.

— Уходите, — сказал Тейлор. Он больше не мог смотреть на них. Он грубо стащил Райдера со стула перед компьютером и сел на его место. И повернулся к ним спиной.

Они пошли. В комнате было совсем тихо. А у них над головами бой то затихал, то опять раздавались взрывы, сотрясающие здание. Выходя из комнаты, они шли очень медленно. Затем Тейлор слышал, как они бегут по коридору и как Мерedit выкрикивает: „Давай, давай, давай“. Тейлор улыбнулся. Голос Мередита был похож на голос безжалостного старого сержанта во время учений. Затем звуки боя заглушили их шаги.

Он нажал на клавишу. Затем опять и опять.

Через некоторое время ему показалось, что он услышал звук взлетающего в воздух вертолета. Здание задрожало. Но, возможно, это

была только ударная волна от взрыва огромного числа снарядов.

Тейлору хотелось думать, что это был шум от взлетающей вверх машины Мередита.

Дверь у него за спиной открылась.

Тейлор не шелохнулся. Он продолжал нажимать на клавиши в необходимом порядке. Он боролся до последнего. Настолько, насколько это было возможно.

— Полковник Тейлор, сэр?

В потрясении и ярости Тейлор обернулся.

Это был Козлов. Он держал автомат. Офицер штаба казался очень неуклюжим с этим оружием убийства.

— Я приказал вам уйти, — холодно сказал Тейлор. Он опять отвернулся к компьютеру, почувствовав облегчение от того, что вошедший был не Мередит.

— Они все улетели, — сказал Козлов. — Я видел, как они взлетали. Все ваши люди целы.

— Я приказал вам уйти, черт вас дери, — сказал Тейлор. — Вы — солдат, а солдаты должны подчиняться приказам. — Он опять нажал на волшебную клавишу компьютера.

— Это мой бой, — сказал Козлов, стоя за спиной Тейлора и стараясь говорить громко, чтобы его слова были слышны даже на фоне шума боя. — У нас осталось мало времени. Совсем мало времени. Это моя страна. Это больше мой бой, чем ваш.

— Ты — дурак, — сказал Тейлор. Но в его голосе уже было меньше злости. В конце концов, ему было приятно, что рядом с ним кто-то был. „Нет предела человеческому эгоизму“, — сказал он себе.

— И вы тоже — дурак, — сказал Козлов. — Мы оба — дураки. Но иногда ... я думаю, лучше быть дураками.

„Я должен сказать ему что-то доброе, — подумал Тейлор. — Что-нибудь соответствующее ситуации. Подбодрить несчастного сукина сына“. Но он не находил слов. Для него существовал сейчас только экран, клавиши и сгущающиеся сумерки.

— Во всяком случае, я вас прикрою, — сказал Козлов. — Возможно, это даст нам несколько дополнительных минут.

Пальцы Тейлора опять и опять нажимали на волшебную клавишу. Были разрушены сотни систем. Сосчитать их было невозможно. Может быть, „Скрэмблеры“ были уже уничтожены.

„Я — разрушитель“, — сказал он сам себе, вспомнив эту цитату, источник которой он не знал. Стихотворение? Или какой-то индийский текст? Но это не имело значения.

„Я — разрушитель“.

— Я сейчас пойду в коридор, — сказал Козлов. У него был такой грустный голос, что чем-то напоминал женский. — До свидания, полковник Тейлор.

И это был конец. Козлов не вышел в коридор. Он упал, когда открыл дверь. Громкая очередь из автомата раздалась совсем близко. Русский издал слабый стон и грохнулся на пол.

Тейлор повернулся на вертящемся стуле. Одной рукой он потянулся к смертоносному предмету, свисающему с его портупеи. Другая рука оставалась на клавиатуре и продолжала отстукивать уже хорошо знакомый ритм.

Козлов лежал на полу, но Тейлору его лица видно не было. Над телом Козлова, широко рас-

ставив ноги, стоял крепкий, жилистый японский десантник с автоматом наизготове. Он посмотрел на Тейлора, затем на компьютер. Он выкрикнул всего одно слово по-японски.

Не снимая гранаты с пояса, Тейлор снял ее с предохранителя. За несколько секунд до взрыва у него было время оценить человека, стоявшего напротив него: он был молод, с красивыми чертами лица и, очевидно, очень хорошо тренирован. Десантник, застыв, беспомощно стоял в дверном проеме, ожидая то, что неминуемо должно было произойти. Не имея возможности стрелять до тех пор, пока Тейлор сидел за компьютером, десантник был похож на полное жизненных сил животное. Он готов был убивать, но его сдерживало присутствие бесценного компьютера. Десантник был великолепным образцом настоящего солдата: у него были черные, очень бдительные глаза, а от его прикрытых военной формой мускулов веяло жестокостью. Тейлор жалел его, понимая настолько, насколько один человек может понимать другого.

Тейлор был удивительно спокоен, ожидая того момента, когда сработает граната. Он даже улыбался, сознавая, что лицо человека напротив было похоже на его собственное и что всегда с другой стороны автомата было его собственное лицо.

5 ноября 2020 года
Утро

Нам не удастся долететь, — сказал Кребс Мередиту. Начальник разведки полка сидел в кабине в том кресле, в котором обычно сидел Тейлор, и смотрел, как мимо проносятся покрытые снегом горы. На обратном пути М-100 летел на предельно малой высоте, стараясь не зацепиться за вершины гор.

— Ты сможешь, Утенок, — сказал Мередит. — Уже недалеко. — И на самом деле, это было недалеко. Турецкая граница находилась за следующей цепочкой гор.

— Майор, — сказал старый уорент-офицер, — вы можете поцеловать меня в задницу, если вам от этого станет легче, но нам не долететь. Я сделал все, что мог. Но эти сукины сыны всадили в наш вертолет столько пуль, что сквозь него можно с одной стороны влить всю Миссисипи, и она выльется через дырки с другой. Мы разваливаемся. И летим на одних парах. Я могу посадить машину, или мы подождем, пока она развалится в воздухе.

Они уже были так близко. Все остальные вертолеты М-100 из штурмовой группы несколь-

ко часов назад передали условный сигнал, означающий, что они пересекли границу и находятся в нейтральном и безопасном воздушном пространстве. Но командный вертолет слишком долго не поднимался в воздух с вертолетной площадки на крыше. Его бронированные стенки были все пробиты и испещрены пулями. Они пролетели всего только полчаса после вылета из Баку, когда Кребс счел необходимым приземлиться в горах, чтобы попытаться по возможности отремонтировать машину. Мередит помогал Кребсу, а другие стояли на страже в темноте, держа свои пустые, как пугачи, автоматы. Они старались наложить достаточное количество специальной ленты на стенки вертолета, чтобы он мог взлететь в воздух до рассвета, когда они наверняка будут обнаружены противником. Когда первые лучи солнца появились из-за гор, Кребсу чудом удалось поднять М-100 в воздух. Он тарыхтел, как испорченный старый драндулет, но взлетел. И они долетели до покрытых снегом гор Армении.

Мередит упрямо смотрел вперед на серо-белый пейзаж, как будто он силой воли мог заставить машину пролететь последние решающие мили. Пустынная земля под ним была „террой инкогнита“. Ситуация в Армении была хаотичной. Столько фракций и оккупационных группировок уничтожали друг друга, что их приземление могло иметь совершенно непредвиденные последствия. Если бы оккупационные силы Исламского Союза захватили их первыми, то их бы расстреляли прямо на месте. Если бы их захватили враждебные партизанские подразделения, то их судьба могла бы быть еще хуже.

— Майор, — воскликнул Кребс раздраженно. — Посмотрите на эти датчики. Мы летим к чертовой матери. Я должен немедленно садиться.

Мерedit не хотел смотреть на приборный щиток. Он пристально всматривался в очертания белых гор, означавших свободу и жизнь. Они должны это сделать. Ради Тейлора. Чтобы все это не кончилось, как плохая шутка.

— Еще далеко? — спросил Мерedit.

В ответ ему моторы начали глохнуть.

— Пора кончать принимать решения, — сказал Кребс.

— Помогите, помогите, — посылал в эфир радиосигналы Мерedit. По внутреннему телефону он передал команду: „Приготовиться к вынужденной посадке“.

Моторы заглохли, Кребс двигал рычагами ручного управления и старался заставить двигатели работать. Но угрозы не помогали. Они были слишком тихими, чтобы заставить работать двигатели, и, прежде чем Мерedit успел выкрикнуть какие-нибудь новые предупреждения или приказания сидящим в заднем отсеке, М-100 начал пробивать себе путь сквозь стену вечнозеленых деревьев, растущих в узкой долине.

Вертолет падал с треском через лес, снося на своем пути высокие хвойные деревья. Когда М-100 проносился сквозь кустарник, бронированные стенки и нижняя часть фюзеляжа трещали. Вертолет страшно рвануло и накренило в одну сторону. Мерedit слышал, как созданная рукой человека совершенная военная машина разваливается на части, перед тем как фюзеляж

грохнулся на землю. Он подумал о Тейлоре. Жена, родители — они все отступили от него сейчас, остался только Тейлор. С его изуродованным лицом и загнанными глазами. Тейлор хотел, чтобы он остался жить.

Останки вертолета накренились и врезались в снежное пространство между деревьями.

К своему удивлению, Мередит обнаружил, что он все еще жив. От напряжения глубокая рана на шее снова открылась, а позвоночник и все суставы болели так, как будто он только что совершил неудачный прыжок с парашютом. Но ремнями безопасности он все еще был пристегнут к сиденью. И он был жив, это было правдой, невероятной и великолепной.

Кребс смачно выругался:

— Все. Хватит. Я ухожу в отставку.

— С тобой все в порядке, шеф? — спросил Мередит. Он услышал, как дрожит его голос.

— Твою мать, — повторил уорент-офицер. Его голос тоже начал дрожать.

Мередит попробовал взять внутренний телефон, но во время падения микрофон оторвало от приемника. Более того, казалось, что все электронные системы вообще не работают.

Он ощупал свои руки и ноги, затем осторожно расстегнул ремни безопасности, опустился, пока не достал ногами до края сиденья второго пилота. М-100 врезался почти под прямым углом, его правое крыло и ротор оторвало. Неуклюже и напряженно Мередит полез назад через проход, ведущий в командный отсек, двигаясь в перевернутом мире, освещенном слабым светом аварийных огней.

Паркер и Райдер были без сознания и все в крови. Сержант из командного отсека был в сознании, но оглушен, вся нижняя часть его лица в крови. Увидев Мередита, он на мгновение узнал его, а затем опять отключился.

Состояние Паркера было хуже, чем у других. Сиденья в командном отсеке также имели ремни безопасности, но в остальном по прочности они уступали другим в кабине пилота. Сиденье Паркера оторвало от основания и бросило вперед. Рука Паркера была страшно вывернута, и кровь просачивалась сквозь рукав военной формы в том месте, где выступала кость сломанной руки. Его лицо перекосило, было похоже, что и челюсть тоже сломана. Паркер кричал, кровь шла у него изо рта и носа.

Райдер пришел в себя. Молодой уорент-офицер был весь в синяках, все тело его одеревенело, и все же ему повезло гораздо больше остальных. Не прошло и минуты с тех пор, как он пришел в себя, а он уже пытался двигаться по отсеку, стараясь помочь Мередиту.

— Что случилось? — спросил Райдер.

— Мы потерпели аварию.

Райдер на мгновение задумался. Было очевидно, что он еще не мог четко мыслить.

— Мы в Турции?

— Нет. Где-то в Армении.

— О-о-о, — молодой человек на секунду задумался. — Так что же мы теперь будем делать?

Паркер застонал. Мередит уже положил его как можно удобнее, но не нашел ничего, чтобы укрепить сломанную руку. Паркер, видимо, был в состоянии шока.

Паркер опять застонал. Это был стон человека, только что проснувшегося после страшного перепоя.

— Сначала, — сказал Мередит, — мы обесточим всю электронику. Затем соберем все, что сможем использовать и унести. Затем бросим гранаты в это помещение и в кабину. И только потом отправимся в путь.

Кребс пролез в отсек из наклоненного прохода. Его лицо было абсолютно серьезным.

— Майор, — сказал он, — к нам пришли гости.

Неистово работая, они старались стереть коды тех электронных приборов, которые не были разрушены во время падения. Кребс наложил шину на руку Паркера с таким же спокойным проворством, с каким он обычно работал с моторами или панелью управления. Паркер еще сильнее начал ощущать боль в руке и находился все время в полубессознательном состоянии. Все вместе — Мередит, Кребс, Райдер и сержант из командного отсека, который уже почти пришел в себя, — они осторожно положили Паркера на снег.

Паркер пришел в сознание и успел сказать:

— Оставьте меня, ребята. Я не хочу вас задерживать. Вы можете меня оставить.

И он опять потерял сознание от боли.

Пришельцы не могли видеть их, так как они стояли за корпусом М-100. Только нос машины и кабина пилота высывались из леса, а вечно-зеленые растения, покрытые снежными шапками, создавали хорошее прикрытие для вертолета. Они все ожидали, что в глубоком снегу на-

против начнется какое-нибудь движение или раздастся автоматная очередь.

Через лобовое стекло Кребс заметил первых непрошенных гостей. Это были люди, одетые в потрепанную зимнюю одежду и хорошо вооруженные. Он только начал ползти назад, чтобы сказать об этом Мередиту, как увидел, что весь край небольшой долины заполнился вооруженными людьми.

За стенами М-100 было очень холодно.

— Они как-нибудь прореагировали на наше появление? — спросил Мередит. — Тебе не кажется, что они ждут от нас неприятностей?

Кребс горько рассмеялся.

— Я не думаю, что мы в состоянии доставить кому-нибудь неприятности, — сказал он. — Они просто стояли там. Возможно, пытались догадаться, кто эти сукины дети, которые появились здесь неизвестно откуда.

Мередит кивнул:

— Я собираюсь взорвать кабину и командный отсек.

Кребс согласно кивнул головой, хотя на лице его появилось выражение скорби.

— А они не могут подумать, что это недружелюбный акт или что-то в этом роде? — спросил Райдер.

Мередит ответил ему честно:

— Возможно. Но у нас нет выбора. Наши птички напичканы сверхсекретной техникой. — Он дрожал от холодного горного воздуха. — Единственное, что я сейчас могу сделать, — это бросить парочку гранат, пока эти типы, кто бы они ни были, не начали ближний бой. Хотя это ничего хорошего нам не сулит. Но мы должны

сделать все возможное, чтобы ребятам из отдела технической разведки противника пришлось туго.

Кребс резко поднял голову.

Мередит следил за тем, как Кребс внимательно прислушивается.

— Ты что-нибудь слышишь, Утенок?

— Не знаю, — прошептал Кребс.

Паркер опять застонал.

— Какого черта, — сказал Мередит. И опять стал ползти к брюху М-100. — Спрячьте свои задницы за этими поваленными деревьями, — приказал он. И его ботинки исчезли.

Ему пришлось встать ногами на монитор стоимостью в несколько миллионов долларов, чтобы дотянуться до отсека, в котором хранились дополнительные боеприпасы. Несмотря на то что он собирался сделать все возможное, чтобы взорвать содержимое кабины к чертовой матери, он все еще чувствовал себя очень неловко, когда становился ботинками на новейшее оборудование.

Коробки с боеприпасами упали, как бы решив начать работу за него. Ему пришлось быстро отстраниться.

В гряде упавших предметов он нашел коробку с осколочно-фугасными гранатами, похожую на ящик для транспортировки яиц. Он наполнил гранатами нижние карманы мундира.

Просунув голову в кабину, он смог разглядеть очертания вооруженных людей, стоящих на краю долины. Их там были сотни. Они стояли, выстроившись в темную ровную линию.

Он снял кольца с двух гранат, бросил гранаты на пульт управления и отскочил назад в

командный отсек, сильно ударившись коленями и локтями, но не обращая на это внимания. Едва только он захлопнул дверь отсека, как два взрыва распахнули ее снова. Но дверь поглотила большую часть ударной волны, и, если не считать страшного звона в ушах, Мередит остался цел и невредим.

Дым.

Мередит выбрался через люк наружу. Как только его ботинки коснулись снега, он снял один за другим предохранители с трех гранат и кинул их в командный отсек. Затем, распластавшись, он прижался к земле около бронированного бока М-100.

Днище вертолета вздрогнуло и застонало от взрывов, но броня и изоляция их выдержали. Конструкция машины была настолько прочной, что ударов от взрывов всего запаса боеприпасов почти не было слышно. Машина была намного более надежной, чем ее хозяева. И в этом было все дело.

Он побежал к остальной части команды. Кребс и сержант мастерили носилки для Паркера, отрывая нижние ветки от деревьев, срезанных М-100 во время падения. За густым вечнозеленым кустарником на коленях стоял Райдер, он был в карауле.

Кребс посмотрел вверх.

— Я не думаю, чтобы эти ребята просто так ушли.

Мередит покачал головой.

— Почему они не идут к нам? — нервно спросил Райдер. — Почему они не двигаются?

Мередит не знал. Они попали в тот мир, где лучшие аналитики обнаруживали свою беспо-

мощность. Поступки и эмоции этих людей не диктовались логикой, и их нельзя было заранее предугадать, что лишало специалистов возможности прогнозировать. В Армении существовало большое количество вооруженных формирований, представляющих местных националистов, оккупантов, мусульманские секты, сторонников воссоединения и разрозненные группы, скорее защищающие интересы какого-то одного семейного клана или жителей одного ущелья. Ни у кого из них не было последовательной политической платформы. Единственное, в чем Мередит был совершенно уверен, — это то, что выстроившиеся вдоль края долины люди не принадлежали к Объединенным исламским вооруженным силам, так как иначе они были бы одеты в военную форму.

Мередит думал о том, что бы сделал Тейлор в такой ситуации. Совершил бы Тейлор последний героический акт? Это могло казаться очевидным, но Мередит так не думал. Тейлор всегда находил выход из такого рода ситуаций, а это, по меркам Старика, было пустячное дело. Он вспомнил случай в Мексике, когда Тейлор выкрутился из ситуации, где преимущество было явно не в его пользу.

— Я собираюсь пойти к ним, — вдруг сказал Мередит. — Я хочу поговорить с ними. Возможно, они немного говорят по-русски.

Кребс грустно взглянул на него, но без своей обычной насмешки, означающей „старый уорент-офицер все знает“. Сержант просто продолжал сооружать носилки. Несчастные глаза Паркера бессмысленно блуждали с одного лица на другое.

Вдруг Райдер сказал:

— Я пойду с вами. Вам не следует идти туда одному.

— В этом нет необходимости, — отрезал Мередит.

— Я иду с вами, — сказал Райдер твердо. Но было видно, что ему страшно.

Мередит пожал плечами. В такие моменты каждый сам делает свой выбор. Может, это и хорошо, что рядом будет белый человек. Никто не мог предугадать, как эти партизаны, или кто бы они там ни были, поведут себя.

Вдруг Паркер изогнулся и привстал с подстилки из веток, на которую товарищи положили его, пока они плели носилки. На лбу у него были капельки пота, а глаза смотрели прямо сквозь Мередита.

— Заберите полковника, заберите полковника, — закричал он. — Мы должны вернуться и забрать полковника.

Кребс легким движением прижал капитана обратно к зеленой кровати.

— Все в порядке, — сказал старый уорент-офицер. — С полковником все в порядке, не беспокойся. — В голосе старого вояки была мягкость, какую Мередит не мог даже себе представить. — Не беспокойся, — повторил он. — Полковник сам о себе позаботится. — Мередит заметил, что глаза Кребса блеснули. — Ты же лежи спокойно. Полковник сказал, что он хочет, чтобы ты лежал спокойно.

— А все-таки отлично, что мы остались живы, — воскликнул Мередит. Он бросил ремень с пистолетной кобурой в снег и вынул последние гранаты из кармана. Свой автомат он

оставил там, куда его раньше поставил Кребс, прислонив к дереву.

Спотыкаясь, он пошел между деревьями.

Райдер последовал за ним, он бежал трусцой, высоко поднимая ноги, как это делали спортсмены в старые времена.

Узкая полоса леса, которую Мередит видел перед собой, казалась ему очень красивой. И, пробираясь сквозь густой, покрытый снегом кустарник от обломков М-100, он видел перед собой чистый, ясный мир. И думал, что совсем неплохо кончить свою жизнь в этом месте, если уж этому суждено случиться. Это место было гораздо лучше многих других, в которых ему пришлось побывать.

И он почувствовал удовлетворение от того, что все сделал правильно. Он не понимал, почему не работала стратегическая линия связи, но смог передать результаты операции с помощью обычных средств, рассказать об их удивительной удаче, об уничтожении японской национальной системы противокосмической обороны. Если ему суждено умереть, то он умрет в тот момент, когда мир уже изменился к лучшему. Его народ и его страна будут процветать.

Он вдруг подумал о своей жене. Он остался столько должен Морин, он не выполнил столько обещаний. Она забудет его. Морин очень красивая женщина, еще совсем молодая и полная жизненных сил. Жизнь не сможет раздавить ее. Ему было жаль, что он не сможет больше держать ее в объятиях, что не сделал ее жизнь более счастливой.

— Сэр, — крикнул Райдер. Ему было тяжело пробираться по глубокому снегу, и он задыхал-

ся. — Может, вам крикнуть им. Дать им знать, что мы идем. Чтобы они не поторопились стрелять...

Да. Мальчишка прав.

Мерedit начал насвистывать. Затем он улыбнулся, но так как это мешало ему свистеть, он крепче сжал губы. „Тейлор бы оценил это“, — подумал он гордо. И он шел навстречу своей судьбе, насвистывая любимую мелодию Тейлора о Гарри Оуэне и думая о флажке в кармане.

Неожиданно деревья расступились. Наверху ровного пологого склона, на которых люди обычно учат своих детей кататься на лыжах, стояла цепь вооруженных людей, выделяясь на фоне зимнего неба. Долина была маленькой, она бы составила всего несколько контурных штрихов на географической карте. Во время планирования операции на такие места на карте обычно не обращают внимания, или если обращают, то тут же забывают. И единственной отличительной чертой этого места, и то на короткое время, была группа, состоящая из сотни вооруженных людей, стоящих ссутулившись из-за сильного ветра. У многих были бороды, и у всех был тяжелый взгляд людей, которые очень давно воюют.

Когда Мерedit почувствовал, что подошел на нужное расстояние, он остановился. Он услышал, что Райдер остановился рядом с ним. Холодный ветер дул вниз по склону.

Да, это было совершенно обыкновенное место и время.

— Здравствуйте, — крикнул он по-русски. — Мы военнослужащие в...

Десятки человек одновременно подняли свое оружие.

— Не стреляйте, — крикнул Райдер по-английски. — Не стреляйте.

Человек в черной детской шапочке выкрикнул какой-то приказ, и все люди наполовину опустили оружие. Очевидно, это был их командир. Он горделиво вышел вперед и чуть прошел вниз по склону навстречу Мередиту и Райдеру. Другой человек последовал за ним, и Мередит решил, что это телохранитель.

Оба партизана остановились в десяти метрах от Мередита и Райдера. Телохранитель держал в руках автомат Калашникова, его указательный палец выглядывал сквозь дыру в шерстяной перчатке.

— Кто вы? — спросил командир. По-английски он говорил, как говорят эмигранты — водители такси в Америке.

Мередит был настолько удивлен, что Райдеру пришлось ответить за него.

— Мы американцы из армии Соединенных Штатов, — сказал уорент-офицер. — А кто вы?

Командир партизан выпрямился в полный рост.

— Мы члены Армянского христианского фронта спасения, — объявил он. Затем он широко улыбнулся, обнажив здоровые белые зубы, выделявшиеся на фоне черной бороды. — Ну, возможно, вы знаете моего дядю Абеля, который живет в Чикаго?

ЭПИЛОГ

Новый год. 2021

Клифтон Рейнард Боукветт сидел на краю кровати в спортивных шортах. За ним, наполовину уткнувшись в подушку, лежала женщина с некрасивым лицом и глубоко дышала. Она много выпила накануне, и он чувствовал исходящий от нее запах перегара. Он не казался ему отвратительным. Если бы она перестала пить в то время, когда еще соображала, что делает, она бы не пустила его в свою постель.

Шторы были задернуты, но сквозь них проникало достаточно света, чтобы придать комнате цвет серой фланели. Он слушал, как идет дождь. Ему не надо было выглядывать на улицу, чтобы увидеть, что там творится. В дождливое зимнее утро пейзаж в Северной Вирджинии был всегда страшно однообразен. И все же ему никак не хотелось признавать, что утро уже наступило. Раньше Новый год был для него временем семейных торжеств, на которые приглашали старых друзей, а утром он обычно подводил итоги сделанного за прожитый год и обдумывал перспективы на будущее. Пока остальные члены семьи спали, он пил черный кофе с небольшим количеством коньяка и перед его ум-

ственным взором проходили все победы, которые одержал Клифтон Рейнард Боукветт из Ньюпорта и Джорджтауна. Но в этом году никаких победных шествий не ожидалось, и ему просто хотелось, чтобы утро поскорее кончилось. Хорошо, что он проспал все утренние часы. Только давняя боль в почках подняла его и согнала с уютного места в постели этой женщины.

Это был очень неудачный год. Несмотря на исключительно неблагоприятные условия, Мэддокс победил на выборах на волне триумфа, одержанного американскими войсками за границей. И этот разряженный мерзавец понизил его в должности. Если бы его уволили, это можно было бы пережить. Это можно было бы представить как результат серьезных политических разногласий. В Вашингтоне постоянно происходили увольнения важных персон. Но его не считали достаточно важной фигурой, чтобы уволить. Мэддокс унизил его, предоставив ему должность с более низкой зарплатой.

Затем эта сука Смит преподнесла ему подарочек. Она приехала вместе с его дочерью на каникулы из школы, и Боукветт всего лишь попытался сделать ей несколько предложений, которые в прошлом всегда вызывали благосклонную ответную реакцию. Эта маленькая шлюшка рассказала об этом его дочери, которая, в свою очередь, рассказала своей матери. И сразу после Рождества жена Боукветта подала на развод.

Дело было, конечно, не в деньгах. Слава Богу, у него их было достаточно. Но деньги никогда не были для него главным, поскольку их было много и он знал, что всегда так и будет. Для него было важнее уважение мужчин и пок-

лонение женщин — предпочтительно активное. Неудачи преследовали его как на служебном, так и на личном фронте. И так было уже в течение некоторого времени, но он не хотел признаваться себе в этом. Когда его жена подала на развод, он улыбнулся, налил себе виски и снял телефонную трубку. Он позвонил множеству своих приятельниц, оставив поручения автоответчикам. Но эта лежащая сейчас в постели рядом с ним некрасивая пьяная женщина была единственной, кто откликнулся на его звонок.

Он не видел ее около месяца. Она ушла из Объединенного разведывательного управления, что не поддавалось никаким логическим объяснениям. Она была безработной и пила. Конечно, так продолжаться долго не могло. В Вашингтоне и около него нельзя жить, не имея приличной работы. Для женщины ее круга такое положение в финансовом отношении было неприемлемо. Он мог бы, конечно, немного помогать ей, но он знал, что он этого не сделает. В глубине души ему хотелось, чтобы она уехала куда-нибудь далеко, не оставив адреса.

Женщина простонала, как будто алкоголь наконец начал причинять ей боль. Она повернулась на бок, и простыня под Боукеттом натянулась. В пьяном бреду она потянулась к нему и сказала „Джордж“. Эта ее оговорка испортила ему настроение.

Она была безутешна. И это глубоко ранило его. Возможно, он уже не тот, каким был когда-то. Его волосы поредели, хотя и совсем немного, и этого видно не было. У него, возможно, уже не было той силы, которая была раньше, но он полагал, что восполняет недостаток силы умением. Кроме того, он был богат и образован

и мог предложить женщине все, о чем она мечтала. Он не понимал, как эта женщина могла уговорить себя, что любит человека, с которым ни одна разборчивая женщина даже не согласилась бы появиться на людях.

Нет, он сейчас не был честен. Он положил дрожащие руки на свои крупные, как у кавалериста, бедра. Эта женщина любила очень искренне. Она любила настолько сильно, что Боукветту становилось горько, так как он сознавал, что никто и никогда не испытывал к нему такой лишенной расчета любви, даже его жена, когда они оба были молоды и непогрешимы. Его смерть не потрясла бы никого так сильно, как смерть возлюбленного потрясла жизнь этой женщины. Ему очень хотелось знать, какие же качества были у его соперника. Боукветт обладал настоящим талантом в любви и уложил в постель многих женщин, которые ему были нужны, и множество тех, которые ему не были нужны, но были восхитительны. Тем не менее ни одна не полюбила его настолько сильно, чтобы испытать при известии о его смерти такое безутешное горе. Конечно, по его вине плакало столько брошенных женщин, что из них можно было бы сформировать целый полк. Но это было не горе, а скорее игра. Он спал с очень многими, но не смог добиться того, что этот израненный, изуродованный полковник смог добиться от этой женщины. И ему очень хотелось бы знать, как ему это удалось.

Хотя, возможно, с ее стороны это просто притворство. Он и раньше ошибался. Ведь она даже не присутствовала на Армингтонском кладбище во время службы в память о погибших, а когда он попытался рассказать ей неко-

торые подробности его гибели, о которых не говорилось в сообщениях газет и телевидения, она резко оборвала его. А может быть, никто вообще не способен испытывать такую сильную любовь. Кроме, конечно, эмоционально неуравновешенных людей.

Боукветт встал. Поднимаясь, он старался не разбудить женщину. Она начала храпеть. Он перешагнул через кипу беспорядочно разброшенной одежды и пошел в ванную. Включив свет, он начал внимательно рассматривать свое лицо в зеркале, стараясь понять, почему все обернулось для него так неудачно.

Подполковник Мередит сидел около больничной койки и слушал звучащую в палате веселую до отвращения мелодию. Это была одна из палат государственного госпиталя для ветеранов, в котором лежали пострадавшие во время атаки „Скрэмблеров“. В течение дня без перерыва дешевые громкоговорители передавали записанные на пленку книги и мелодии, которые считало соответствующими случаю Главное контрольно-финансовое управление. Лежащие в постелях люди были беспомощны, как дети. Они не могли сосредоточенно смотреть на телевизор, но они могли слушать. Предварительные исследования показали, что они могут обрабатывать звуковую информацию так же хорошо, как и здоровые люди. Они просто не могут двигаться и реагировать.

Мередит узнал лица многих мужчин, лежащих в палате, и он на короткое время останавливался около всех кроватей, стараясь приободрить каждого словами, которые он пытался придумать, пока ехал в госпиталь. Затем он сел на

обитый серой тканью стул около постели Хейфеца, развернувшись так, чтобы можно было видеть невыразительные, как у маски, черты его лица. Рождественские украшения висели над кроватью Хейфеца, и одна гирлянда окаймляла дощечку с орденами, висящую над кроватью. Мередит был уже готов сказать дежурной сестре, что рождественские украшения над кроватью Хейфеца не совсем уместны, но женщина казалась такой измученной и ни на минуту не присела с того момента, как Мередит вошел в комнату. Это была очень трудная обязанность — дежурить в такой тяжелой палате в такой тяжелый день.

Мередиту хотелось бы, чтобы в госпитале было почище. Ему хотелось бы, чтобы его товарищам уделялось больше внимания, и особенно Хейфецу, и чтобы болтающийся без дела клерк в справочном бюро давал справки в более вежливой форме. Но больше всего ему хотелось бы найти повод, чтобы не приходить сюда. Он уже знал, что не придет сюда так долго, как позволит ему его совесть.

Было странно, что Хейфец выглядел сейчас моложе и менее обеспокоенным. Когда они служили вместе, выражение лица начальника отдела оперативной и боевой подготовки было постоянно напряженным, глаза смотрели устало, а подбородок резко выделялся вперед. Сейчас Счастливчик Дейв казался необычайно спокойным. Складки кожи вокруг бессмысленных глаз немного расправились, а рот был чуть-чуть открыт, как бы в насмешливой улыбке.

Мередит старался подобрать слова. Ему это давалось с трудом, когда он разговаривал со зна-

комыми лицами, лежащими на других подушках. Но что мог он сказать Счастливику Дейву?

— Я уже подполковник. Как и ты, черт возьми, — начал Мередит. — Мне было присвоено звание по распоряжению президента. — Он попытался изобразить на своем лице мужественную улыбку. — Черт их дери, почти все получили повышение. Начальник управления кадрами поднял шум. Он сказал, что такого количества повышений не было со времен Гражданской войны. И я теперь подполковник. Но не думай, что буду называть тебя „сэр“. Если ты только не встанешь с этой кровати и не выдерешь меня как следует.

Мередит смотрел на безучастные черты лица своего товарища. Ему хотелось знать, насколько Хейфец его слышит и понимает. Врачи сказали, что, возможно, на все сто процентов. Но лицо его было похоже на лицо грудного младенца, который ничего не осознает.

— Ты знаешь, — продолжал Мередит. — Старика собираются наградить посмертно Орденом Почета, и он его получит. Остались некоторые формальности, которые должны завершить в Конгрессе. Они уже собирают материал, чтобы открыть раздел, посвященный ему, в Музее бронекавалерийских войск в Райли. Там будет и о тебе, и о Мэнни, обо всех нас. Но больше всего о Старике.

Мередит посмотрел в мертвые глаза живого Хейфеца и отвернулся.

— Ты помнишь тот старый, потрепанный флажок, который он носил? Тот, который он привез из Африки? Я отдал его для музея. Они собираются положить его рядом с Орденом Почета, когда он будет ему присвоен. — Мередит

скользнул взглядом по одеялу, по кровати, по полу. — У Старика не было ни семьи, ни жены, ничего. Поэтому я хочу сделать все возможное, чтобы все его вещи были в музее, где они и должны быть. Где о нем будут помнить так, как он того заслуживает. — Он вдруг поднял глаза на Хейфеца, надеясь, что тот как-нибудь выразит свое согласие. — Но так, чтобы не было ничего, что могло бы оскорбить его.

Мерedit сел поудобнее на стуле и улыбнулся.

— Эти сукины дети, — сказал он, — ты знаешь, как они все помешаны на внешности. Они собираются использовать фотографию Старика еще тех времен, когда он был молодым капитаном. До того, как его лицо было изуродовано, но... что можно сделать?

К своему удивлению, Мерedit взял Хейфеца за руку. Она была мягкой и теплой, но в ней не было жизненной силы. Когда Мерedit сжимал его пальцы, они не сопротивлялись.

Улыбка Мерeditа превратилась в усмешку.

— А этот сукин сын Рено. Он получил полк. В результате этой операции он получил полковника. Операции, проведенной, как говорят, под командованием президента. Для прессы Рено главный герой. Он и Старик были лучшими друзьями. Надо слышать, как он говорит это. В первый день, когда мы вышли на службу уже в Райли, он собрал всех в гарнизонном театре, вышел на сцену, как маленький Патон, и ты знаешь, какие слова он произнес первыми. Он надулся и сказал: „Мы собираемся многое изменить здесь, друзья“. Он сказал, глядя мне прямо в глаза, что он собирается по-своему реоргани-

зовать полк. — Мередит засмеялся. — Председатель Комитета начальников штабов любит его.

— Затем эти чертовы русские. Они нас продали, Дейв. Это ясно как день. Но сейчас никто об этом и слушать не хочет. Война закончилась. И русские — наши лучшие друзья.

Мередит крепче сжал руку своего товарища. Ему хотелось, чтобы он ответил. Хотя что-нибудь.

— Я собираюсь уходить, — сказал он. — Ты ведь знаешь, каким был Старик. Он бы мне сказал оставаться в полку, несмотря ни на что, и делать все возможное, чтобы сдерживать Рено и не дать ему нанести вред полку. Но я просто не могу, Дейв. Я знаю, что ты меня понимаешь. Иногда Старик слишком многого от нас хотел. — Казалось, рука съежилась от пожатия Мередита. Он вдруг отпустил руку, боясь, что он делает Хейфецу больно. Но рука никак не реагировала. Ему это просто показалось. — Я все же уйду из Седьмого десантного. Такер Уильямс направлен в Хуачуку с разрешением провести реорганизацию разведывательной школы, и я еду с ним в качестве начальника штаба. Кто знает, может, на этот раз у нас все получится. Если они, конечно, не закроют это заведение опять. Боже, мирный договор даже еще не подписан, а Конгресс уже изыскивает способы сокращения военных расходов.

Мередит совсем отпустил руку своего товарища. В другой части палаты один из пациентов издал булькающий горловой звук, затем его тело начало дергаться, как у выброшенной на палубу корабля рыбы. Дежурная сестра выбе-

жала из-за своей тележки, перевернула больного на живот и помогла ему рыгнуть, как будто это был грудной ребенок.

— Дейв, мне надо идти. Мне предстоит чертовски долгая дорога, и у меня очень мало времени. Такер Уильямс хотел, чтобы я там был еще вчера. Ты же знаешь, как это бывает. Я хочу доехать до Кронвилля сегодня вечером.

Мерedit встал. Он вдруг представил, что сейчас произойдет что-нибудь необычное, что Хейфец начнет плакать или как-нибудь еще даст понять, что он все понимает. Но глаза только продолжали беспорядочно двигаться то вправо, то влево, то вверх, то вниз, а рот его немного открылся, как будто он навсегда застыл в этом желании что-то сказать. Трудно было поверить, что Хейфец понял хоть слово.

Из маленьких громкоговорителей раздавалась популярная песня о счастье быть влюбленным.

— Ты знаешь, я ушел от Морин, — вдруг сказал Мерedit. — Я не могу объяснить этого. Я просто не смог вернуться. — Он улыбнулся, посмотрев вниз на Хейфеца. — Ты ведь знаешь, иногда Старик бывал прямо-таки сумасшедшим. Я помню, да, это было очень, очень давно. Старый сукин сын дал мне книжку „Гекльберри Финн“ и приказал мне ее прочитать. Он сказал, что это была его любимая книга. Я никогда не мог представить себя в роли негра Джима. Но я думаю, что у Старика на уме было совсем другое. Сейчас же я себя чувствую немного похожим на Гекльберри в конце книги. Только на взрослого Гекльберри. — Он откинул голову назад и заплакал.

— Я не знаю, что делать, Дейв, — сказал он. — Я просто не знаю, что делать.

В Москве шел снег. И Валя пыталась заставить себя одеться и пойти в парк. Было бы очень здорово погулять, чуть-чуть. Но она даже не попыталась встать с дивана. По телевизору седовласый человек рассказывал об экономическом положении.

Американцы ушли. Ее восстановили на работе в школе, и учителя сделали вид, что ничего не произошло. С тех пор как ушли американцы, офицеры службы государственной безопасности больше не показывались. Но ей все время казалось, что они где-то рядом и наблюдают за ней.

Она несколько раз ходила развлекаться с Таней и один раз с Нарницким. Но ей это теперь не нравилось. В последние несколько недель она регулярно отказывалась от всяких приглашений и проводила дома все время, когда не работала в школе и не стояла в очередях за продуктами. Она даже думала взять кошку, но ей не очень нравилась мысль о том, что она будет жить у нее дома.

Она думала о будущем и ничего хорошего для себя там не видела. Она смотрелась в зеркало и чувствовала, как у нее холодеет спина. У нее с ноября не было месячных. Скоро ей придется опять идти в клинику. Иногда она думала, не оставить ли ей ребенка, но, как только она представляла себе все ожидающие ее трудности, эта мысль теряла для нее всякую привлекательность. Все-таки лучше завести кошку. И ей не хотелось портить фигуру. Пока оставалась хоть какая-то надежда.

Им не надо было сажать ее в тюрьму. Она и так была пленницей. Пленницей своей жизни, своего города, своей страны. Она отвела взгляд от телевизионного экрана и посмотрела опять в окно. Снег продолжал падать в свете уходящего дня. Сейчас снег в парке был очень чистым и красивым. Но через некоторое время люди истопчут его, и он опять станет грязным.

В дверь позвонили. Валя расстроено посмотрела на беспорядок в комнате. Она решила, что ей надо взять себе за привычку чаще убираться в комнате. Затем она пожала плечами и поднялась со своего уютного места на диване. Наверное, это Таня.

Она пригладила пальцами волосы и открыла дверь. Она не сразу узнала его. В мире было столько мужчин. После нескольких неловких мгновений, увидев его добротную одежду, она вспомнила его. Это был тот американец, который купил ей обед. Тот довольно приятный молодой человек, с которым она провела одну ночь. Сейчас он стоял перед ней с цветами и с завернутым в яркую бумагу свертком в руках. Он выглядел очень взволнованным и счастливым. Он протянул ей цветы и, заикаясь, начал говорить.

— Валя, — сказал Райдер. — Ты выйдешь за меня замуж?

От автора

В этой книге рассказывается об ужасных событиях. Ее главной темой являются те страшные события, которые вот уже в течение долгого времени происходят в России. Хотя основные проблемы возникают, главным образом, к западу от Уральских гор, тем не менее в сознании россиян все еще живо представление о том, что расовый и религиозный Апокалипсис грядет с юга и востока. В этой книге рассказывается об исключительных событиях, как это и должно быть в художественном произведении. Более правдоподобный сюжет предполагал бы описание тех беспорядков, которые не прекращаются вот уже в течение десятилетий и носят в некоторых областях очень серьезный характер, хотя гнев простых людей ни разу не достигал такой силы, чтобы различные этнические группы сплотились и создали единый боевой союз. Если бы меня как советолога попросили предсказать будущее Советского Союза, я бы назвал ситуацию очень нестабильной, с вероятностью возникновения время от времени взрывов фанатизма, сопровождающихся кровопролитием, болезнями и экономической разрухой, однако достаточно скучной и однообразной и поэтому привлекающей внимание запад-

ных средств информации весьма эпизодически. У меня нет сомнений в том, что мы услышим о кровавых бойнях, но ничего не будем знать о напряженной, безотрадной и скоротечной жизни простых мужчин и женщин. Одним словом, я считаю, что ситуация в Средней Азии останется такой же, какой она была в течение уже многих столетий.

Русские, как и монголы, персы и другие, предшествовавшие им завоеватели, о которых сохранились лишь смутные воспоминания, в конце концов уйдут в небытие. Они оставят следы своего существования, но они исчезнут. Вопрос состоит в том, произойдет ли это через несколько лет, несколько десятилетий или несколько столетий. Допотопные часы, отбивающие время в Самарканде, вызывают меньше беспокойства, чем электронные чудесные механизмы в Вашингтоне или часы в Москве, которые, кажется, все время стараются ускорить ход времени.

Подгоняемый Аристотелем и неистребимой жаждой крови, Александр Великий пересек реку Оксус, называемую сейчас Амударьей. И что он оставил после себя? Легенды и пески. Эти ядовитые пустыни поглотили историю.

Теперь по поводу исламского фундаментализма. Меня восхищает точная характеристика ислама, данная Леви-Строссом, который назвал его „религией лачуг“, и поэтому я отношусь к исламскому фундаментализму с меньшим почтением, чем многие мои коллеги, которые считают, что единственной серьезной трагедией нашего времени были мрачные события, проис-

ходившие в Советском Союзе. Более того, я считаю, что все эти разные народы, поклоняющиеся единому Богу, в будущем обречены на вечную заурядность. Исламский фундаментализм — это исключительно отрицательное явление. Даже хуже, чем христианская религия, так как он означает борьбу против хода исторического развития и отвратительный арьергардный бой с течением времени и твердой логикой развития материи, которая всегда будет двигать развитием человечества и нашего искаленного мира. Так, например, яростные нападки иранцев на Америку, называемую ими Великим Дьяволом, являются лишь проявлением неспособности арабов подняться над посредственностью. Бог является для них оправданием поражения личности и нации.

Только наличие внешних врагов, как настоящих, так и вымышленных, позволяет исламскому миру проявить странное подобие единства. Если Израиль будет уничтожен, например в ядерной катастрофе, то, скорее всего, это не уничтожит разногласия между этими народами, а разрушит их единство, так как у исламских народов не будет возможности объяснять свои поражения существованием дьявольского сионизма и они очень скоро найдут какую-нибудь новую блистательную священную миссию и начнут истреблять друг друга. Исламский фундаментализм не внушает мне надежд на будущее, он просто служит оправданием для региональных конфликтов.

Несколько слов о том, как изображены русские в этой книге. Более мелкие сюжетные ли-

нии являются метафорическим представлением современной ситуации в Советском Союзе. Вале нет никакой необходимости ждать тридцать лет, чтобы получить предназначенную ей долю страданий. Ее жизнь — это отражение жизни в Советском Союзе в настоящее время. Я считаю, что Советский Союз обречен. Но для нас важно лишь одно: удастся ли ему пережить все это, теряя время от времени оставшиеся республики, и все же с трудом продвигаться вперед, или же процессы распада и жестокие конфронтации будут происходить и дальше и начнут угрожать другим, более благополучным народам, живущим за пределами Советского Союза. Я не вижу никаких перспектив на возрождение Советского Союза. Даже если бы все граждане его сплотились и начали самоотверженно работать, то, в лучшем случае, они смогли бы сделать лишь один робкий шаг вперед на фоне продолжающегося общего спада, в то время как Соединенные Штаты Америки и Новая Европа сделали бы три или четыре шага вперед, а Япония — пять.

Мне кажется, нет никакой надежды на то, что на моем веку в Великой Московии появится огромный, процветающий рынок для западных товаров. Конечно, в течение какого-то времени на Западе будут верить в такую возможность. И найдутся банкиры-авантюристы из тех, по вине которых долг третьих стран вырос, как раковая опухоль. Я же вижу перед собой только картину полного поражения, нищеты и бедствий. Русский народ обречен. Но мы должны сделать все возможное, чтобы он этого не осознал.

Советскому Союзу нужна новая революция, но вероятность того, что она произойдет, очень мала. Люди слишком устали. Они способны только на короткие жестокие вспышки недовольства. Если вдруг, в силу какого-то стечения обстоятельств, революция в конце концов произойдет, она не будет ни мягкой, ни бескровной. И несмотря на преувеличенные обещания Советского Союза в области разоружения, у него все еще остаются огромные запасы ядерного оружия, разбросанные по огромной территории, контролировать которую, как оказалось, очень трудно, и не только из-за ее масштабов.

Огромные размеры территории, спасавшие Россию тысячи раз, сейчас являются причиной ее бед. Чтобы укрепнуть и стать конкурентоспособной, ей потребуется, кроме всего прочего, такая разветвленная сеть новых шоссейных и железных дорог и телекоммуникаций, которую США, Япония и Западная Европа, даже объединив свои усилия, не смогут построить. Если добавить к этому огромное количество экологических проблем, в силу которых отравляются последние остатки хороших земель и разрушается здоровье населения, то перспективы на будущее поистине безрадостны.

И тем не менее Советский Союз как магнит продолжает притягивать меня. Возможно, причиной этого являются те страшные видения, которые посещают меня.

Японская тема — это карикатура на тревожные события, происходящие в самой Америке в настоящее время. Конечно, и в этом случае

для большой образности я прибег к гиперболе. Я не считаю, что Япония когда-нибудь опять станет открытым военным противником Соединенных Штатов. Это маловероятно. Характер противостояния изменился, и главной стала экономическая борьба. В настоящее время мы находимся в состоянии экономической войны с Японией, как это было в предшествующие десятилетия. Но законы войны меняются. Новые войны не только не требуют объявления, они даже не предполагают осознания всеми гражданами страны ее существования. Я не думаю, что каждый японский бизнесмен является участником организованного двадцать или тридцать лет назад секретного заговора, цель которого — экономический крах Соединенных Штатов. Но я полагаю, что каждый японский руководитель осознает серьезность этой борьбы.

А может быть, это еще один пример общей тенденции очернения японцев. Я надеюсь, что это не так. Я считаю генерала Нобуру Кобата самым привлекательным героем этой книги.

Основной идеей американской темы является мысль о военной неподготовленности Соединенных Штатов. Конечно, являясь офицером американской армии и веря в историческую роль Соединенных Штатов Америки, я беззащитно пристрастен. Как историк, я не могу не испытывать глубокую обеспокоенность по поводу популярного в законодательных органах убеждения, что так как Россия находится в настоящий момент в состоянии кризиса, то численность вооруженных сил Соединенных

Штатов может быть уменьшена до чисто символических размеров. Конечно, необходимо осуществить значительное сокращение арсеналов оружия, но надо бороться со свойственной американцам любовью к крайностям и тенденцией видеть мир в черно-белых красках. Да, я согласен, что существовавшая в течение долгого времени советская угроза уменьшилась. Но мир остается жестоким, враждебным и завистливым. Мы должны сохранить регулярную армию на таком уровне, который позволит избежать трагических жертв, на которые нам приходилось идти в ходе всех военных конфликтов, начиная с 1812 года и до великих войн нашего столетия, когда наша военная система из всех сил старалась выиграть время для приготовлений и в бой шли необстрелянные новобранцы. Если мы не можем позволить себе иметь армию, которую требуют генералы, то все же должны иметь армию, которая нужна Америке. Обоснованное сокращение вооруженных сил имеет в настоящее время экономическую, социальную и политическую почву. Сокращение ради сокращения — бессмысленно.

И наконец, несколько слов о болезни Рансимана. В течение долгого времени я очень интересовался эпидемиологией. Если бы я был по-настоящему смелым человеком, я, возможно, стал бы врачом. Не будучи достаточно храбрым, я стал солдатом. Но меня очень интересует влияние эпидемий на ход истории, идет ли речь об эпидемии чумы под названием „Черная смерть“ или раке желудка, гепатите и других инорекционных заболеваний на политиче-

ское сознание жителей территорий, расположенных вокруг Аральского моря в Советском Союзе. Думая о феномене СПИДа, когда болезнь оказала гораздо большее влияние на общественное сознание, чем на общую смертность в США, я пытался представить себе, какое влияние может оказать сегодня по-настоящему страшная и заразная болезнь. С одной стороны, уровень медицинского обслуживания в развитых странах удивительно высок, с другой стороны, в силу развития технологий окружающий нас мир сильно отравлен. Болезнь, которая раньше распространялась от Китая до Ла-Манша за одно-два десятилетия, сейчас требуется один день. У нас появилось множество новых переносчиков инфекции. В действительности, не гомосексуалисты или грязные шприцы явились причиной появления СПИДа на благополучном Западе, а самолеты.

Это до неприличия американская книга. Мы, американцы, представлены на страницах этой книги как отличные ребята, так как, с моей точки зрения, мы такими и являемся в реальной жизни. Вот уже больше десять лет, как я живу и работаю за пределами Родины. Вместо того чтобы проникнуться любовью к другим странам, я обнаружил, что я еще больше утверждаюсь в своем убеждении, что Соединенные Штаты являются в настоящее время величайшей страной мира. Конечно, и у нас, американцев, есть свои недостатки. Временами мы совершали глупые ошибки. Но только благодаря нам хотя бы какая-то небольшая часть населения Земли может жить сегодня в мире и благопо-

лучии. И никогда еще не было такого великодушного победителя и такого благородного союзника. Наши ошибки совершались из наилучших побуждений, а наши жертвы оправдывали многое в истории человечества. Мне остается только надеяться, что эта книга, несмотря на все ее многочисленные недостатки, послужит процветанию моей страны.

Литературно-художественное издание

Ральф Питерс

Война 2020 года

В двух книгах

Книга II

Редактор Р. И. Михайлова

Художественный редактор Т. Н. Костерина

Мл. редактор А. Н. Ивашин

Технолог Е. Д. Бычкова

Зав. корректорской А. В. Минаева

Зам. зав. корректорской Н. Ш. Таласбаева

Корректоры В. А. Жечков, С. Ф. Лисовский

Подписано в печать с диапозитивов заказчика. Формат 84×108/32.
Бумага газетная. Гарнитура Банныковская. Печать высокая с ФПФ
Усл.-печ. л. 28. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1424.

Издательство «Вагриус», издательская лицензия № 061053 от 15.04.92.
103064, Москва, ул. Казакова, 18.

Издательство «БелВагриус», издательская лицензия № 811 от 27.04.94
220089, Минск, ул. Железнодорожная, 27а.

Минский полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа, 220005, Минск,
ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством
диапозитивов.

Ральф
ПИТЕРС

ВОЙНА 2020 ГОДА

К 2020 году мир пережил многое: последнюю ядерную войну, стершую с лица земли Израиль, роковую для американцев интервенцию США в Заир, страшную эпидемию неведомой и беспощадной болезни, обескровившую население всей планеты. Вся земля стала огромной шахматной доской, на которой две оставшихся сверхдержавы — США и Япония — разыгрывают решающую партию в борьбе за мировое господство. Роль одной из пешек отведена Советскому Союзу, охваченному пламенем гражданской войны, ослабленному хронической нехваткой всего на свете и бездарным руководством. В последней отчаянной попытке выжить и сохранить традиционные ценности западного мира давние противники — Соединенные Штаты и Россия — объединились для решительного сражения против нашествия с Востока.